

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИК Н. С. ДЕРЖАВИН

И С Т О Р И Я  
Б О Л Г А Р И И

9(4972)  
А-36

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Академик Н. С. Державин

# ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ

том

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1 9 4 7

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9(4972)

п-36

Академик Н. С. Державин

# ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ

III

Болгарский народ

под турецким

владычеством

05557

8646

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва-Ленинград ~ 1947







Глава I

БОЛГАРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ  
ЧУЖЕНАЦИОНАЛЬНОГО ГНЕТА

Начиная с 1363 и по 1393 г. пали под ударами османских турок один за другим болгарские города: Одрин (Адрианополь) — в 1363 г.; Пловдив и Стара-Загора — в 1364 г.; Ихтиман, Самоков, вся южноболгарская область вплоть до Ямбола и македонские города Штип, Прилеп и Битоль — в 1372 г.; София — в 1382 г. В 1388 г. отдельными турецкими отрядами были взяты Провадия, Варва, Шумен и Силистра. 17 июня 1393 г. после трехмесячной осады была взята турками столица второго болгарского царства г. Тырново. Наконец, в 1396 г. пали г. Никополь на Дунае и последний оплот политической независимости старой феодальной Болгарии, г. Видин.

С падением Видина Второе болгарское царство, просуществовавшее около 200 лет (1187—1396), прекратило свое существование, и болгарский народ, утратив свою политическую независимость, стал жертвою длительного чуженационального гнета.

В общем процессе исторической жизни болгарского народа гибель феодальной Болгарии явилась неизбежной. Завоевание Болгарии османскими турками было подготовлено всем предшествовавшим ходом событий в окончательно разложившихся к тому времени Византии и Болгарии. Болгарский феодализм, так же как и сербский, в условиях нахождения страны на полуострове, являвшемся основным транзитным путем из Европы в Азию, не мог создать сильной экономической и устойчивой политической государственности и, столкнувшись в XIV в. с более мощным по своей сплоченности, по своим завоевательным устремлениям и организованности своей военной силы противником, сдал ему свои позиции. Таким образом, поражение и гибель Второго болгарского царства было поражением изжившей самое себя к тому времени системы старой национальной феодальной государственности, покоившейся на бесправии и эксплуатации трудовых масс.

Что теряли от этой перемены болгарские крупные феодалы-помещики, болгарская придворная и правительственная родовитая знать? Они потеряли свою ничем не ограниченную политическую и хозяйственную власть над народом и его трудом, свои хищнически нажитые богатства и безграничную свободу в деле обогащения. Гораздо

УСЛБ-94 УГ К  
1962 г.

Зав. и. и. п. ф. и. зашифрован  
Отделение Обществ  
Библиотека  
42643

23905



больше терял, однако, болгарский народ, его трудовые массы. Хотя беспощадный в борьбе со светскими и духовными феодалами враждебного ему государства, в которых он видел оплот его силы, завоеватель на первых порах своего господства над завоеванными им народами полуострова оказался терпимым к их народному языку, обычаям и верованиям, к народному быту вообще, ограничившись внесением в народную жизнь своей системы внутренней политики и эксплуатации народного труда, тем не менее, вместе с турецким завоеванием и утратой национальной государственности, болгарский народ лишился очень многого. Прежде всего, он лишился естественного пути своего национального, культурного и политического развития, так как вместе с утверждением чуженационального гнета в его организм вклинивалось «чужеродное тело», которое в течение ряда веков, как тяжелая заноза, мешало нормальному росту его производительных сил и обрекало его на длительное, жалкое культурное, хозяйственное и политическое существование, последствия которого в жизни болгарского народа не изжиты еще и до сих пор. Чуженациональный гнет осложнял для болгарского народа естественный процесс развития его классовой борьбы, вынуждая его вести бои то одновременно на нескольких фронтах, то бороться, хотя и на одном, но еще более осложненном фронте. В отличие от других народов, сохранивших свою независимость, болгарскому народу приходилось бороться не только с уродливостями своего феодального строя или, впоследствии, с его наследием в своей социально-экономической жизни, но с феодальным строем, крепко опирающимся на начала чуженациональной государственности — в виде чуженациональной церкви и чуженациональной, фанатически враждебно настроенной по отношению к покоренным народам военной силы. И когда к середине XVIII в. из недр болгарского народа выросла национальная буржуазия, то хотя она вела борьбу со своим противником, чуженациональным феодально-абсолютистским строем, свыше ста лет, все же сломить его сопротивление одними только собственными силами ей так и не удалось; не удалось, в частности, потому, что борьба эта протекала в рамках чуженациональной реакционной государственности, опиравшейся на хорошо организованную, чуженациональную для болгарского народа и нетерпимо националистически относившуюся к нему военную силу. Это реакционное и крайне консервативное в своих командных классах «чужеродное тело», насильно вклинившееся в организм болгарского народа, задерживало развитие народного хозяйства Болгарии; всячески тормозя развитие производительных сил, оно было одной из наиболее значительных преград для возникновения и развития подымавшегося с конца XVIII в. в стране капитализма.

Завоевание Балканского полуострова турками внесло в жизнь болгарского народа целый ряд существенных перемен, коренным образом изменивших «лицо» болгарской земли и положивших начало новой социально-политической ситуации в его истории. Вместе с турецким завоеванием болгарский народ превратился прежде всего в «оттесненную нацию» (Сталин), на которую легло всю свою тяжесть чуженациональное угнетение господствующей нации в лице ее военно-феодальной бюрократии и командующих классов. Резкая разница между угнетенной нацией и угнетающими классами господствующей нации в языке, религии, во всем укладе повседневной жизни, в трудовых навыках и обусловленном совокупностью всех этих обстоятельств «поведении» и психике того и другого на-

рода создала между ними с первых же дней непроходимую грань, которая в дальнейшем не только не сглаживалась, но углублялась все больше и больше, превращаясь для покоренного народа в петлю, которая с годами и столетиями затягивалась все туже и туже на его шею, а для командующих классов господствующей нации в ту «наклонную плоскость», идя по которой они не поднимались, не росли, а с годами и столетиями опускались все ниже и ниже.

После завоевания полуострова болгарский народ, как и все прочее иновещное по отношению к господствующей нации его население, был превращен завоевателем в бесправную «райю», отданную в своей массе «на поток и разграбление» всемогущим чуженациональным феодалам и бюрократии всех мастей и рангов, начиная от генерал-губернатора — вали и кончая последним полицейским стражником — забтие. Вместе с генерал-губернатором эти стражники составляли одну неразрывную цепь правительственных агентов (забитин), оставивших, между прочим, в народном языке болгар свое наследие, бытующее в нем и до сих пор, в виде красочного словца забтисвам — «насильно присваиваю», «кладу свою властную руку на что-либо», «граблю».

Однако, завоевание всего полуострова турками и насильственное подчинение его народов чуженациональной власти при всем его ужасе все же имело для болгарского народа некоторые «положительные» моменты, сыгравшие впоследствии роль известного фактора в его исторических судьбах и в его борьбе за национально-политическое освобождение. Это прежде всего территориальное объединение болгарского народа под единою, хотя и угнетающею, чуженациональную властью, и известная ликвидация старых классовых отношений, господствовавших до завоевания в феодальной Болгарии.

До турецкого завоевания болгарский народ как единое племя, объединенное общностью языка, политически был разорван на три части между соседями, постоянно, к тому же, враждовавшими друг с другом, — между Болгарией, Византией и Сербией. Каждое из этих государств, в свою очередь, постоянно находилось в состоянии внутренней анархии и жестоко страдало от междоусобий правящих классов, которые обессиливали народ, разоряли его и мешали его мирному труду. Болгарии, в частности, как единого государства ко времени завоевания полуострова турками фактически уже не существовало. На месте старой царской Болгарии Симеона, Самуила, Асеней и последнего из царей единой Болгарии — Ивана-Александра (умер в 1370 г.) существовало теперь три государства: Приморье (деспот Добротич, — откуда, предположительно, и название страны Доброджа, — и его преемник Иванко), Видинское царство (Иван Срацимир) и Тырновское царство (Иван Шишман III).

Уничтожив все эти карликовые государства, завоеватель тем самым стер разделявшие болгарский народ политические границы и таким образом помог ему создать известную «общность территории», и притом довольно «устойчивую общность», поскольку она просуществовала затем полные пять веков — вплоть до Берлинского конгресса 1878 г.

«Устойчивая общность» территории, которую дало болгарскому народу турецкое завоевание, сама по себе, даже при наличии общности языка, все же еще не создавала, конечно, в то время болгарской нации, потому что у болгарского народа ни тогда, ни значительно позже, вплоть до той поры, пока в его хозяйственную



жизнь не ворвался капитализм, не было устойчивой общности экономической жизни. Тем не менее, наличие в жизни болгарского народа с первых же дней турецкого завоевания общности территории содействовало, несомненно, постепенному росту в мышлении его ведущих интеллектуальных слоев элементов национального сознания.

Вторым положительным моментом была, как отметили мы выше, ликвидация старых производственных отношений, господствовавших до турецкого завоевания в феодальной Болгарии. Подчинив своей власти страну, завоеватель уничтожил ее феодальную знать и крупное землевладельческое дворянство и присвоил себе, на основании своего основного закона (коран), всю землю побежденного народа. С ликвидацией же крупной частной земельной собственности в Болгарии была подорвана и самая основа имущественного неравенства в среде болгарского национального «меньшинства», т. е. ликвидирована в основном его старая классовая дифференциация. С уничтожением же всей служилой национальной гражданской и военной аристократии болгарский народ в своем национальном ядре освободился и от сословных разграничений: завоеватель превратил всех болгар, без различия чинов и званий, в подчиненную себе, политически бесправную массу — райю (стадо). Одновременно завоеватель секуляризировал и большую часть монастырских имений и тем самым подорвал и еще одну опору болгарского феодализма. Там же, где крупные земельные вотчинники-христиане принимали ислам, — как это имело место, например, в Боснии, — и этим спасали свои имущественно-правовые и социальные привилегии и сохраняли свое классовое господство, они тем самым *de jure* и *de facto* переходили в его ряды, т. е. в ряды господствующей нации. Это явление имело место и у болгар, но в очень небольших размерах. Так как территория Болгарии, являясь для завоевателя основным плацдармом для наступательных действий против Европы, была главным центром его административной и военной колонизации, то здесь он далеко не проявлял такой терпимости по отношению к землевладельческому дворянству побежденной национальности, как это имело место на периферии его новых владений, несмотря на то, что часть болгарского вотчинного дворянства и приняла ислам.<sup>1</sup>

Не следует, однако, думать, что с ликвидацией старых производственных отношений, имевших место в болгарском обществе в рамках феодальной государственности, новое болгарское общество, возникшее вместе с турецким завоеванием, в своем национальном ядре превратилось из классового общества в какое-то бесклассовое. Такое представление было бы в корне неправильно прежде всего потому, что вместе с турецким завоеванием весь болгарский народ, за немногим исключением, превращался в классово угнетенный слой населения нового для него чуженационального классового организма. Включаясь в него, как его составная часть, он подчинялся всем действовавшим в нем силам и становился объектом эксплуатации командующих классов господствующей нации. Далее — ликвидация в Болгарии крупного национального вотчинного землевладения отнюдь не повлекла за собой ликвидации мелкого частнособственного землевладения, т. е. крестьянского землевладения, а стало быть, фактически не были ликвидированы

<sup>1</sup> См. Ivan Sakazov. *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*, 1929, стр. 172.

здесь и все активные и потенциальные элементы классового расслоения в среде болгарского крестьянства. Наличие кулачества, или так называемого «чорбаджийства», в болгарской деревне несомненна и для эпохи господства здесь полуфеодалных отношений. Засвидетельствована она, в частности, как известно, в ряде ярких типов и образов и в болгарской художественной литературе, например, в знаменитой поэме Ивана Вазова «Грамада» (кулак Цеко) и др.

Новая система аграрной политики завоевателя по отношению к иноверческим национальным меньшинствам — в том числе и по отношению к болгарскому народу — направлена была, конечно, в первую очередь на охрану материальных интересов командующих классов господствующей нации (турок) и тем самым укрепляла их политические позиции. Однако вместе с тем эта же политика угнетающей националистической нетерпимости вносила в жизнь болгарского народа элемент, который рано или поздно, на известном этапе его развития, должен был неминуемо подвести его и, в первую очередь, наиболее интеллектуальные слои, к проблеме национальной самообороны.

Старая султанская Турция была военно-феодальной державой. Этим определялся весь уклад ее политической жизни, социальных отношений и основ народного быта. Первые два века ее господства в Европе, после погрома Болгарии, протекали в непрерывных военных предприятиях, которые велись обыкновенно на периферии ее европейских владений или на чужой территории, где завоеватель искал себе поживы. В своих же собственных владениях на полуострове завоеватель был заинтересован в том, чтобы обладать многочисленным населением, которое обрабатывало бы землю и доставляло бы ему все необходимое для обеспечения его военных нужд и военных операций. Тем же хозяйственными нуждами объясняется и та некоторая религиозная терпимость завоевателя по отношению к его подданным-иноверцам, которая характерна для начального периода турецкого владычества на полуострове. Завоеватель был заинтересован в том, чтобы иметь возможно больше подданных, которые вносили бы ему «харач» (подушную подать) и прочие налоги, которые коран не разрешал взимать с последователей ислама. Агрессивный характер завоевателя и постоянное «состояние его в войне» были также причиной того, что в период своих завоеваний, длившихся в течение первых двух веков его стабилизации на европейской территории, он не имел физической возможности провести строгую централизацию в управлении завоеванными им обширными владениями на полуострове, вследствие чего различные части его империи не были подчинены одному и тому же, общему для всех режиму. Равнинные и близлежащие к Константинополю местности, более доступные и легче защитимые, густо насыщенные к тому же переселенцами из Азии, он держал в своих руках; местности же, расположенные вдали от главных военных путей к Дунаю и в Среднюю Европу, пользовались большим или меньшим самоуправлением сообразно с вносимой ими ежегодно данью, составлявшей существенную статью в доходах турецкой казны. Так было в Молдавии, Валахии, Морее и на Эгейских островах, не говоря уже о таких горных странах, как Албания, Ливан, Курдистан и пр. Но даже и в Болгарии, расположенной у ворот Константинополя и служившей проходным двором для турецких армий, да притом еще и сильно колонизованной турецкими переселенцами, горные



поселения и отдельные окраинные местности пользовались некоторыми льготами: они сохранили свое общинное национальное самоуправление, так что кое-где население пользовалось относительной свободой.

Таким образом, двойная необходимость — административная и хозяйственная — диктовала завоевателю оппортунистическую политику по отношению к завоеванным им иноверным народам, политику, менявшую свои методы и средства сообразно с временем, характером территории и завоеванной народности. Для управления землями, добытыми военной силой, завоеватель использовал существовавшие уже до него у местного народа формы и нередко прибегал к своим же подданным, возлагая на них все тяготы по управлению.

Некоторые общественные обязанности и термины, как, например, воевода, войник, кефалия, арматолог, баштина и др., из языков покоренных народов вошли даже в его официальный язык; на этих же языках в султанской канцелярии писались нередко и официальные документы.<sup>1</sup>

Что касается болгарских городов, то в противоположность массе крестьянского населения, которое под нажимом чуженациональной колонизации, особенно чувствительной в таких областях, как Фракия, северо-восточная Болгария вдоль Черного моря, Провадия, Герилово, Тузулук, Дели-Орман и др., испытало значительные передвижения, покидая старые населенные места и спасаясь в горы, — городское население в первое время, при султанах Мураде (1360—1389) и его преемнике Баязиде (1389—1402), не только было оставлено на своих местах, но и сохранило у себя на договорных началах с завоевателем свои национальные власти. Однако, после смерти Баязида, когда, желая использовать наступившие в Турции раздоры между сыновьями Баязида, болгары кое-где попытались восстать, завоеватель решил совершенно изгнать болгар из завоеванных ими городов. Так, в 1410 г. были денационализированы, например, Стара-Загора и ряд других мелких городов, затем города Пловдив, Кюстендил, Тырново, Ловеч и др. Часть населения этих городов была выселена в окрестности или бежала за границу; остальные были обращены в ислам или уничтожены, или сосланы на заточение в Малую Азию.

Южные и восточные части Болгарии после завоевания были плотно заселены турецкими колонистами. Северные и северо-западные районы Болгарии, как Тырновский, Плевненский, Вратчанский и Видинский округа, в общем сохранили свой прежний национальный облик. Средняя же и юго-западная Болгария подверглась колонизации главным образом в городах и в отдельных стратегических пунктах, где были водворены военные, административные и духовные власти, а также семьи спахив.<sup>2</sup>

Общее число иноземных поселенцев на территории Болгарии в момент ее завоевания определяется в количестве около миллиона человек.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> См. проф. Н. Милев. Факторите на българското възраждане. Сборник в чест на профессор Ив. Д. Шишманов. София, 1920, стр. 131 и сл.

<sup>2</sup> См. Н. Станев. България под иго. Възраждане и освобождение. 1393—1878. София, 1928, стр. 18—26; Dr. Al. Hajek, Bulgarien unter der Türkenherrschaft. 1925, стр. 15 и сл.; Dr. Frantisek Hrubl. Dejiny naroda bulgarskeho. Dil I, v Praze, 1930, стр. 257—259.

<sup>3</sup> Янко Сакъзов. Българите в своята история. София, 1918, стр. 195.

Турецкая колонизация отразилась, конечно, в известной степени и на внешнем облике страны, на виде ее сел и городов, придав им в архитектурном отношении, а также в отношении планировки улиц и площадей и общего распорядка частно-бытовой и общественной жизни «восточный колорит». Повседневное же общение народа с завоевателем на почве хозяйственно-трудовых, административных и судебных взаимоотношений отложилось, в частности, в болгарском народном языке в виде множества заимствований из турецкого языка, которые остаются в нем и до настоящего дня, уцелев в значительной мере и в языке современной болгарской интеллигенции и в ее литературе.

Тем не менее, несмотря на все пережитые болгарским народом в связи с утратой политической независимости лишения личного, хозяйственного и правового порядка, в первое время после утверждения в стране чуженационального владычества, когда более или менее наладилось его сожителство с завоевателем, положение болгарского народа в новой для него обстановке, по общему представлению историков, оказалось более сносным, чем то, в котором он находился раньше, в условиях национальной феодальной государственности. Завоевание полуострова турками и утверждение здесь новой государственности прежде всего положило конец непрерывно господствовавшему раньше, в феодальной Болгарии, войнам и междоусобиям и дало возможность народу всецело отдаться мирному крестьянскому труду и ремеслам, чему весьма благоприятствовало и то обстоятельство, что христианское население подвластных падишаху владений не подлежало, по действовавшему закону завоевателя, несению военной службы. Завоеватель пользовался национальной армией, которую составляли военнообязанные спахии, добровольцы-акинджи и корпус янычар. С другой стороны, и налоговое бремя, которое на первых порах турецкого завоевания было возложено на болгарский народ, оказалось для него менее тяжелым, чем это было при болгарских царях и помещиках. К тому же завоеватель, всецело поглощенный своими военными предприятиями, которые в течение первых двух веков его владычества на европейской территории сопровождался для него неизменным успехом, получал от них доход гораздо больший, чем давали ему налоги с населения. Они тонули в тех несметных богатствах, которые давала ему военная добыча. Выполняя свои налоговые обязательства, болгарский крестьянин и ремесленник оказывались теперь на положении мелких производителей-собственников, поставщиков продукции своего труда на нужды государства и его армии, что создавало для населения значительно более выгодные условия материального существования, чем это было раньше, в эпоху болгарского феодализма и полной зависимости трудовых масс населения от светских и духовных национальных владетелей.<sup>1</sup>

Еще лучше, разумеется, было положение особо привилегированных, и притом довольно значительных, групп райи, которые были обязаны по отношению к государству лишь определенной трудовой повинностью вроде сокольничих (доганджи), почтальонов (мезинджи), стражей горных проходов (дервентджи), лесных сторожей (куруджи) и пр. В остальном эти группы населения были освобождены полностью или частично от прочих налогов.

<sup>1</sup> См. Янко Сакъзов, назв. соч., стр. 17 и сл. стр. 196—199.



Сосредоточив центральное управление всеми своими владениями на полуострове в Софии (столицей старого болгарского царства был Тырново) во главе с главным начальником Румелийской области,<sup>1</sup> бейлер-беом (или беглербег), турецкое правительство, — говорит болгарский историк, — имело возможность быстро обуздать старые боярские междоусобицы и вражду общин. Разорванные ранее части страны объединяются под единой властью. Расширились границы страны. Всюду по городам турки организовали суды по шариаду (кодексу законов, составленный по корану), которые были свободны от влияния старых феодальных раздоров. Во многих случаях завоеватель даже оставил нетронутыми старые болгарские распорядки, если они удовлетворяли население и не затрагивали основ его господства. Дисциплина и система единовластия турок на первых порах были довольно благотворною мерою для много страдавшего до того времени от беспорядков и многовластия христианского населения. Изгнание или лишение власти большинства бояр, которые вечно грызлись между собою, было облегчением для сельской массы. Вместо старых алчных и своевольных бояр пришли и обосновались беи и кади, власть которых, простираясь на города и вдоль больших дорог, почти не давала себя знать в отдаленных углах страны. Кроме того, турки были малочисленны, во многих местах они фигурировали лишь как чиновники. В начале нашествия, действительно, имели место убийства, пожарища, грабежи, однако, как только миновал завоевательный ураган и янычары ушли далеко за границу, власть спокойно организовалась, «райя» почувствовала относительное успокоение. Организовались султанские села, вакуфские села,<sup>2</sup> войничские села,<sup>3</sup> которые получили большие привилегии и почувствовали себя гораздо более свободными, чем когда они находились под властью своих бояр. Да и население в государственных имениях, жалованных спахиям, вначале было обложено не более тяжелыми повинностями, чем те, которые оно несло своим боярам. Вали определял общегосударственный налог для каждого поселения. Представители населения в селах или городах сами рас-

<sup>1</sup> Румелией или Рум-или (римская область) называлась европейская часть турецких владений; азиатская часть называлась Анадол. В административном отношении Румелия делилась на 26 округов — санджаков (дословно — «знамя»); впоследствии число их было доведено до 36. Во главе санджака стоял с а н д ж а к б е й — губернатор; ему были подчинены в военном отношении феодалы-спахи; административно-полицейским управлением санджака ведали помощники бея по административной части — с у б а ш и; судебные функции несли окружные кади; санджак делился на уезды (каза) с каймакамом и местным кадем во главе; в состав уезда входили сельские общины, управлявшиеся мухтарамми (старшина, староста). Несколько округов составляли область — пашалык или вилайет; во главе его стоял паша-вали — генерал-губернатор, сосредоточивавший в своих руках всю военную, административную и хозяйственную власть и пользовавшийся широкой автономией в управлении своим вилайетом. Паша-вали вносил султану определенную дань и помогал ему войсками; творя суд и расправу по своему усмотрению, он имел право приговора к высшей мере наказания — к смертной казни. При нем состоял обширный штат гражданских и военных чиновников; он же был главнокомандующим войсками своего вилайета. От личных качеств вали зависел порядок, благоустройство и благосостояние области. Главой всего государственного аппарата страны был великий везир — помощник и заместитель султана, которому были подчинены все гражданские и военные власти страны и который являлся ее полководцем; ему же, как председателю совета министров были подчинены и все паши, ведавшие отдельными частями управления.

<sup>2</sup> Т. е. села на земле, принадлежавшей мечетям.

<sup>3</sup> Т. е. села так называемых «войничков» — привилегированной группы болгарского крестьянства, обязанного вспомогательной военной службой. См. ниже.

пределяли налог между жителями с учетом состояния каждого. Вследствие этого власть турок не была видна; спахи не следили, как бояре, за каждым шагом крестьянина. Крестьяне имели возможность оставаться в тени и скрывать большую часть продуктов своего производства, и поэтому налог для них был, в конце концов, довольно легким. Единственными видами налога, которые особенно нестерпимо угнетали райю, были «харач»<sup>1</sup> и «испендж».<sup>2</sup> Последний, однако, затрагивал не каждую семью, поэтому и его тяжесть чувствовалась не всеми...

Притеснения, грабежи и несправедливости имели место, главным образом, по отношению к населению, жившему вдоль больших дорог, по которым часто продвигались войска, переселенцы, чиновники и иностранные путешественники. Здесь у местного населения отбирались бесплатно или за ничтожную цену продукты питания, скот, квартиры и пр., что тяжело, конечно, угнетало местное население.

Итак, трудолюбивое, ранее тяжело угнетаемое, болгарское сельское население на первых порах своего нового политического положения не особенно болезненно чувствовало утрату своей национальной государственности. Да и сам завоеватель, после того как утихли бои на полуострове, относился к райе достаточно мягко, потому что нуждался в ее труде и ее услугах. «Господа» обосновывались обыкновенно в городах и поместьях, но поля без болгар оставались необработанными, дороги не охраняемыми, мосты разрушенными. При этих условиях турки бывали вынуждены сами обращаться к бежавшему населению и просить его спуститься с гор на равнину, обещая ему хорошие земли, свободу вероисповедания и гарантии жизни, чести и имущества. Повидимому болгары шли на эти обещания. Крестьяне постепенно покидали свои недоступные орлиные гнезда в горах, спускались и занимали равнины, которые и начинали обрабатывать в мирной и спокойной обстановке... Османские турки не любили роскоши и относились к трудящемуся населению корректно и сострадательно. Крестьяне имели право в случаях несправедливости, притеснений, притеснений, истязаний и убийств жаловаться судьям на пашей, даже на самого султана. Виновные турки привлекались к суду и осуждались за свои преступления. Падишах посылал пространные и убедительные фирманы ко всем турецким властям с указанием, что райю надо щадить, надо оказывать ей покровительство и облегчать ей ее обязательства. Имеются случаи, когда общины осуждали в судах пашу за то, что он незаконно присвоил чужое состояние, или без оснований истязал райю, или незаконно взимал налоги... И городское население не было поставлено хуже в сравнении с турками, если оно оставалось мирным и усердно занималось своими ремеслами. А турки очень нуждались в местных ремесленниках: в металлстах, деревообделочниках, кожевниках, портных и в продуктах их производства. Поэтому они берегли и даже награждали их, предоставляя им большие или меньшие права и привилегии...<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Ежегодный налог, которым облагался каждый побежденный пловец, достигший 15-летнего возраста.

<sup>2</sup> Ежегодный набор мальчиков в возрасте от 10—12 лет для пополнения янычарского корпуса. См. ниже.

<sup>3</sup> См. Н. Станев, назв. соч., стр. 42—45; Dr. Al. Hajek, назв. соч., стр. 17—21; Dr. F. Hубl, назв. соч., стр. 245—249 и др.



Однако, это более или менее сносное положение для болгарского народа в новой для него политической обстановке продолжалось только в первые века чуженационального владычества на полуострове, в эпоху подъема и расцвета политической и хозяйственной мощи завоевателя, что стояло в тесной связи с его военными успехами. Со второй половины XVI в., в связи с началом упадка военной мощи османского государства, с ослаблением его материальной базы и одновременно с началом разложения его административного аппарата и пр., положение вещей для болгарского народа резко меняется к худшему. Подробнее об этом мы скажем ниже.



## Глава II

### АГРАРНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Завоевание Балканского полуострова турками не внесло каких-либо существенных изменений в господствовавшую здесь до тех пор у славян систему землевладения, так как земельное законодательство завоевателя по существу не отличалось от византийского и его копии — болгарского и сербского законодательств. Как в эпоху национально-государственной независимости у балканских славян различались земли царские (или королевские), боярские (властельские), баштинские (крестьянские), церковно-монастырские, проиарские и пр., так и чуженациональный завоеватель в своем законодательстве различал несколько видов землевладения, каждый из которых подлежал особому налоговому обложению.

Согласно религиозным воззрениям турок, единственное право собственности (эль-мульк) на все вещи, как на небе, так и на земле, принадлежит только богу. Поэтому имам (эмир), глава правоверных, облеченный двойною властью, духовной и земною, вместе с подчинением себе новых земель становился тем самым их непосредственным и единственным владельцем, отдавая затем их от себя в хозяйственную эксплуатацию верующим или же уступая их на определенных даннических условиях (харац) покоренным прежним их владельцам.<sup>1</sup>

Это воззрение и было положено завоевателем в качестве исходного тезиса при распределении земли между живущими на ней отдельными лицами и группами населения. Право земельной собственности во вновь завоеванных странах полуострова было признано законом победителя только за субъектом господствующей нации. Право же владения землей для оттесненных народов имело своим источником только милость победителя, поэтому и реализовалось оно в последнем случае на значительно более тяжелых основаниях, т. е. связывалось с гораздо более сложными обязательствами, нежели право владения земельной собственностью для субъекта господствующей нации. Если последний по каким-либо причинам менял свое вероисповедание, т. е. изменял исламу, то все

<sup>1</sup> См. M. Bellin. Etude sur la propriété foncière en pays musulmans et spécialement en Turquie. Journal Asiatique, ser. V, v. 18 et 19, Paris, 1861—1862; Iv. Sakazov. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte, 1929, стр. 173; Йордан Иванов. Северна Македония, София, 1906, стр. 221 и сл.



его движимое и недвижимое имущество подвергалось конфискации.<sup>1</sup> Таким образом, право частной собственности в султанской Турции теснейшим образом увязывалось завоевателем с принадлежностью к культуре господствующей нации, самая же принадлежность к данному культу носила для его прозелитов тем самым сугубо принудительный характер.

Государственно-административное, хозяйственное и военно-организационное строительство завоевателя во вновь приобретенных им странах на полуострове, как и в старых его владениях, базировалось на принципе феодальных отношений. Начиная с XIII в. (1299) и вплоть до 1864 г., старая Турция представляла собою, как было сказано выше, военно-феодальную державу. Основную юридическую единицу, облеченную всеми политическими правами, представлял собою здесь феодал-помещик, владелец лена, спахи (болг. спахия, тур. сурахи).<sup>2</sup>

Согласно османским государственно-правовым воззрениям, лен для феодала был одновременно наградой и обязательством: наградой за уже исполненную им военную службу и обязательством в отношении к дальнейшей, имеющей быть исполненной им же службе. Оба эти элемента стояли в тесной взаимноправовой связи друг с другом и немыслимы были в отрыве один от другого; они взаимно обуславливались в смысле своей стоимости и повинности: чем больше награда, тем выше обязательство.<sup>3</sup>

Различались два вида таких ленных владений — тимар и зиамет. Первые были меньших размеров; их годовая доходность определялась в сумме от 3 тыс. до 20 тыс. аспров. Вторые участки были более крупных размеров, с доходностью, превышавшей 20 тыс. аспров; они давались только за особо выдающиеся заслуги. Владелец (помещик) тимара назывался тимарли или тимариот; владелец более крупного ленного владения, зиамета, назывался заим (болг. заимин). Те и другие участки заносились в общий государственный реестр с точным указанием годовой доходности каждого.

Со времени султана Урхана (1326—1359) стало формироваться из спахиев кавалерийское ополчение, сделавшееся основным ядром султанской оперативной армии. Военные обязательства феодала-спахи определялись стоимостью, а в связи с этим и доходностью его ленного владения. Так, владелец тимара в 3 тыс. аспров или доходностью в 60 дукатов обязан был в случае военной надобности выставить одного вооруженного всадника, т. е. сам лично явиться в армию. Если владение феодала превышало свою стоимость 10 тыс. аспров, он обязан был выставить одного человека на каждые 5 тыс. аспров, так что в конечном счете богатый тимарли должен был дать и содержать на свои средства чегыре конных человека, а заим — до 19 человек. Вместе с численным ростом ленных владений естественно возрастала и изменялась и численность этого рода ополчения (феодальной кавалерийской милиции). В правление султанов Сулеймана II (1520—1566) и его преемника Селима II (1566—1574) оно возросло уже до 130 тыс. лошадей. В 1581 г., в связи с завоеваниями в Персии, численность этой кавалерии до-

<sup>1</sup> Iv. Sakazov, назв. соч., стр. 173; здесь же указана и основная литература.

<sup>2</sup> Дословно — всадник, кавалерист, рыцарь.

<sup>3</sup> Johann W. Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, Dritter Teil, Gotha, 1855, стр. 147.

стигла уже 150 тыс. лошадей; десятью годами позже, в 1592 г., она предположительно насчитывала около 200 тыс.<sup>1</sup>

Это было предельной цифрой численности спахийского ополчения, до которой оно когда-либо поднималось. В следующем столетии оно идет уже на убыль, что стояло в связи с наступавшим упадком всей феодальной системы, так что уже в середине XVII столетия спахийское ополчение насчитывало едва 100 тыс. лошадей, причем в действительности (а не на бумаге) из этого числа в армию являлось еще меньше.<sup>2</sup>

Вооружение всадника-спахи состояло из лука со стрелами, легкой пики (или копья), короткого меча-ятагана, иногда также железной булавы и в качестве защитного оружия — малого круглого щита; шлем и панцырь носились вначале немногими. Боевой конь самой отборной породы составлял гордость и наилучшее украшение спахи, а самый заботливый уход за ним — его радость. Кто не заботился надлежащим образом о своем коне или вооружении, или не содержал их в надлежащем состоянии, немедленно исключался из войска и терял свой лен.<sup>3</sup>

Спахии получал в свое ленное владение тот или иной участок вместе с сидевшим и работавшим на нем крестьянским населением. Этот участок не подлежал отчуждению, но после смерти спахи мог быть передан по наследству его сыновьям, причем сын принимал на себя в данном случае и обязательства военной службы отца. Размер участка, получаемого сыном по наследству, а стало быть и его доходность, определялись специальным постановлением высших органов власти на основании учета обстоятельств смерти отца — в зависимости от того, умер он на войне или у себя дома, в постели. Полученный по наследству от отца участок сын мог затем расширить путем личных военных заслуг.<sup>4</sup> Право наследования, а затем и право частичного дарения ленного владения привело с течением времени к дроблению помещичьего землевладения (болг. спахилък) на более мелкие участки и к снижению доходов спахиев, хотя деление этих владений в принципе и было запрещено.<sup>5</sup> По имеющимся в литературе данным, в XVII в. во всей Румелии, т. е. в турецких владениях на полуострове, насчитывалось 1075 зиаметов и 8193 тимара.<sup>6</sup>

Около 1800 г., по данным французского путешественника Оливье, здесь уже имелось только 214 зиаметов и 8356 тимаров, или всего 9260 ленных владений, обладатели которых обязаны были представить султану 60 тыс. вооруженных всадников.<sup>7</sup>

Определенную часть своих доходов болгарский крестьянин, сидевший на участке, принадлежавшем феодалу-спахи, отдавал ему. Крестьяне были прикреплены к земле, на которой они сидели и которую обрабатывали: они не имели права самовольно покинуть ее. Беглые крестьяне подвергались преследованию по закону и насильственному водворению на место старого жительства. Если крестьянин в течение трех лет по каким-либо причинам не обрабатывал

<sup>1</sup> Johann W. Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, стр. 146 и сл.

<sup>2</sup> Там же, стр. 148.

<sup>3</sup> Там же, стр. 148 и сл.

<sup>4</sup> Там же, стр. 156 и сл.

<sup>5</sup> См. Iv. Sakazov, назв. соч., стр. 174.

<sup>6</sup> См. д-р К. Иречек, Историята на българите, Търново, 1888, стр. 561.

<sup>7</sup> См. Н. Станев, България под иго, София, 1928, стр. 29.

<sup>2</sup> Н. С. Державин, История Болгарии, т. III





своего участка, спахи имел право передать его другому для обработки. Если крестьянин умирал, земля его переходила по наследству к его ближайшему родственнику; если такового у крестьянина не оказывалось, то он мог ее отдать кому хотел. Таким образом, земли, находившиеся в пользовании болгарского крестьянства, фактически составляли частную наследственную собственность крестьян, или так называемую *баштину*; завоеватель удержал этот старый славянский термин и в своем законодательстве.

Право собственности победителя на крестьянские земли выразилось в налоговом обложении, которое было более обременительным для побежденной райи и менее обременительным для крестьян господствующей нации: болгарский крестьянин платил налоги в размере от  $\frac{1}{8}$  до  $\frac{1}{2}$  своего годового дохода, а крестьянин-тюрк платил только лишь  $\frac{1}{10}$  часть, так называемую «десятину». С другой стороны, и ленные владения (тимары и займи), которыми спахи вначале пользовались на правах личного пожизненного владения, с течением времени во многих местах Болгарии превратились в полную частную собственность турецких помещиков, беев и ага.

Такое положение вещей в Болгарии продолжалось до 1858 г., когда все феодальные владения спахи были ликвидированы и превращены в государственные земли; все лица, сидевшие на этих землях и обрабатывавшие их, стали полными их собственниками; крестьяне-иноверцы и представители господствующей нации были уравнены в налоговом отношении и стали платить одинаково десятинный налог в пользу государства. Однако и после «земельного закона» 1858 г. многие влиятельные помещики из бывших спахи удержали за собою свои владения целиком, предоставляя их в обработку местному болгарскому населению на прежних основаниях, в порядке «барщины», «исполщины» и т. п. Этот полуфеодальный порядок в области аграрно-правовых отношений удержался в Болгарии вплоть до ее освобождения.<sup>1</sup>

Крестьяне, сидевшие на частновладельческих землях (*мульк*), т. е. на территории помещичьих *чи флик*ов (поместий и усадеб), были двух родов. Одни только жили на арендованной помещичьей земле и занимались каким-либо ремеслом по своей специальности (сапожники, портные и т. п.) или несли какую-либо общественную службу (полевые сторожа, проводники и пр.); другие были земледельцами. Первые назывались *парики* или *паракентеды*, т. е. присельники; вторые назывались *чи фтчи* или *зевгиты*. Последнее наименование производят от турецкого *чи фт* — два предмета, пара, двойка, образующие одно целое; парная упряжка, а также — рало. Отсюда *чи фтчи* или *чи фч*ия — человек, занимающийся земледелием, земледелец, пахарь; *чи фтлик* или *чи флик* — большое земледельческое или скотоводческое имение. Греческое *зевгос* значит «пара волов» или «пара сох». Отсюда небольшой крестьянский участок земли для обработки с необходимыми постройками и инвентарем назывался *чи фт* или, по-гречески, *зевгарион*, *зевгарь*.

По определению проф. Ив. Ив. Соколова, турецкий *чи фт*, подобно византийскому *зевгарю*, представлял собою — в более совершенной организации — крестьянский двор в составе домохозяина, его семьи, дома для проживания и необходимых хозяйственных построек, пахотной земли, а равно — земли для огорода, виноградника

и сада и, наконец, скота — крупного и мелкого. Совокупность таких крестьянских дворов, расположенных на помещичьей земле и вокруг помещичьего дома, — прибавим к этому: вместе со всем данным земельным владением помещика — и составляла *чи флик* в общем смысле слова, т. е. поместье, усадьбу или хутор.<sup>1</sup>

Эта группа болгарского трудового народа, обязанное крестьянство, номинально свободное, мелкособственническое, фактически же закабаленное, находящееся в тяжелой полufeодальной зависимости от помещика-спахи и насильственно прикрепленное к земле, представляло собою в эпоху чуженационального гнета основной слой политически бесправного болгарского народа. Это была на официальном языке — «простая бесправная райя» (саде ве гаир мааф рая кюфреси). Она составляла основной объект налогового обложения в позднейшей султанской Турции, основной источник приходной части ее государственного бюджета.

Налоги, которыми была обложена простая райя, достигали 80 видов. Это были, во-первых, тяжелые налоги (*текалифи шаки*):

1) *Харач*, или *джизир*, или *джизри* — личный подушный налог. *Харач*, или *джизир*, должны были платить все подданные султана немагометанского исповедания (христиане, евреи и цыгане) — мужчины, достигшие 12-летнего возраста (позже — 14- и 16-летнего). Смотря по состоянию налогоплательщиков, *харач* в XVI в. составлял сумму в 30—100 аспров или в среднем — один дукат. В правление султана Сулеймана общий доход от этого налога выражался в сумме от  $1\frac{1}{2}$  до 2 млн. дукатов. В 1590 г. он поднялся до 3 млн. вследствие увеличения крестьянского населения и повышения самого налога. Сам по себе *харач* не был бы тяжелым налогом, если бы при его сборе не допускались злоупотребления со стороны сборщиков налога и их помощников, которым было предоставлено право самовольно и бесконтрольно оценивать состояние налогоплательщика. В 1548 г. эксплуатация населения достигла таких невероятных размеров, что султан Сулейман должен был издать специальный закон, которым строго запрещалось взимать *харач* выше 200 аспров. Но и этот закон не оказал никакого действия. Уже в 1576 г. венецианский посланник Антонио Тиеполо отмечает, что «тирания этих сборщиков переходит всякую границу». В XVII в. злоупотребления достигли высшего предела. Слабоумный Мустафа I в 1622 г. отдал сбор *харача* взбунтовавшимся спахиям, которые продавали его с торгов. Большая часть этого налога не поступала в государственное казначейство, а вписывалась постоянно в бюджет больших константинопольских мечетей.<sup>2</sup>

2) *Испендж*, или *ресуми испендж*, или *дю в шерме* — налог мальчиками, вначале 6—7 лет, впоследствии 10—15 лет, для комплектования янычарского корпуса, собиравшийся через каждые пять лет. Из собранных сборщиками налога мальчиков одни продавались в рабство еще по дороге в Константинополь; другие поступали в столице в услужение во дворцы султанов и пашей; третьи продавались на рынках; остальные отдавались на воспитание в янычарские казармы. Налог этот главною тяжестью своей падал на бедноту, потому что богатые легко откупались от него соответственной взяткой сборщику. Для сборщиков же налогов этот вид налога

<sup>1</sup> См. Ив. Ив. Соколов. Быт крестьян в дореформенной Турции. Новый Восток, М., 1926, № 13—14, стр. 58.

<sup>2</sup> См. I. Zinkeisen, назв. соч., стр. 791 и сл.

<sup>1</sup> См. I. v. Sakazov, назв. соч., стр. 175 и сл.



был самым выгодным, они на нем быстро наживали огромные барыши. Чтобы спасти детей, крестьяне стали женить их восьмилетними и десятилетними ребятами, потому что по закону сбору подлежали только холостые люди. Впоследствии однако это указание закона стали обходить, и сборщики отбирали у семей не только детей, но и взрослых молодых людей 20—24 лет. Сбор этого налога был прекращен в 1638 г. при султанах Мураде IV (1623—1640).

3) Ангария — безвозмездная работа крестьянина вместе с семьей на государство и помещика с использованием своего собственного рабочего скота и перевозочных средств.

4) Квартирная повинность (конак-ери), выражавшаяся в бесплатном предоставлении болгарским крестьянином помещения для постоя и питания войска, для проезжих представителей господствующей нации или иностранцев, прибывающих в их сопровождении.

Во-вторых, военные налоги (северие ресуми), выражавшиеся в том, что в военное время крестьяне были обязаны бесплатно кормить проходящую армию (захире-акчеси), перевозить военные материалы (межаре-акчеси) и подносить подарки пашам и главнокомандующему (сердарие-хаки) и пр.

В-третьих, чрезвычайные налоги (ресуми февкаляде), выражавшиеся в том, что каждый крестьянин обязан был вносить определенные суммы во время народных бедствий: голода, эпидемий, наводнений, пожаров, неприятельских и разбойничьих опустошений, нападений саранчи и других стихийных бедствий.

В-четвертых, обыкновенные налоги (ресумати, урфие). Они были двух видов: государственные и общественные. Сбор государственного налога переуступался обыкновенно правительством спахиям и бейлербегам. Кроме того, райя платила и множество еще произвольных (фузили) налогов, которые были гораздо тяжелее обыкновенных.<sup>1</sup>

Земли, пожалованные султаном феодалам и спахиям тимари и знаматы, вместе с крестьянскими землями, входившими в район этих спахийских владений, составляли государственный земельный фонд, или государственные земли (эрази мири). Повинности крестьян, сидевших на землях, принадлежавших спахиям, по отношению к их господам не везде были одинаковыми. Если спахи организовывал на пожалованной ему земле свое собственное хозяйство, возводил постройки, устраивал свой чифлик (хутор, поместье), то крестьяне обязаны были работать у него в порядке весьма низко оплачиваемой поденщины. В других случаях крестьяне работали на своей земле, но вносили помещику определенный процент с доходов своего хозяйства. Встречались и договорные отношения.

Лучшие земли в завоеванных странах вместе с находившимися на них селами, пастбищами, лесами и пр. султан обыкновенно закреплял за собою, как свою личную собственность. Это были султанские земли (хасс-эрази-хумаюн).<sup>2</sup> Они управлялись его доверенными лицами, которые назывались славянским словом «вой-

вода». В состав султанских земель входили обширные пространства по всему полуострову — в Хорватии, Сербии, Банате, Боснии, Македонии, Фракии, Болгарии, с десятками сел, с огромными пашнями, лугами, лесами и пр. Доходы с этих земель поступали в личную казну султана и шли на содержание его двора. Располагая этими землями на правах частной собственности, султан имел право уступать их своим родственникам, а также своим фаворитам-чиновникам. Крестьяне, сидевшие и работавшие на султанских землях, не платили никаких государственных налогов и податей, пользовались особыми правами и привилегиями, приравниваясь в этом отношении к мусульманам. Границы и территории этих земель (эрази-хасс) были неприкосновенными, «никто не имел права и не решался вторгаться в них». Никто не имел права брать никаких поборов в этих селах. Было запрещено привлекать их население к каким бы то ни было бесплатным работам (ангария). Ни один турок не имел права в этих селах требовать себе какие-либо продукты питания. Строго было запрещено подвергать крестьян этих сел каким-либо насилиям; турку не разрешалось даже останавливаться на ночлег в этих селах и пр. Такое положение вещей продолжалось до 1839 г., т. е. до издания известного «танзиматихайрие». После этого крестьяне, продолжая пользоваться прежними привилегиями и льготами, стали платить владельцу земель определенный, на основании договорного соглашения, годовой налог в деньгах и натурой. С вступлением на престол Абдул-Азиса эти права и привилегии крестьян в 1861 г. были аннулированы. Султаны стали рассматривать эти земли, как свою частновладельческую помещичью собственность (чифлики) и отказывались признавать за своею райею какие бы то ни было особые права. Между ними и их крестьянами стали возникать большие процессы, окончательного и справедливого разрешения которых, замечает исследователь, не последовало до самого конца султанской Турции.<sup>1</sup>

Третью категорию земель в старой Турции составляли так называемые вакуфные владения. Они были предназначены для поддержки мечетей, больниц, духовных училищ, «богоугодных» заведений и т. п., как на местах, так и в Мекке и Медине. Такими селами и общинами в Болгарии некогда были нынешние города Елена, Горно-Оряховица, Тырново, Дряново, Тетевен и др. Крестьянское иноверное население этих владений юридически было вполне свободным и почти не облагалось никакими правительственными и общественными налогами; оно было свободно даже от взноса подушного налога — харача. Специальные султанские фирманы особо охраняли личные и имущественные права иноверной райи этих владений и угрожали представителям господствующей нации, чиновникам, офицерам и солдатам, не взирая на их чин и должностное положение, суровыми репрессиями, вплоть до смертной казни, за какое бы то ни было нарушение прав этого населения, нарушение, которое могло бы нанести ущерб тем благотворительным целям, которые это население было призвано обслуживать.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> См. Д. Ихчиев. Привилегии на христианине — райя в частните султански земи (хасс-муката-карнелери). Минало, София, 1909, кн. 2, стр. 135—141.

<sup>2</sup> См. Н. Станев, назв. соч., стр. 26—30. Подробнее о крестьянах, сидевших на частновладельческих султанских землях, часть доходов с которых была завещана в пользу Мекки и Медины, см. Г. Баласчев и Д. Ихчиев, Минало, София, 1909, кн. 2, стр. 141—156. Специально о вакуфных землях в Болгарии см. там же, кн. 3, стр. 239—256 и кн. 4, стр. 346—354.

<sup>1</sup> См. Н. Станев, назв. соч., стр. 32 и сл.; Г. Баласчев и Д. Ихчиев. Привилегии на христианине — райя в Османска империя и документи върху тях. Минало, София, 1909, кн. 1, стр. 15 и сл.; И. И. Соколов. Земельное податное обложение в Турции до Танзимата. Новый Восток, М., 1925, № 8—9, стр. 82.

<sup>2</sup> Арабск. хасс значит — частный, специальный, особенный, преимущественный, благородный, чистый, непорочный, привилегированный и пр.



Таким образом, уже в самый начальный период турецкого завоевания полуострова среди крестьянского населения образовалось три основных группы, находившиеся в далеко не одинаковом имущественно-правовом положении в чужденациональном государстве. Этим были заложены предпосылки дальнейшей классовой дифференциации крестьянства как в общих рамках всего населения, так и в рамках каждой отдельной группы — предпосылки роста обездоленной деревенской бедноты и деревенских кулаков-богачей, или так называемого «чорбайджийства». Но все эти три группы болгарского крестьянского населения в начальный период эпохи чужденационального гнета в целом все же составляли одну так называемую простую или обыкновенную райю, которая и несла на своих плечах все налоговое бремя. Наряду с этой группой крестьянства в то же время получила свое развитие и другая группа болгарского крестьянства, так называемая привилегированная райя, элементы которой имелись уже и в феодальной Болгарии до турецкого завоевания. Государственное право завоевателя значительно расширило этот институт путем создания новых групп привилегированного населения в соответствии со своими специфическими военными и хозяйственно-политическими интересами.

Привилегированная райя составляла промежуточное звено между массой угнетенного населения (простая райя) и чужденациональным завоевателем. Это было население, которое по специальным договорам с султанским правительством, утвержденным султанскими фирманами и грамотами, несло весьма важные функции вспомогательной военной и хозяйственной государственной службы. Являясь поэтому в своем роде независимым элементом в государственной жизни завоевателя, оно за свою работу на службе государству пользовалось из поколения в поколение особыми хозяйственно-правовыми привилегиями, которые не только периодически подтверждались султанскими фирманами, но нередко и расширялись. В селах привилегированной райи власть завоевателя была представлена обыкновенно только одним административным чиновником, для которого не обязательна была принадлежность к господствующей нации. Личность, имущество и хозяйство населения этих сел находились в полной безопасности; финансовые и другие административные органы власти не имели права вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Такое положение вещей обеспечивало этой группе болгарского народа быстрый хозяйственный рост и укрепление хозяйственной мощи, а вместе с тем способствовало росту в ее среде классового расслоения. Впоследствии в эпоху национально-освободительного движения этот слой болгарского народа в силу своего многовекового независимого хозяйственно-правового положения оказался наиболее благоприятною средою, где это движение находило широкую поддержку и имело особый успех.

Наиболее значительной группой привилегированной «райи» были так называемые войниганы. Поселения войниганов, или войников (войник аскери или войник тайфаси, или сипахи оглани рая бюлюги), назывались «войншки села». Эта группа свободно-обязанного болгарского крестьянства была организована турецким правительством в 1373 г. (при султани Мураде I). Землевладение войниганов покоилось на тех же феодально-правовых основах, что и спахийское землевладение, т. е. земля болгарских крестьян-войниганов юридически была жалованной землей, но в отличие от тимариотского землевладения имела права крестьянского землевла-

дения, т. е. могла переходить и передаваться по наследству, представляя собою своего рода мелкое частнособственническое крестьянское землевладение (баштина). На обязанности войниганов лежало несение вспомогательной военной службы. Многочисленные войнишки села были расположены по обоим склонам Старой Планины (главный Балканский хребет), Средней горы (второй, южный, параллельный главному хребту), в Родопах. Такими поселениями и общинами были некогда Ямбол, Сливен, Котел, Конаре, Габрово, Бяла, Чипровец, Копровица, Калофер, Чепино, Панагюрище, Жеравна и др. В начале XVII столетия в округах Софии и Брезинки имелось 412 войнишских хозяйств, а раньше их было здесь 677 и т. д. Источники говорят о многих тысячах войниганов в турецкой Болгарии (Герлах).

Войниганы были освобождены от взноса харача и испенджа, от десятины, от налога на овец («беглик»), если число овец у крестьянина было меньше 100 штук. По специальному постановлению 1665 г., войниганы в софийском округе были освобождены от уплаты всяких тяжелых, чрезвычайных и обыкновенных государственных и общинных налогов. Туркам запрещалось жить в войнишских поселках; вооруженный турок не имел права даже проходить через такие поселки без соответственного разрешения воеводы или кмета поселка. Либерализм завоевателя по отношению к войнишским селам доходил иногда до мелочей, вроде, например, того, что в войнишских селах не разрешалось рожать ребенка господствующей нации и хоронить умершего представителя этой нации. Подобные случаи могли иметь место в действительности, так как в поселениях войников жили только чиновники со своими семьями. Если у жены такого чиновника наступало время родов, то обыкновенно ее вывозили из войнишского села в ближайший турецкий город, где она и рожала, а после родов возвращалась к семье.

Вначале на войниганах лежала обязанность несения военной службы с собственным вооружением (по данным 1555 г. — короткое копье) в составе султанских войск. Позднее войниганы в военное время несли только военно-вспомогательную службу в роли саперов, интендантов, обозников, конюхов и т. п. В мирное время войниганы обязаны были в течение шести месяцев отбывать трудовую повинность в султанских столицах, в Адрианопле и Константинополе, где они косили султанские луга, смотрели за султанскими и везирскими лошадьми, собирали плоды и ягоды, работали на султанских огородах и т. п. Еще в 1860 г. жители г. Панагюрище отправлялись в Константинополь отбывать свою войнишскую трудовую повинность. Войниганы имели своих шефов из болгар (войниган бей), управлялись автономно и имели право носить пестрое платье, что не разрешалось обыкновенной райе. Войниганы имели право носить оружие. Они имели собственное знамя, своего воеводу («черибашия»). Отправляясь на работу в Константинополь, они вступали в город небольшими отрядами со своими знаменами, с музыкой и песнями.<sup>1</sup>

Институт войниганов был упразднен в 1839 г., но частично его пережитки кое-где сохранялись в Болгарии вплоть до освобождения.

Вторую группу привилегированной райи составляли так называемые дервенджи и (дербенджи рая тайфалари) — вооружен-

<sup>1</sup> См. I v. Sakazov, назв. соч., стр. 178—182; см. также Н. Станев, назв. соч., стр. 33—35.



ные охранники горных проходов (дербенд) и переправ от разбойников. Иначе они назывались харбаджи или харбали и от «харба» — по старо-турецки «короткое копье». Этот институт был известен у народов полуострова еще до турецкого завоевания. Он продолжил свое существование со времени султана Сулеймана и в турецкое время.

Дервенджи несли дежурство на сторожевых постах (соломенные караульные хижины) вдоль дорог. При приближении торгового каравана они били в барабаны. Путешественники XV—XVIII вв. часто упоминают о дервенджиях в горах у г. Ихтимана. Нынешние большие поселки в Болгарии, Вакарел и Ветрен, а также город Тревна — это бывшие дервенджийские поселки. Помимо своей обязательной работы дервенджи вносили вместо 25 только 12 аспров (около 85 коп. золотом) налога «испендж»; женатые же вносили по 1/2 кг пшеницы и столько же ячменя. Институт дервенджиев был распущен турецким правительством в XVIII в., кое-где, однако, его пережитки продолжали жить и дольше. В г. Сливене он исчез в 1880 г.

Путешественник, французский рыцарь Бертран де ла Брокьер (1433) сообщает, что горы между Софией и Пловдивом были полны разбойниками, пока султан не объявил, что всякий, кто поселится там, будет свободным. «Выезжая оттуда (из Филиппополя), — рассказывает автор, — я миновал Марицу по мосту и весь день ехал равниною, о которой говорил (равнина Марицы); равнина оканчивается у горной цепи протяжением от 16 до 20 миль, покрытой лесом. Раньше эту местность беспокоили разбойники, и она была очень опасна для проезда. Султан дал распоряжение, чтобы всякий, кто бы ни поселился там, был бы свободен, в результате чего возникли два села, населенные болгарами, из которых одно на границе между Болгарией и Македонией. Я ночевал в первом из этих сел».<sup>1</sup>

Путешественник Вранчич (Varantius) сообщает: «Крестьяне этой местности (с. Вакарел) рассказывали нам, что в старое время она не была населена, ввиду частых грабежей... После взятия Белграда (1521) Сулейман по настоянию какого-то паши заселил не только это место, но и всю дорогу, которая ведет к высотам Балкана. Кроме того, на опасных местах он организовал охрану жителей соседних сел, а в охрану входят крестьяне по очереди на общественный счет. Эта охрана производится таким образом: на вершине, над дорогой, спускающейся в лес, охрана поставлена так, что она имеет в поле своего зрения дорогу и может видеть далеко кругом. Там имеется соломенная лачуга, в которой может поместиться только один человек, чтобы быть на страже. Его обязанность состоит в том, что, заметив на дороге или в лесу людей, он бьет в барабанчик и этим дает знать людям, что охрана их видит. Если случайно произойдет ограбление, жители того места немедленно подвергаются строгому допросу, и если они не признают, что грабеж произвели их люди, или не покажут, кто его произвел, то они сами подвергаются наказанию, как виновники грабежа. Вследствие этого, поездки сейчас совершаются спокойно в сопровожде-

нии небольшого конвоя, потому что каждое село из боязни быть наказанным охраняет свою окрестность».<sup>1</sup>

О той же местности путешественник Стефан Герлах (1573—1578) пишет в своих записках следующее: «Затем мы миновали густую поросль, где в двух местах имелись сторожа, которые били в барабанчики... Они поставлены для того, чтобы в случае нападения разбойников на путника тотчас же сообщить о происшедшем соседним селам».<sup>2</sup>

Руджнер Иосиф Бошковиц в своих путевых записках 1762 г., описывая свое возвращение из Константинополя через Болгарию, сообщает под 2 июня, что по дороге путешественники «встретили охрану с барабанчиком; такие охраны, — замечает автор, — имелись в разных местах по Балканам для обеспечения путешественников».<sup>3</sup>

Такую же охрану Бошковиц встретил и дальше, по дороге между Харманли и Карнобатом.<sup>4</sup>

Согласно действовавшим в XVI в. турецким законам, говорит проф. Шишманов, каждая тридцатая изба в дервенджийских селах обязана была выставить одного сторожа, поэтому жители были освобождены от ангарии и вместо 25 аспров «испендже» платили только 12, одно кило ячменя и одно пшеницы. Никто не имел права проезжать через их село, требовать от них чего-либо или брать насильно — ни сена, ни соломы, ни хлеба, ни кур. Многие из дервенджийских сел, точно поименованных в законе, имели султанские фирманы, которыми гарантировались их права.<sup>5</sup>

Из других категорий привилегированной райи можно назвать еще следующие:

1) Мартолози или марталузи (от лат.-греч. слова *agmatolos* — оруженосец); они несли военно-полицейские обязанности: сопровождали султанские войска, транспорт, пленных и рабов; имели право носить оружие, владели на общих для привилегированной райи основаниях землю и были освобождены от всех тяжелых налогов, от каких-либо тягловых обязательств и реквизиций. В Болгарии марталузи известны в Видинском санджаке — около Ртань (сейчас в Сербии) и Бая и в долине Черна реки (Черни Тимок); здесь они должны были охранять страну от задунайских хайдуков, которые часто нападали на Видинский район. Марталузи были распущены султанским фирманом в 1821 г.; функции их перешли к дервенджиям.<sup>6</sup>

2) Доганджи (доганджи-рая тайфалари), или соколари, или чакерджи — сокольничьи, сокольники. Они обязаны были разводить и дрессировать соколов, употреблявших для почтовой службы и охоты — институт очень древнего происхождения; возможно, что он существовал уже в Болгарии до турецкого

<sup>1</sup> См. проф. И. Д. Шишманов, назв. соч., стр. 372; ср. Rad Югослав. Акад. Наук, т. LXXI, стр. 34.

<sup>2</sup> Там же, стр. 372; Пер. Спис., 1884, кн. VII.

<sup>3</sup> Сборник за народни умотворения, наука и книжница, 1891, кн. VI, стр. 147 (дальше: Сб. НУК).

<sup>4</sup> Там же, стр. 149.

<sup>5</sup> См. И. Д. Шишманов, назв. соч., стр. 371 и сл.; Hammer, Des osmanischen Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung, Wien, 1815, I, стр. 304, 313, 324, 327. Ср. д-р К. Иречек. Пер. Спис., 1884, кн. IX, Пътни бележки, стр. 17; его же, Cesty po Bulharsku, Prag, 1888, стр. 47, назв. соч., стр. 182 и сл.

<sup>6</sup> См. Iv. Sakazov, назв. соч., стр. 183; проф. Ив. Шишманов, назв. соч., стр. 373.

<sup>1</sup> См. «Периодическо Списание», 1882, кн. III, стр. 76; проф. Ив. Шишманов. Стари пътувания през България, Сб. НУК, 1891, кн. IV, стр. 372; проф. Шишманов предполагает, что речь здесь идет о двух болгарских селах, Ветрен и Вакарел, относительно жителей которых из сообщений других путешественников известно, что они были дервенджи, т. е. населены болгарскими крестьянами, которые несли обязанность охраны дорог.



времени. Сокольничьи, между прочим, сопровождали султана и высших турецких сановников на охоте, ввиду чего с течением времени из среды болгарских сокольничьих выдвинулись в турецкое время знатные фамилии. Сокольничьи имели своих предводителей — «доганджи-башни». Как институт, сокольничьи были упразднены в 1800 г.<sup>1</sup>

3) Чалтыкчи — рисоводы; они были обязаны работать на рисовых полях султана и беев, собирать рис, обмолачивать его и паковать в мешки. Жили они в районах производства риса — у Филиппополя, в Татар-Пазарджике, Ихтимане, Хасково и в македонских районах Велеса, Прилепа, Сереса и пр. Главный вождь чалтыкчиев — баш-назир жил в Филиппополе. Так как рис составлял главную статью в питании господствующей нации, то райа-чалтыкчи пользовалась известным предпочтительным положением в империи, были освобождены от тяжелых налогов и рассматривались как свободная райа.<sup>2</sup>

4) Маденджи (маденджиан рая тайфалари) — горнопромышленники. Они изыскивали и разрабатывали всякого рода рудники, внося большую долю своего дохода завоевателю. Уже с XIV столетия этот слой крестьянского населения был освобожден от тяжелых и чрезвычайных налогов и какой бы то ни было барщины. Большое значение в хозяйственном развитии болгарского народа имели в турецкое время рудники металлов в Кратово, где для местного населения за ежегодную уплату с его стороны больших сумм государству был установлен почти автономный политический и хозяйственный режим. Султанские фирманы 1615 и 1616 гг. говорят о «маденджи-рая» в округе Софии, а также в Самокове, Татар-Пазарджике, Кратово, Златнице, Дупнице, Чипровец, с. Желязно, Пещера, Етрополе, Мелник и других местах Болгарии.

5) Кюмюрджи-райа (болг. въгленари) была занята доставкой древесного угля и дров для отопления государственных учреждений и монетного двора. На обязанности этой же группы привилегированной райи лежала также в известных случаях рубка леса для прокладки дорог. Въгленари жили обыкновенно в горных деревнях и хижинах. Фирманы 1615 и 1812 гг. говорят о кюмюрджи-райа в софийском округе.<sup>3</sup>

Большинство жителей этих привилегированных населенных пунктов, имевших, в частности, право не допускать представителей господствующей нации селиться в их среде, естественно, в силу характера своих обязательств принуждено было культивировать у себя прежде всего военные доблести, героизм, энергию, бодрость, отвагу. Неудивительно поэтому, что именно население этих пунктов, воспитывавшееся в течение ряда веков в воинственном духе, приняло живейшее участие в болгарских восстаниях и в болгарском возрождении. Многие из этих пунктов стали очагами повстанческого движения. В этом отношении особенно выделились села по обоим склонам Балкан и западные окраины Болгарии.

Факт существования в составе болгарского общества в эпоху чужденационального гнета этой значительной группы более свободного населения, а также целый ряд других совершенно определен-

<sup>1</sup> Iv. Sakazov, назв. соч., стр. 183 и сл.

<sup>2</sup> Там же, стр. 185.

<sup>3</sup> Там же, стр. 186.

ных фактов, среди которых видное место занимает преименная сохранность богатейшего по содержанию народного героического эпоса, — свидетельствует о том, что в обстановке чужденационального политического гнета болгарский народ в действительности никогда не опускался до положения «раба» в смысле утраты своего национального и культурно-исторического сознания. Поэтому говорить о том, что болгарский народ в эпоху турецкого завоевания находился в «рабском состоянии», нет никаких оснований, и с этой легендой надо раз и навсегда решительно покончить. Один из дубровницких купцов, Павел Джорджич, живший в Тырнове в XVI в. и проведенный среди болгар 15 лет, пишет о них: «Они — народ с достоинством и имеют благородную душу. Они не выносят никакого оскорбления своей чести и мстят за такое оскорбление смертью».

Надо покончить также и с другою легендой, а именно с легендой о том, что в Европе в эту эпоху будто бы было забыто даже само имя «Болгария». Это неверно. Оно могло быть забыто в среде той европейской общественности, которая вообще никогда не интересовалась малыми и притом угнетенными народами, но в кругах передовой общественности оно не забывалось никогда. Об этом совершенно определенно говорят не только многочисленные дошедшие до нас записки путешественников, которые, начиная с XV в. и вплоть до XIX в., много раз печатались на Западе и нередко выходили в нескольких изданиях и на разных языках. Об этом говорит и тот факт, что болгарам отведена большая роль в знаменитом эпосе XVI в. Ариосто «Orlando Furioso» (вышел первым изданием в 1516 г., вторым — в 1521 г.). В том же XVI в. французский писатель Robert Garnier (1545—1601) написал на основе поэмы Ариосто драму «Bradamante», в которой тоже фигурируют болгары. Аналогичные драмы имеются в французской литературе и в XVII в. В том же XVII в. итальянец Braccidolini написал специальный эпос — «Vulgheria convertita» (1637). О том, что культурные связи России с болгарским народом никогда не прерывались и что с начала XVIII в. установились и политические связи, говорить много не приходится.<sup>1</sup>

Кроме названных категорий привилегированной райи, в турецкое время в Болгарии существовало еще до 20 других видов аналогичных групп привилегированного населения разных специальностей — инженеров, архитекторов, мастеров-домостроителей, моряков (аварис хане рая тайфалари), лесничих (куруджи), часовщиков, водопроводчиков и строителей фонтанов (чешмеджии), строителей мостов на больших реках и их охранников (кюпрюджии), охранников речных бродов и лодочников (каикуджи), строителей крепостей и окопных сооружений (черахори райалари), искусных пловцов, почтовых чиновников (мензилджии), полевых и лесных объездчиков и сторожей (куруджи или куруджи джебел тайфаси), дневных и ночных сторожей в городах, пограничников (пандури), искусных объездчиков лошадей для султанской армии (джамбазиаси) и др.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> См. проф. И. Шишманов. Увод в историята на българското възраждане. Сборник «България 1000 години», София, 1930, стр. 284, 285. Академик Н. С. Державин. История Болгарии, т. 1, М.—Л., 1945. Приложение: Болгарский и русский народы в их племенных и культурно-исторических связях и взаимоотношениях; то же — отдельное издание, М.—Л., 1945.

<sup>2</sup> См. Н. Станев, назв. соч., стр. 36; Iv. Sakazov, назв. соч., 186; д-р К. Иречек. Историята на българите. Тырново, 1888, стр. 565—572; Др.



Более или менее «нормальный» порядок вещей в области спахйского землевладения, т. е. порядок, вытекавший из феодальной практики завоевателя, держался в Болгарии до начала XVIII в. Спахи всегда рассматривали свое землевладение как частную собственность. В XVIII же столетии, с ослаблением центральной власти и укреплением власти провинциальной администрации, в области спахйского землевладения усиливается произвол и анархия; в практику административных органов широко входит подкуп, фаворитизм, лицеприятство; начинается произвольное дробление спахйских участков между частными лицами, не имевшими никакого отношения к военной службе. С другой стороны, развивается наделение целыми спахйскими участками таких же частных лиц, не несших никаких военных обязательств перед государством и т. п. В результате оказалось налицо прежде всего значительное численное уменьшение спахйской военной силы — так, например, в 1768 г. во время войны с Россией спахиве насчитывалось всего только 20 тыс. человек, тогда как за два столетия до того их было 100 тыс. — 200 тыс. человек. С другой стороны, дробление спахйских владений дошло до того, что в XIX столетии были случаи, когда деревня из 25 домов была поделена между 18 помещиками-спахи. По исследованиям К. Иречека, уже в XVI столетии не было в стране ни одного не раздробленного спахи-владения.

Это дробление спахйских помещичьих владений привело к обнищанию помещиков и одновременно к усилению ими хищнической эксплуатации сидевшего на их земле крестьянского населения, к повышению налогов, к расширению барщины, к кабале и закреплению юридически свободного крестьянства за помещиком. Разложение феодализма в турецкой Болгарии привело, таким образом, к превращению пожизненного спахйского владения в наследственно-собственническое владение, к возникновению мелкого и крупного помещичьего хозяйства (чифликчйство), к превращению части крестьянского населения — бывших мелких земельных собственников — в крепостное помещичье крестьянство.

Формы аграрно-правовых отношений, возникшие в новых условиях хозяйственной жизни, для части болгарского крестьянства, оказавшегося во власти новых помещиков (бей, ага), не везде были одинаковы. В юго-западной Болгарии (районы Кюстендила, Радомира, Дупницы) они выражались в форме так называемого кесима, в других районах (Македония, София, Стара Загора, Нова Загора) в форме ратайства, исполшины и др.

Крестьяне — кесимджии были по существу помещичьими крепостными крестьянами. Кесимджийские деревни были помещичьими деревнями. Крестьянин-кесимджия жил в собственном доме, но земля, которую он обрабатывал, а равно и земля, на которой стоял его дом, принадлежала помещику (спахи, бей, ага). Крестьянин мог передавать свой участок по наследству родственникам, делить на части, приобретать имущество, но участок этот все же принадлежал помещику. Таким образом, кесимджии фактически были безземельными крестьянами и в этом смысле всецело зависели от помещика. За пользование помещичьей землей кесим-

джийская деревня платила помещику точно определенный последним оброк, так называемый кесим (от турецк. кесмек — «резать»). Этот оброк состоял из 200, 300 и более — до 1000 «кутли» зернового хлеба, по 20 ока (= приблизительно 25 кг) каждый. Таким образом крестьяне-кесимджии в аграрно-правовом отношении были помещичьими оброчными крестьянами. В некоторых кесимджийских деревнях вместо уплаты оброка крестьяне отбывали барщину, т. е. были барщинными крепостными крестьянами: они косили траву, перекапывали виноградники, собирали виноград и пр. и, кроме того, должны были сдавать помещику сыр, масло, дрова, ягнят и т. д. для байрама.<sup>1</sup> Чаше всего, повидимому, имели место случаи, когда одна и та же деревня платила помещику оброк и вместе с тем отбывала на него и барщину, что, например, констатирует официальный отчет о положении безземельных крестьян в округе Кюстендил от 1880 г. Из этого отчета видно, что помещик-спахи произвольно определял как размер оброка, так и число дней барщинной работы крестьян, а также и размер натурального взноса помещику для байрама.

Кроме оброка и барщины помещику, крестьянин-кесимджия полностью нес на своих плечах и все бремя государственных налогов. В неурожайные годы кесимджия должен был покупать хлеб не только для своего пропитания, но и для взноса кесима помещику. В горных местностях крестьяне-кесимджии годами питались корнями растений и только в благоприятных случаях ржаным или ячменным хлебом.

Тяжелое положение кесимджийского крестьянства, угнетенного помещичьей эксплуатацией в обстановке политического бесправия райи, еще более усугублялось административным произволом помещика, который был для своих крестьян одновременно и окружным начальником (айянин), и судьей (кадия), и духовным лицом (муфтия), представляя в своем поместье ничем и никем не ограниченного сатрапа. Недовольные крестьяне-одиночки подвергались истязаниям; недовольные деревни нередко продавались целиком.

Выросшее в общих условиях разложения феодального строя закабаление свободного крестьянства возникало в одних случаях из задолженности деревни государству, выплату которой принимал на себя помещик; в других — из натуральной повинности крестьян, выплачиваемой помещику за его защиту от грабежей и разбоя; в третьих — из постепенного водворения на земле помещика пришлое бесприютного и безземельного населения, что имело место особенно часто в XVIII и в начале XIX вв. в длительные периоды господства анархии на территории Болгарии.

Наконец, было много случаев, когда свободное крестьянство обращалось в крепостное состояние путем насилий и убийств или в порядке предупредительного откупа от помещичьего произвола.<sup>2</sup>

Кесимджийство пережило эпоху турецкого завоевания и после освобождения Болгарии продолжало еще целые десятилетия тяжелым гнетом лежать на плечах болгарского народа, пока, наконец,

Fr. Nubl. Dejiny naroda bulharskeho, V Praze, 1930, Díl I, стр. 263—265; Г. Баласчев и Д. Ихчиев. Привилегите на християните-рая в Османската империя и документи върху тях. Минало, София, 1909, кн. I, стр. 15—23; И. И. Соколов. Земельные отношения в Турции до Танзимата. Новый Восток, М., 1927, № 6, стр. 93—112.

<sup>1</sup> Большой годовой праздник у мусульман, которым заканчивается рамазан (девятый месяц арабского лунного года, месяц воздержания днем от пищи).  
<sup>2</sup> См. I. v. Sakazov, назв. соч., стр. 191—193; Йордан Иванов. Землевладение и рударство при турското господство. За турското землевладение изобщо и особото в Кюстендилско. Северна Македония. Исторически издирвания. София, 1906, стр. 221—237; Стефан С. Бобчев. История на старобългарското право. София, 1910, стр. 304—309.



в 1887 г. оно не было ликвидировано болгарским правительством на условиях очень выгодных для помещиков и очень невыгодных для крестьян — на условиях выкупа крепостного крестьянства у помещиков, что стоило болгарскому народу около одного миллиона левов золотом. Этому предшествовало десять лет изучения, по выражению историка, «этого столь запутанного аграрного вопроса», причем болгарский ученый-экономист Ив. Саказов убежден в том, что вопрос этот был разрешен таким образом болгарским правительством «исключительно в пользу Кесимджи». <sup>1</sup> Хорошая «польза»!

Вторую группу наиболее эксплуатируемого безземельного болгарского крестьянства составляли так называемые ратаи, или момци (ед. ч. ратай — ратайкиня, момък — момкйня; мн. ч. ж. рода ратайкини, момкйни), аргатин, ж. р. аргатка (от греч. *ἀργατά*). Все эти термины обозначали в социальном обиходе одно и то же: сельскохозяйственный рабочий, не имеющий собственной земли или имеющий ее в ничтожном количестве и вынужденный поэтому продавать свой труд помещику. Этому социальному слою в древнеболгарском, как и в древнесербском праве соответствовали так называемые отроки (отроци). <sup>2</sup> Термины отрок и момак первоначально обозначали известные возрастные группы: «отрок» — это дитя, *infans*, потом — юноша, живущий в доме родителей вплоть до женитьбы; <sup>3</sup> «момак» (момък) — это «молодой человек, парень» (Н. Геров). Впоследствии эти термины из области семейно-родовых отношений были перенесены также и в область социальных отношений и стали обозначать в классовом обществе младший или «низший», с точки зрения командных классов, социальный слой, не владеющий ни землей, ни орудиями производства, но свободный, вначале, в смысле распоряжения своею физической личностью, т. е. своим трудом.

Ратаи обыкновенно жили в собственных хижинах на земле помещика и обязаны были на договорных началах работать целыми семьями на его земле, его орудиями и в его пользу, т. е. пахать, сеять, косить и обмолачивать скошенный хлеб, а также выполнять ряд домашних работ для помещика. Договоры с помещиком заключались обыкновенно 26 октября (Димитров день). Труд ратаев оплачивался натурою: 100 крини (= 1000 ока, или 1250 кг) пшеницы, половина кожи для опинок (царвули), 25 ока (= 31¼ кг) соли, 100 кочанов капусты и 200 связок лука. В некоторых областях (Радомир) оплата труда ратаев производилась в виде «подарков» помещика крестьянам к рождественским и пасхальным праздникам по 3½ ока шерсти, 45 кутли пшеницы, 12 ока соли, сыра и полкожи для опинок. В области Стара Загора ратаи, кроме пшеницы, получал от помещика 300—500 грошей деньгами. В области Новой Загоры помещик расплачивался с ратаем деньгами и, кроме того, натурою по 3 ока масла. В некоторых местностях помещики давали своим ратаям (момцам) по 2—3 уврата (приблизительно 2—3 декара, 2—3 тыс. кв. м., т. е. около одного гектара) земли для личной обработки. Такой участок назывался параспор или параспур (визант. *παράσπορον* участками), а ратаи, пользовавшиеся такими назывались ратаи параспорджи. Иногда эти участки бывали столь малы, что крестьянин успевал вспахать их своими скром-

<sup>1</sup> Ив. Саказов, назв. соч., стр. 193.

<sup>2</sup> См. проф. С. С. Бобчев. История на старобългарското право. София, 1910, стр. 309 и сл.

<sup>3</sup> Там же.

ными средствами в два дня. В более крупных поместьях размер параспора был больше. Все причитающиеся поземельные налоги со своего владения, в том числе и с параспоров, помещик оплачивал сам. В некоторых местностях помещик же предоставлял крестьянам от себя и семена для посева на таких участках. В общем материальное положение ратаев, по выражению историка, было чрезвычайно плачевным. Получаемой ими зарплатой натурою едва хватало на пропитание. Питались ратаи обыкновенно ржаным хлебом; мясо видели только по большим праздникам. Отдельные семьи ратаев очень часто всю свою жизнь жили у одного и того же помещика.

Как социальная категория безземельного зависимого крестьянства, ратайство было ликвидировано в Болгарии после освобождения в порядке коллективной покупки ратаями помещичьей земли при содействии кредита со стороны государства. <sup>1</sup>

Третью группу болгарского крестьянства составляли так называемые исполджи и ортакджи, т. е. исполщики и пайщики, или дольщики. Если они иногда и имели свою частную собственность, то она была настолько незначительна, что не могла прокормить владельца, и он принужден был обращаться к помещику и брать у него на известных договорных началах дополнительный участок. Обычно договор предусматривал отдачу крестьянином помещику половины урожая с обрабатываемого им помещичьего участка на корню или после обмолота. Помещик, в свою очередь, предоставлял своим исполщикам хижины для их семей и помещение для скота. Работу исполщики выполняли своими орудиями производства. При нехватке у исполщика рабочего скота помещик предоставлял ему ссуду для его покупки. Иногда в порядке исполщины крестьяне обрабатывали у помещиков целые имения. Если землевладение помещика (ага) не отличалось плодородием почвы, то он охотно заключал договор с крестьянами на паевых началах, причем крестьяне в таких случаях выговаривали себе две трети урожая; расчет производился обыкновенно из чистого дохода, т. е. уплата десятины и всех прочих налогов покрывалась в данном случае полностью за счет труда крестьянина. <sup>2</sup>

Характеризуя создавшиеся в Болгарии во второй половине XVIII в. аграрно-правовые отношения, болгарский историк пишет: «С ослаблением центральной власти и с вырождением старых турецких институтов, т. е. по мере того, как спахи стали забывать свои обязанности по отношению к государству и уклоняться от военной службы, феодал-воин все больше и больше превращался в землевладельца, привязываясь все крепче и крепче к земле, и так как последняя становилась для него главным источником доходов, то, естественно, он стремился увеличить свои доходы с земли и поэтому все больше и больше угнетал производителя-крестьянина. Из показаний путешественников второй половины XVIII в. ясно видно, что «ага», т. е. помещик, располагал огромной экономической и политической силой, которой он и пользовался неограниченно. Помещик (ага) являлся полным господином, располагавшим не только трудом крестьянина, но и его личностью, которую он совершенно закабал своим ростовщичеством — самым страшным бичом народных масс, беззащитной райи, у которой не было никого, кто засту-

<sup>1</sup> См. Ив. Саказов, назв. соч., стр. 193—195.

<sup>2</sup> Там же, стр. 195 и сл.; здесь же указана и обширная литература предмета.



пился бы за нее и добился бы для нее прав, определенных государственными законами и признанных властью».<sup>1</sup>

Опутанные густою сетью повинностей по отношению к помещику, помещичьи крестьяне в феодальной Турции были сверх того обременены целым рядом принудительных повинностей и по отношению к управляющему имением или помещичьему приказчику, так называемому субаши. Это был подлинный хищник народного труда. Ссужая крестьян деньгами на покупку рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, на уплату налогов, на прокормление скота и семьи в неурожайные годы, на ликвидацию последствий стихийных бедствий и т. п. и получая со своих нищих кредиторов в установленные сроки долги, он держал помещичьих крестьян в тяжелой кабальной зависимости от себя, т. е. в таком положении, при котором произвол насильника не знал никаких границ. Помимо уплаты процентов крестьяне-должники обязаны были бесплатно вспахать, засеять, убрать, смолотить и доставить в амбар субаши зерно с его участка, каким бывал обыкновенно лучший участок в имении. В определенные сроки они обязаны были доставлять ему бесплатно различные продукты своего нищенского хозяйства: молоко, яйца, живую или битую птицу и т. п. в количестве, какое было установлено обычаем. Они бесплатно штукатурили стены в хозяйственных постройках субаши, мыли и убирали его жилище; бесплатно, своими перевозочными средствами они доставляли лес и камень, необходимые для ремонта построек чифлика и пр. Субаши был, однако, не только управляющим помещика; одновременно он нес и полицейские функции, и сам же подвергал провинившихся крестьян или телесному наказанию палками и розгами, или сажал под арест в специальное арестантское помещение, имевшееся у него при доме.

Опутанные долгами субаши, крестьяне в случае невозможности погасить ему свою задолженность должны были прекращать свое хозяйство и батрачить, пока не погашали своей задолженности субаши. Значительная часть нищенского годового заработка крестьянина-батрака (от 676 до 208 франков деньгами, 24 меры пшеницы, 4 ока масла, 4 ока маслин, 10 ока сыра, один ягненок к празднику пасхи и одна пара дешевой обуви) шла на уплату долга субаши. Когда же такой крестьянин, наконец, покрывал всю задолженность субаши, его насильно возвращали к земледельческому труду на отведенном для него помещиком участке земли или же водворяли в имении в качестве ремесленника. Нередко, однако, крестьяне-ремесленники помещичьих имений из-за недостатка в рабочих руках отрывались помещиком от ремесла и сажались на землю.

Во многих случаях для помещичьих и свободных крестьян в феодальной Турции более выгодным, чем земледелие, было скотоводство. Турецкое правительство поощряло скотоводство, потому что постоянно нуждалось в его продуктах, прежде всего для содержания своей армии. Однако крайне низкие расценки на продукты сельского хозяйства не спасали от тяжелого экономического положения и крепостных крестьян-скотоводов, независимо от их национальности и вероисповедания. А если после всего сказанного выше беззащитное и эксплуатируемое крестьянство в эпоху феодализма еще и держалось кое-как на ногах, то его добивали грабежи раз-

<sup>1</sup> Проф. В. Н. Златарски. Български въстания и опити за въстания до средата на XIX в. Сб. «България 1000 години». София, 1930, стр. 723.

бойничьих шаек, принявшие массовый характер особенно начиная с XVII в.; всевозможные эпидемии, уносившие тысячи людей в могилу; эпизоотии, лишавшие народ скота; голод в неурожайные годы; суровые зимы и наводнения и прочие стихийные бедствия. Известны случаи, когда крестьяне принуждены были продавать своих детей и этим спасать себя и их от голодной смерти.

В результате уже к середине XVII в. в различных районах Турции обнаружилось огромное количество выморочных земель, которые или переходят в казну или же приобретаются помещиками, содействуя росту крупного частного землевладения.<sup>1</sup>

Земельный закон 1858 г., о котором было сказано несколько слов выше, ликвидировавший феодально-помещичье землевладение, установил следующие категории земель: 1) хозяйственные земли (мемлеке, или мюльк, трудовые земли), т. е. частновладельческие земли на правах полной собственности, закрепленные за лицами, сидевшими и работавшими на этих землях, владельцы их были обложены государственным налогом, так называемой десятиной (болг. десетък); 2) государственные земли — в основном это были земли, закрепленные ранее за спахиями, кроме участков, находившихся в их фактическом пользовании и закрепленных за ними на правах частной собственности; 3) вакуфные земли, т. е. закрепленные в вечное владение за мечетями; 4) государственные земли общественного пользования (дороги, площади, рынки и пр.); и 5) так называемые мертвые земли, представлявшие собою государственный резервный земельный фонд; они были расположены вне деревень и были собственностью государства, которое могло от себя отдавать их во владение и в обработку каждому желающему на общих основаниях, т. е. на условии взноса государству десятины. Обработка этих земель поощрялась государством путем освобождения арендаторов в первые годы пользования землей от уплаты десятины. Несмотря на ликвидацию, согласно земельному закону 1858 г., спахийского землевладения, во многих провинциях, как было сказано выше, влиятельные помещики-спахи удержали все же за собою обходными путями свои земельные латифундии, предоставляя их в пользование местному болгарскому крестьянству на прежних основаниях. Такой порядок в этих помещичьих владениях удержался вплоть до освобождения Болгарии.



<sup>1</sup> См. Ив. Ив. Соколов. Быт крестьян в дореформенной Турции. Новый Восток, М., 1926, № 13—14, стр. 58—68.





### Глава III

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

### § 1. РАЗЛОЖЕНИЕ ВОЕННОЙ СИЛЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ТУРЦИИ

К концу XVI столетия феодальная Турция достигла наивысшего расцвета своей политической мощи. В состав ее владений входили к этому времени: весь Балканский полуостров, Молдавия, Валахия, Трансильвания, вся южная часть Венгрии до Пешта (Офен), почти все острова Архипелага, о. Кипр, Египет и средиземноморское побережье Африки — Алжир, Тунис и Триполи, вся Аравия, Сирия, Трапезунд, Тавриз, Грузия, Крым. Султан османов, наследник императора ромеев, владел теперь обширнейшим в мире государством, растянувшимся на огромном пространстве — самое меньшее в восемь тысяч миль, от Индии и Каспийского побережья до Гибралтара и от египетских пустынь до центра Европы.

Турецкий флот в это время был хозяином Средиземного моря и «свободно грабил португальские колонии на Индийском океане». <sup>1</sup> Турецкая дипломатия, поддерживаемая «непобедимой» армией, диктовала свою волю европейским державам. Австрия пресмыкалась у ног падишаха; Франция, Англия, Венеция, Россия и др. слали в Константинополь свои пышные посольства с щедрыми подарками султану, его двору и сановникам. Ни одна из европейских средневековых держав, даже наследница великого Рима — Византия никогда не поднималась в своем величии и блеске до такой высоты, на которой к концу XVI в. стояла империя османов.

Однако это величие и блеск были чисто внешними, купленными дорогою ценою длительных, напряженных войн. Поэтому-то, как только стал иссякать основной источник, питавший хозяйственную и политическую мощь империи — ее военная сила, оказавшаяся по своей организационной отсталости неспособною противостоять технически более оснащенным и более совершенным армиям противников, этот внешний блеск и величие быстро пошли к упадку и разложению. А это, по существу, было началом разложения командных классов господствующей нации завоевателя и его военно-феодального строя вообще.

<sup>1</sup> I. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa. III, Gotha, 1855, стр. 3 и сл.

Поворотным пунктом в исторических судьбах Турции оказалась ее война с Австрией, начатая Мурадом III (1574—1595), продолженная его сыном и преемником Магометом III (1595—1603) и закончившаяся при Ахмеди I (1603—1617) в 1606 г. Ситваторокским миром. По этому миру Австрия не только сама не вносила Турции никакого «подарка», т. е. не уплачивала ей никакой откупной дани, — что до сих пор было обычным явлением в практике военно-дипломатических сношений турецких султанов с европейскими державами, — но освободилась и от взноса ежегодной дани за Венгрию, уплатив лишь единовременный взнос в виде «подарка» султану в сумме 200 тыс. флоринов.

Ситваторокский мир в военно-дипломатической истории Турции явился началом последовавших затем ее военных и дипломатических поражений в Европе. После этого ей иногда удается достигать кое-каких временных успехов, в роде, например, отторжения от Польши Подолии и части Украины (по миру, заключенному в Бучаче в 1672 г.), но в основном все же ее военная мощь и политический авторитет начинают идти на убыль. Как в Европе, так и в Азии Турцию с этого времени начинают систематически преследовать военные неудачи. Так, в войне с Персией (1603—1612) султан Ахмед I потерял не только Тавриз, но и Грузию; при Мураде IV (1623—1640) Крым освободился от турецкой зависимости. В 1683 г. двухмесячная неудачная для турок осада Вены закончилась катастрофическим поражением, которое 12 сентября нанес двухсоттысячной армии великого везира Кара-Мустафы польский король Ян Собеский, командовавший польско-австрийской армией в составе всего только 50 тыс. человек. Уже это обстоятельство отчетливо характеризует военно-техническую и организационную отсталость турецкой феодальной армии. В 1686 г. Турция потеряла Пешт; в следующем 1687 г. она понесла тяжелое поражение при Могаче. Затянувшаяся на 10 лет новая война с Австрией закончилась Карловицким миром 1699 г., по которому Турция потеряла Венгрию, Трансильванию, Морею, Подолию, захваченную ею часть Украины. После Ситваторокского мира Карловицкий мир явился вторым и решительным ударом по военному могуществу и политическому престижу Турции в Европе, что неизбежно соответственным эхом отозвалось и в среде побежденных народов полуострова, которым помимо всего прочего приходилось постоянно нести огромные материальные жертвы в связи с непрерывными передвижениями дисциплинированных турецких войск к европейским границам и обратно, войск, находившихся во время походов всецело на иждивении местного населения.

Непрерывными войнами заполнена внешняя история Турции и в XVIII в. В их числе — русско-турецкая война 1768 г., закончившаяся Кучук-Кайнарджийским миром 10 июля 1774 г.; вторая неудачная для Турции война с Россией и Австрией 1787—1791 г., закончившаяся Свиштовским миром с Австрией в 1791 г. и Яским миром с Россией 29 декабря 1791 г. в результате которых Турция, в частности, окончательно потеряла Крым, и т. д.

Пока войны были победоносны, они давали командным классам господствующей нации огромные материальные средства, добывавшиеся путем грабежей, контрибуций и щедрых подарков со стороны побежденных. Но когда эти войны, начиная с XVII в., из наступательных перешли преимущественно в оборонительные и чаще всего заканчивались для турецкого оружия неудачами, вопрос об изыска-



нии средств для поддержания значительно расшатавшейся уже ко второй половине XVII в. феодальной государственной машины встал перед государством османов во всей своей угрожающей катастрофичности и впервые серьезно поставил в порядок дня проблему проведения в жизнь целого ряда государственных реформ по двум основным линиям: по линии реорганизации армии на современных европейских началах и по линии реформы всего хозяйственного управления страной в рамках разлагавшегося и уже изживавшего себя, но все еще господствовавшего феодального строя. Эти реформаторские начинания не только были обречены на неудачу, но и сами по себе явились источником дальнейшего расстройств всей государственной машины, внутренних осложнений и анархии, охвативших страну с середины XVIII столетия.

Особенно тяжело отзывался на население в XVII в. рост налогов. До 1582 г. подушный налог (харач или джизие) взимался с райи в сумме 40—50 акче и по 40 акче косвенного налога (авариз), да, кроме того, по одному акче на каждые две овцы. Сверх этих налогов специальные султанские комиссары, командированные на места в помощь сборщикам налогов, так называемые мубашеры, взыскивали с населения в свою пользу от 2—5 акче с человека. Но уже к 1640 г. харач поднялся до 240 аспров с человека и косвенные налоги до 300 аспров, а за овец платилось по одному акче с головы. Кроме того сборщики налога облагали народ в свою пользу такими поборами, что личный налог с христианского населения достигал 700—800 акче, а налог с овец 7—8 акче, и все же при всем этом государственные финансы находились постоянно в расстроенном положении: государственные расходы всегда превышали на десятки миллионов акче доходы.<sup>1</sup>

Турецкая сухопутная армия в основном своем ядре состояла, как видели мы выше, из феодальной конной милиции, численность которой, начиная с конца XVI в., из года в год шла на убыль, что стояло в тесной связи с процессом разложения ленного землевладения. На месте землевладельца феодала, обязанного военной службой, вырастал новый хозяин и помещик (чифликчи), закрепивший за собою различными путями в собственность бывшие ленные владения, но освободившийся от связанных с ними обязательств. Попытки Сулеймана II (1520—1566) и его преемника Селима II (1566—1574) и др. опубликованием специальных законов и распоряжений о ленных владениях в 1530, 1566, 1575 и др. годах внести какой-либо порядок в государственное земельное хозяйство, чтобы спасти старые основы ленного владения, не дали никаких результатов. Старый феодальный строй умирал естественною смертью, что и сказалося, в частности, на сокращении численного состава феодальной армии и понижении ее боеспособности. Официальное сообщение, относящееся к началу XVII в., совершенно откровенно говорит о том, что спахи в большинстве своем отказывались от исполнения своих военных обязанностей, и что санджак, за которым по спискам официально значилась тысяча лошадей, давал теперь в армию едва пятьдесят лошадей.<sup>2</sup>

В таком же состоянии к началу XVII в. находились в Турции и другие важнейшие части регулярной сухопутной армии — султан-

<sup>1</sup> Н. Милев. Католишката пропаганда в Болгария през XVII в. София, 1914, стр. 171 и сл.

<sup>2</sup> Там же, стр. 148—168.

ский конногвардейский феодальный корпус и корпус янычар.

Конногвардейский корпус, представлявший собою лейб-гвардию султана, состоял на специальном жаловании (от 20—40 аспров в день) и отличался изысканностью, богатством и роскошью боевого снаряжения. Вначале (1376) этот корпус состоял из небольшого отряда в 2500 человек и имел своим назначением охрану императорского знамени. Впоследствии при Селиме I (1512—1520) он значительно разросся и получил более широкие функции и соответственную организацию. В 1534 г. он состоял уже из 11 500 человек; при Мураде III (1574—1595), во время персидской войны, корпус насчитывал в своем составе вначале от 14 до 15 тыс. человек, а затем вырос до 40 тыс., по необходимости пополняясь уже не из среды придворной феодальной молодежи, а людьми из других классов, из другой социальной среды. Уже в персидской войне из-за трудностей похода султанские конногвардейцы принимали участие неохотно, а в 1586 г. они вовсе отказались нести свои служебные обязанности и объявили, что впредь будут принимать участие в походах только в том случае, если во главе их будет стоять сам султан, с чем правительству по необходимости пришлось согласиться. Спустя несколько лет после этого, в 1593 г., когда в связи с финансовыми затруднениями конногвардейцам была выплачена только часть их жалованья, они подняли восстание, которое было подавлено силами янычар, после чего эта разложившаяся, недисциплинированная и своевольная армия была сокращена до 10 тыс. человек<sup>1</sup>.

Еще более угрожающую роль во внутренней политической и хозяйственной жизни страны издавна играл в Турции янычарский корпус, превратившийся в конце концов в оплот реакции и надежнейшее орудие в ее руках для расправы с негодными ей султанами и их сановниками. Корпус янычар (йени-чари — новое войско), как часть турецкой армии, был создан впервые в 1330 г. султаном Урханом (1326—1359), сыном и преемником первого султана (эмира) османских турок, Османа (1299—1326). Вначале корпус вербовался из захваченной в плен христианской молодежи и детей, воспитанных затем при дворце султана и в специальной школе в духе фанатической преданности исламу и падишаху, и состоял из тысячи человек. Это была на первых порах надежнейшая лейб-армия султана, вернейшая опора трона, его славы и величия, оплот военной мощи империи. Своим фанатизмом она наводила ужас на всех, кому с оружием в руках приходилось защищать свою родину и жизнь от натиска завоевателя. Впоследствии этот привилегированный корпус пополнялся путем специального налога или дани детьми («испендж»), периодически собиравшейся с христианского населения страны (см. выше), и уже при Селиме I вырос до 10 тыс. человек, поднявшись затем при его ближайших преемниках — султанах Сулеймане I и Селиме II — ко второй половине XVI в. до 12—15 тыс. человек, к концу XVII в. — до 100 и 200 тыс. человек, и вскоре превратился в грозную армию дворцовых преторианцев, которые, начиная с XVI в. и вплоть до своей ликвидации в начале XIX в. (1826), играли самую активную роль во всех дворцовых интригах и переворотах. Ими было свергнуто с престола шесть султанов: Баязид II (1481—1512), Осман II (1618—

<sup>1</sup> Милев, назв. соч., стр. 175—180.



1622) — за попытку ликвидировать янычарский корпус, Ибрагим (1640—1648), Магомет IV (1648—1687), Ахмед III (1703—1730), Селим III (1789—1807) и возведено на престол пять султанов: Мустафа I (1617—1618), Магомет IV (1648—1687), Сулейман III (1687—1691), Ахмед III и Мустафа IV (1807—1808).

Уже со времени Магомета II (1451—1481) янычары, пользуясь своею силою и своим положением, становятся все более и более влиятельным и решающим фактором во внутренней и военной жизни страны и образуют мощную военную касту, наиболее властную в среде командных классов господствующей нации. Между султаном и янычарами устанавливаются своеобразные отношения, в которых султан и его правительство с великим везиром во главе играют в действительности роль элемента подвластного, а янычары — роль элемента властного, диктующего свою волю, поднимающего по любому поводу, в случае своей кастовой неудовлетворенности, мятежный голос и с оружием в руках требующего удовлетворения своих претензий. В 1481 г. Магомет II был принужден в целях подавления возбужденного настроения янычар впервые в практике турецкого правительства раздать им десять мешков золота. 34 года спустя, в 1515 г., во время персидской кампании Селим I принес им в жертву головы великого везира и командующего янычарским корпусом (сербанбаши). В 1525 г. султан Сулейман II подавил восстание янычар, собственноручно положив на месте трех зачинщиков заговора; он учинил кровавую расправу над мятежниками, но выдал им в качестве «подарка» 200 тыс. дукатов. В конце XVI в. правительство разослало янычар по провинциям и стало держать в Константинополе не больше 4 тыс. чел. В провинциях янычары наводили ужас на местное население, творили невероятные бесчинства и насилия. В качестве заместителей султана на местах они накладывали контрибуции на деревни и города, силою брали у мирного населения все, что им было нужно, или же, в лучшем случае, сами назначали по своему произволу цены за доставленное. Никто не дерзал поднять голос против их тираннии, а если где-либо недовольство угнетенного народа находило себе выход в активной самообороне, то янычары беспощадно мстили. В случае убийства хотя бы одного из янычар в какой-либо деревне туда врывается весь его отряд и предавал здесь все огню и мечу.<sup>1</sup>

Служба янычар оплачивалась государством, причем учитывались персональные заслуги и стаж каждого. Сначала их жалованье выражалось в скромной сумме  $\frac{1}{2}$  аспра в день, затем оно быстро поднялось до одного, двух и трех аспров; при Селиме I в начале XVI в. жалованье янычар достигало уже пяти, потом шести и восьми аспров; в конце XVI в. при Мураде III оно поднялось до 9 аспров и в XVII в. — до 10—12 аспров, не считая полного казенного содержания, т. е. обмундирования, питания, снаряжения и пр.<sup>2</sup>

Упадок военной мощи и разложение янычарского корпуса, согласно показаниям источников, ведет свое начало с того момента, когда при Сулеймане II, т. е. в середине XVI в., была нарушена первоначальная система его укомплектования и в ряды янычар стали принимать молодежь из господствующей нации, не проходившую той суровой методической подготовительной школы, которую

предварительно до своего зачисления в ряды янычар проходили старые, основные кадры янычарского корпуса, вербовавшиеся из детей христианского населения империи, закаленные системой специального морального и физического воспитания в духе военной дисциплины, военных доблестей и безусловной преданности султану. Сыновья влиятельных особ, изнеженное, малодушное поколение, ничего общего не имело по своей моральной и физической конституции с основными кадрами. Чем больше этот элемент вливался в ряды янычар, тем больше эти ряды стали терять свои бывшие военные доблести и стали заражаться теми привычками и склонностями, которые принесли с собою выходцы из командующих классов господствующей нации.

До середины XVI в. янычары не имели права жениться и иметь семью. Они должны были жить вне каких бы то ни было привязанностей и связей с внешним миром и общественностью, только одним чувством и одной привязанностью — безграничной привязанностью к своему султану. Такими, по мысли первых организаторов янычарского корпуса, могли быть только молодые люди, еще в детстве оторванные от своих родных семей, воспитанные в суровой обстановке закрытой военной школы (аджем-оглан) и выросшие затем в янычарской казарме (ода); но такими, во всяком случае, не могли быть добровольцы — выходцы из богатых семей турецких сановников, перед которыми янычарский стаж открывал широкую дорогу для служебной карьеры, чем он и привлекал к себе этот элемент. Случаи женитьбы янычар вначале были единичными; разрешение на женитьбу давалось командующим корпусом вначале только янычарам более старшего возраста и более заслуженным и преимущественно оседавшим в частях пограничной гарнизонной службы.<sup>1</sup>

Так было вначале, но уже в конце XVI в., по данным, восходящим к 1580 г., все янычары без различия могли обзаводиться семьями. Сыновья янычар из господствующей нации стали получать чуть ли не с колыбели свой янычарский паёк. Вскоре в янычарских казармах и в походах рядом с родителями появились и их дети. Они механически стали зачисляться в состав янычарского корпуса, т. е. растворять его элементом совершенно чуждым основной сущности и требованиям янычарской службы, неспособным по своей физической слабости даже владеть оружием янычар. В результате этого понижения боеспособности янычарского корпуса явилась необходимость увеличения его численного состава, этого требовала и огромная убыль его в походах, как это было, например, в персидскую кампанию при Мураде III (1574—1595). Если в 1579 г. янычарский корпус состоял из 16 тыс. человек, то в 1592 г. он увеличился до 24 тыс. и с этого времени стал расти, по выражению историка, как лавина, с возрастающей вместе с тем убылью.<sup>2</sup> Если к сказанному прибавить, что должности и в янычарском корпусе, как и все прочие в Турции с середины XVI в., т. е. со времени Сулеймана II, продавались или предоставлялись по протекции, то общая картина состояния этой важнейшей части армии завоевателя к концу XVI в. станет для нас совершенно ясной: из мощной военной организации, представлявшей собою в глазах Европы образец отваги, боеспособности и дисциплины, янычары превратились в раз-

<sup>1</sup> См. I. Zinkeisen, назв. соч., I, стр. 127; III, стр. 205—237.

<sup>2</sup> Там же, III, стр. 237 и сл.

<sup>1</sup> Там же, стр. 250 и сл.

<sup>2</sup> Zinkeisen, назв. соч., III, стр. 251—254.



ношерстный по этническому составу сброд, в среде которого вместо прежних боевых доблестей культивировались теперь высокомерие, надменность и своеволие, от которого можно было откупаться только деньгами. Так, например, в 1594 г. во время персидской кампании главнокомандующий армией Синан-паша потребовал от султана Мурада миллион (аспров) золотом только для того, чтобы хотя отчасти сдержать в узде свою армию, распропагандированную янычарами.<sup>1</sup>

В связи с проникновением в состав янычарского корпуса новых элементов, в недрах самого корпуса возник раскол между янычарами старого поколения и новым пришлым элементом. Старые янычары-кадровики смертельно ненавидели этих выскочек, легко делавших себе карьеру, не обладая ни качествами, ни заслугами основных кадровиков. Они, не желая иметь с ними никакого дела, считали их недостойными того, чтобы служить вместе с ними под одним знаменем, и дело доходило до того, что они не раз едва не растерзали друг друга.<sup>2</sup> А между тем, численно возрастая с каждым годом все больше и больше, поднявшись только за первую половину XVII в. с 30 тыс. до 54 222 человек (1660), янычарский корпус стоил в это время султанской казне огромных денег, достигавших цифры 148 477 020 аспров выдававшегося им ежегодно одного только жалованья, а если считать полное содержание корпуса, то эта цифра выражалась тогда в сумме 187 284 150 аспров.<sup>3</sup>

Кроме янычар, состоявших на жалованье и полном государственном иждивении, в составе янычарского корпуса в XVI столетии было также немалое количество лиц, зачислившихся в него по протекции или за деньги только для того, чтобы, не неся никакой службы, пользоваться связанными с янычарством выгодами и привилегиями, т. е. освобождением от уплаты налогов. Делалось это очень просто: надо было ежегодно платить янычарским офицерам небольшой взнос и затем, будучи раз внесенным в их списки, пользоваться уже полною свободою от прочих налогов.<sup>4</sup>

В 1762 г. известный уже нам автор путевых записок Руджиер Бошкович отмечает, между прочим, следующий характерный факт, прекрасно иллюстрирующий сказанное нами только что. «Хозяин дома, где мы находились (в г. Карнобате, в Болгарии), — рассказывает Бошкович, — был «знаменосцем» шестой янычарской оды (дружины). Он был с е р д а р, т. е. начальник янычарской дружины, а за эту должность (достоинство) уплачивается янычарскому ага по 60 грошей каждые три месяца. Кто-то другой сумел хитростью отнять у него это место, и он собирался ехать в Константинополь, чтобы получить его обратно».<sup>5</sup>

Тот же автор сообщает и другую интересную подробность, характеризующую степень боеспособности янычарской армии в его время, т. е. во второй половине XVIII в. Тот же хозяин дома, с которым мы познакомились выше, «знаменосец» янычарской дружины, рассказывал ему, что в 1734 г. (?) он принимал участие в битве при Чосзим (Хотин), где турки были разбиты, — «повернули спину, и каждый удрал кратчайшей дорогой домой». Наш хозяин, — заме-

<sup>1</sup> I. Zinkeisen, назв. соч., III, стр. 254 и сл.

<sup>2</sup> Там же, стр. 255 и сл.

<sup>3</sup> Там же, стр. 257.

<sup>4</sup> Там же, стр. 257.

<sup>5</sup> См. Сб. НУК, 1891, кн. VI, стр. 149.

чает автор записок, — сам это рассказал, прибавив при этом, что у них была такая привычка.<sup>1</sup>

Как было указано выше, рядовые янычары получали за свою службу довольно скромное жалованье, не считая, конечно, единовременных правительственных подачек и полного казенного содержания натурою. Даже когда они жили по своим домам на положении бессемейных одиночек, то и тогда получавшиеся ими деньги, повидимому, не удовлетворяли их потребностей, ввиду чего они нередко и прибегали, при удобном случае, к вымогательствам у правительства «подарков». Когда же они обзавелись семьями и материальное положение их значительно ухудшилось, то в дополнение к казенному «пайку» они стали искать себе заработка на стороне, стали заниматься ремеслом. Осевши гарнизонами в пограничных городах, янычары стали открывать здесь лавочки и вообще не стеснялись заниматься каким угодно делом, чтобы улучшить свое материальное положение.

Автор путевых записок, Герард Корнелиус Дриш, секретарь австрийского посольства в Константинополе в 1718 г., описывая Софию, отмечает, между прочим, что среди местных торговцев было и несколько старых янычар, которые занимались перекупкой и вели бакалейную торговлю. Таких торговцев-янычар, говорит он, имелось много и повсюду в Турции. Многие из них никогда не видели своего знамени, хотя и считались янычарами. Им удавалось при содействии какого-нибудь покровителя или путем незначительного подкупа получить от своих офицеров, с которыми они никогда не бывали на войне, свидетельство, и таким образом они навсегда освобождались от всех налогов или каких бы то ни было платежей. Первоначально эти привилегии давались только отслужившим и увечным воннам. Упомянутых выше, пользовавшихся правами отслуживших солдат, а в действительности никогда не воевавших, турки называют «остораки» (*ostorakes turcae vocant hoc genus hominum*). Число лиц, известных под именем «остораки», при совершенно здоровых силах и телосложении, было чрезвычайно велико.<sup>2</sup>

Попытки султанов Мурада IV (1623—1640) и Ахмеда III (1703—1730) восстановить былую мощь янычарского корпуса не увенчались успехом. Более решительная попытка Селима III (1789—1807) раскассировать янычарский корпус вызвала кровавое восстание янычар, поднятое шейх-уль-исламом в целях свержения с престола султана Селима за его реформаторские тенденции. Селим поплатился жизнью, но его дело продолжил Махмуд II (1808—1839) при содействии руцукского паши Мустафы Байрактара и Рамиз-паши, подоспевших со своими войсками в столицу. Первый погиб в бою с янычарами; второй, имея в своем распоряжении всего трехтысячную армию, разбил янычар и значительную часть их уничтожил. Наступившие внешние и внутренние осложнения — война с Россией и Бухарестский мир 1812 г., Венский конгресс, восстание в Сербии 1817 г., восстание в 1820 г. Али-паши Янинского, греческое восстание в 1821 г. и т. д. — временно задержали осуществление намеченного плана ликвидации янычарского корпуса, но тем не менее, несмотря на критическое положение, в котором находилась в это время Турция, Махмуд II все же решился довести начатое им нелегкое дело до конца и в 1826 г. объявил религиозную войну янычарам.

<sup>1</sup> См. Сб. НУК, 1891, кн. VI, стр. 149.

<sup>2</sup> Там же, стр. 127 и сл.



Эта война протекала на улицах столицы и носила ожесточенный характер. Правительственным войскам удалось сломить сопротивление янычар, и янычарский корпус был раскассирован. 20 тыс. янычар было перебито и трупы их были выброшены в Босфор; такая же расправа с командным составом янычарских отрядов была произведена и повсюду внутри страны; уцелевшие рядовые янычары частью сдались на милость победителя, частью же спаслись бегством внутрь страны, где предались грабегам и разбоям.<sup>1</sup>

Вместо ликвидированного янычарского корпуса в Турции в это время уже вырастала новая регулярная армия, организованная по европейскому образцу.

Разложение старой феодальной турецкой армии и ослабление в связи с этим ее боевой мощи, повлекшее за собою целый ряд крупных военных неудач для страны и большие территориальные лишения, было одною лишь деталью, хотя и очень серьезной, общего разложения ее военно-феодального строя. Состояние армии, как одного из наиболее чутких участков всей «нервной системы» жизни страны, наиболее осязательно отражало состояние всей государственной системы, прогнившей к концу XVIII — началу XIX в. сверху донизу, начиная с султанского дворца и Великой Порты (правительства) в столице и кончая последним стражником (запие) в деревне; системы, основанной на политическом бесправии миллионных масс угнетенных народов, на безграничной хищнической эксплуатации трудящихся помещиками и предпринимателями, на откупе сбора налогов, на широкой торговле должностями, на взяточничестве и вымогательствах феодально-бюрократического аппарата, на произволе, насилиях и поборах администрации. Всю эту тяжесть разлагавшегося феодального строя несли на своих плечах в течение ряда веков десятки поколений угнетенных «национальных меньшинств».

«Это государство, — пишет в своем донесении в 1571 г. Jacopo Ragazzoni, — в большей своей части населено христианами, которые так много переносят вымогательств со стороны турок, что невозможно себе представить, но в большинстве случаев они так бедны и находятся в таком жалком состоянии, что едва смеют поднять глаза, чтобы посмотреть в лицо турку. Даже при плодородии их земли они заботятся только о том, чтобы получить столько, сколько им нужно для того, чтобы уплатить харач и поддержать свое существование, потому что большее, чего они могли бы добиться, было бы отнято у них турками».<sup>2</sup>

Ценный материал для изучения истории Турции в интересующую нас эпоху, т. е. в XV — XVIII вв., представляет собою обширная литература «путешествий», принадлежащая чаще всего перу непосредственных участников дипломатических миссий, направлявшихся в это время исключительно напряженного политического положения в Европе, в связи с турецкой агрессией, европейскими дворами в Константинополь для урегулирования взаимоотношений с султаном. Эти миссии имели огромное международное политическое

<sup>1</sup> Подробнее о янычарах см.: I. Djevad-Bey A., *Etat militaire ottoman*, v. I. Les corps des Janissaires, trad. par G. Macrides, P. 1882; 2. Coussin de Perceval, *Précis historique de la destruction du corps des Janissaires*, P. 1833; 3. Menzel Th., *Das Korps der Janitscharen. Beiträge zur Kenntniss des Orients*, Jahrbuch der Münchener Orientalischen Gesellschaft, B. I (München), 1902—1903; 4. Huart C., *Janissaires*, Encyclopédie de l'Islam, P. 1927.

<sup>2</sup> I. Zinkeisen, назв. соч., стр. 360.

значение и поручались обыкновенно испытанным дипломатам, наделенным не только дипломатическими дарованиями, но располагающим также и хорошим знанием турецкого быта, законов, церемоний и обрядов. Миссии обставлялись обыкновенно с исключительной роскошью, богатством и внешним блеском. Это были парадные выступления европейских держав перед султанами, рассчитанные на то, чтобы внешней импозантностью, роскошью обстановки и дорогими подарками купить у своего мощного врага его милость и свое благополучие. По сути же это была форма дипломатического пресмыкательства европейских феодалов перед завоевателем, прикрывавшая пышной внешностью подлинные цели политической разведки и подкупа презираемого «азната». Поэтому в состав основного руководящего ядра подобных миссий включались обыкновенно представители наиболее выдающихся фамилий феодальной знати. Численность состава их достигала нескольких сот человек. Все они были одеты в золото и драгоценности. Лошади их по своей породистости и упряжи не уступали лучшим турецким лошадям. Коляски посланников были вызолочены и имели в упряжке по несколько пар лошадей. Посланника сопровождала огромная по количеству и блестящая по внешности гражданская и военная свита, а также целые взводы солдат с знаменами, барабанами и трубами. Военный командный состав был в парадной форме. Посланник имел при себе штат лакеев, камердинеров, телохранителей (кавасов), поваров, курьеров, конюхов и пр. Так, например, в состав русской дипломатической миссии, направленной в Константинополь Екатериной II два года спустя после заключения Свиштовского мира (1791), официально входило 476 человек, неофициально около 650 человек.<sup>1</sup>

Польская дипломатическая миссия, отправленная в Константинополь после заключения Карловицкого мира в 1699 г., состояла из 500 человек. Для перевозки одного только багажа австрийской миссии 1719 г. от границы до Константинополя потребовалось 370 подвод.<sup>2</sup>

Так как эти миссии на своем пути от границ турецких владений на западе к Константинополю обыкновенно два раза пересекали болгарскую территорию на довольно значительном ее пространстве, двигаясь туда и обратно и притом довольно медленно, а затем на длительное, сравнительно, время задерживались в столице, то секретари этих миссий и лица, специально для того включенные в их состав, имели полную возможность наблюдать окружающее, собирать интересующие их сведения о внутренней жизни страны разными способами, в том числе и путем непосредственного общения с местным угнетенным славянским населением. Последнее и с своей стороны, надо полагать, искало встреч с представителями европейских держав, для того чтобы не только заявить им о своих наболевших нуждах, но и высказать свои надежды на содействие этих держав делу их освобождения. Об этом говорят в своих путевых записках Курпешич (1530), Корнелий Шенер (1553), Раймерс (1793) и др. Турецкое правительство, несомненно, учитывало эту разведывательную работу европейцев и, окружая всевозможными

<sup>1</sup> См. Heinrich von Reimers, *Reise der russisch kaiserlichen auserordentlichen Gesandtschaft an die ottomanische Pforte im Jahr 1793. Mit Kupfern und einer Karte*, SPB. 1803; проф. И. Д. Шишманов, *Стари пътувания през България*, Сб. НУК, София, 1891, кн. IV, стр. 380—383.

<sup>2</sup> Там же, стр. 115, 120.



почестями своих официальных гостей, вместе с тем зорко следило за тем, чтобы они как можно меньше общались с местным населением как во время своего пути в столицу, так и во время пребывания в ней. Так, например, Стефан Герлах говорит в своих записках о том, что жизнь посольства в Константинопольском Каравансарае (1573—1576) напоминала собою полузаклучение. Турки оказывали посольству Герлаха большое гостеприимство, отпускали ему ежемесячно 10 тыс. аспров на рыбу, мясо, вино и другие продукты питания, 90 голов сахара и, кроме того, ежедневно три ока восковых свечей, четыре ока жиров, мешок рису, четыре барана и пр., а также фураж для лошадей, и в то же время сам посланник жил в Константинополе, по выражению автора, «как птица в клетке». Недоверие Порты к европейцам, по его словам, было столь велико, что один посланник не смел посещать другого. Турки с величайшим вниманием следили за тем, кто входит и кто выходит из его квартиры.<sup>1</sup>

Это внимание, вероятно, было не меньшим и во время пути посланника в Константинополь. Сопровождавшие постоянно посольства вооруженные кавалеристы вместе с стражниками не только имели целью охранять и устраивать в пути особу посланника и его спутников, но также и наблюдать за тем, чтобы население не имело слишком близкого соприкосновения со своими свободными единоверцами. Это опасение, с турецкой точки зрения, часто было совершенно основательным, доказательством чему служит, во-первых, то, что почти все ранние болгарские восстания вспыхивали именно по большим дорогам, по которым обыкновенно проходили иностранные посольства или иностранные войска; во-вторых, то, что неоднократно турецкие власти захватывали у самих посланников «рабов», или спрятанных в квартире посольства, или тайно увезенных посольством в повозках с багажом, пока зоркий глаз какого-нибудь стражника не замечал их.

Проф. Шишманов отмечает, что многие путевые записки говорят о том, что европейские дипломаты часто пользовались неприкосновенностью своей личности и квартиры, чтобы вырвать из рук притеснителей их «рабов». Так, например, один из авторов путевых записок, некто Дрийш, участник чрезвычайного австрийского посольства в Константинополь 1719 г., подробно рассказывает о том, как его посланник во время своего пребывания в Константинополе посвящал все свое свободное «от царских работ» время розыскам через своих агентов наиболее угнетенных лиц и изыскивал средства к их освобождению, в результате чего ему удалось освободить таким образом пять человек, в том числе одну женщину, преследуемую шестью вооруженными турками, которая укрылась в квартире посланника. Посланник, рассказывает автор записок, вооруженный саблею, дал отпор нападавшим, и женщина была спасена.<sup>2</sup>

Аналогичный случай имел место в 1617 г. во время обратного путешествия из Константинополя австрийской дипломатической миссии Чернина. Автор записок, посвященных путешествию этой миссии, некто Адам Веннер фон Крайлхайм рассказывает, между прочим, что в одном подбалканском болгарском селе они встретили в каравансарае какого-то татарина, в небольшой телеге, который вез с собою купленных им в Белграде русского мальчика и девочку лет

одиннадцати. Мальчика посольство украло у татарина. «Между тем, — рассказывает автор записок, — пришел татарин за украденным у него мальчиком; он явился к проводнику и хотел получить мальчика обратно, так как наверное знал, что мы его взяли с собою. Пожаловался татарин и посланнику, но последний притворился, что не знает этого и не позволил искать мальчика, поэтому татарин ушел. Но потерпевший на этом не остановился. Чтобы добиться возвращения украденного мальчика, он сопровождал посольство вплоть до Белграда, где пожаловался на посольство местному паше, но, так как посланник не хотел признать этого факта, а татарин не имел доказательств, то ничего не мог и добиться».<sup>1</sup>

О нескольких случаях освобождения и выкупа европейскими посольствами «рабов» рассказывает в своих путевых записках 1718 г. и Г. Дрийш.<sup>2</sup>

Имеющаяся в нашем распоряжении обширная литература «путешествий», широко использованная в свое время, наряду с прочими документами, европейскими историками и географами (Joh. Hampe, Joh. Zinkeisen, L. Ranke и др.), представляет собой ценный источник для истории многих других сторон жизни болгарского народа.<sup>3</sup>

Вот характерные иллюстрации политического и хозяйственного положения болгарского народа в рассматриваемое нами время. «Болгары терпят много насилий от турок, — пишет Стефан Герлах. — Они ничего не имеют, кроме насущного питания, и поэтому прекрасная страна по долинам и холмам (у с. Курт-Чешме) большей частью пустует, потому что они не имеют никакой пользы от своей работы, да и турки отнимают у них все и насилуют их женщин...»<sup>4</sup>

В другом месте тот же автор пишет: «Несчастливые люди повседневно подвергаются грабегам со стороны путешественников, которым они должны доставлять сено, ячмень и другие предметы, а турки едва оплачивают им половину. Они не желают ничего давать, пока их не выругаешь и не изобьешь, потому что не имеют доверия. У них есть надзиратель, которого турки называют к е х а я: он обязан здесь, как и во всех христианских селах, найти всякому прибывающему сено, траву, ячмень для лошадей, хлеб и другие продукты питания для людей. Они обязаны по ночам сторожить багаж путников перед домом, где те ночуют. Днем один из них должен постоянно ехать впереди, чтобы указывать дорогу, ее хорошие и плохие места; другие должны сопровождать возы, чтобы сдерживать их на дурных дорогах. Это обязанность и всех прочих христиан. Стражник (чауш) со всякого берет залог — его платье, мотыку, лопату, топор, подносы для пищи или что-либо другое из домашней утвари; тот, кто не придет или убежит, теряет свой залог. Все же многие его бросают и убегают».<sup>5</sup>

«Стражники имеют право (власть) отбирать у всякого, кого ни встретят и что бы тот ни вез, лошадь и ехать на ней несколько миль; несчастный бежит вслед за ними, пока ему не вернут его лошадь.

<sup>1</sup> Там же, стр. 461—462.

<sup>2</sup> См. Сб. НУК, 1891, кн. VI, стр. 133, 134, 136.

<sup>3</sup> Довольно подробный обзор ее дан проф. И. Д. Шишмановым в названной выше статье «Стари пътувания през България в посока на римския път от Белград за Цариград», напечатанной в Сб. НУК (София, 1891, кн. IV, стр. 320—483); здесь же указана и литература предмета.

<sup>4</sup> См. К. Иречек. Стари пътешествия по България от 15—18 столетия. Пер. Слис., 1883, кн. VI, стр. 22.

<sup>5</sup> Пер. Слис., 1884, кн. VII, стр. 114.

<sup>1</sup> См. проф. И. Д. Шишманов, назв. соч., стр. 386; Пер. спис., 1883, кн. VI, стр. 24.

<sup>2</sup> Там же, стр. 386 и сл.



С турками это редко бывает, но с христианами очень часто. Поэтому случалось, что когда они заметят, что издали приближается какой-нибудь стражник, то тотчас убегают с дороги в сторону, в лес; другие же прячут своих лошадей по скрытым местам. Кадия, или судья в городке, который не снабдил немедленно стражника лошадей, строго карается. Это угнетение до того невыносимо, что даже целые села убегают и переселяются в пустынные места, потому что христиане принуждены давать каждому турку своих лошадей, да и своих детей, не говоря уже о пище и вине, которые они сберегли для себя годовым трудом; кроме того они терпят много побоев. Стражник заставляет их давать ему все, что бы он от них ни потребовал, и если они не дадут ему требуемое немедленно или отказываются давать, он так жестоко наказывает их, что и все село не может подняться против его власти и должно повиноваться ему. Такой ужас наводят на них эти люди».<sup>1</sup>

Характеризуя положение болгарского крестьянства под властью помещиков, тот же автор XVI в., Герлах, пишет: «(спахии) обирают несчастный народ до того, что у них едва остается хлеб для пропитания. Ни один спахия не допускает, чтобы его крестьянин ел пыленка. Цыплят, овощи, деньги — все они отбирают у них; кроме того у тех, которые живут далеко от Константинополя, они насилуют жен и детей, и несчастные крестьяне должны молчать».<sup>2</sup>

Дубровчанин Павел Джорджич, путешествовавший по славянским землям полуострова в XVI в., пишет о положении болгарского народа следующее: «Пятнадцать лет тому назад я в первый раз прибыл из Италии в Турцию, где прожил четыре года, которые провел в беспрестанных путешествиях по всей турецкой земле. Тогда я имел случай познакомиться отчасти с Болгарией, с положением христиан и с нравами турок. Состояние христиан было весьма счастливо: они пользовались свободой и были богаты; турки, бывшие тогда отличного нрава, не притесняли христиан и не позволяли, чтобы кто-либо их притеснял; суд был справедлив. В 1590 г. я нашел христиан в совершенно другом состоянии; они были удручены страшною бедностью вследствие притеснений янычар; прежде их было мало, теперь все селения болгар переполнились ими. Так я помню, что в Провато (Провадия), где мне случилось жить, было четыре янычара, а теперь их там 80; также они умножились и в других местах. Янычары отягчают христиан процентами в сто на сто за три месяца; христиане должны служить янычарам; мало того, янычар отнимает лучшие земли у своего брата, чего прежде не было, ибо прежде они не жили так роскошно, не имели жен и детей, не были столь корыстолюбивы, а теперь было бы вернее называть их купцами, чем воинами... Янычары и спахии, отправляясь в поход, грабят христиан и насилуют детей на глазах родителей, чего в прежние войны никогда не случалось; турки, совершающие такие злодеяния, остаются безнаказанными, а судьи не смеют произнести своего приговора. Сказанного достаточно, чтобы понять, как искренне расположены болгары к христианам, и как ненавидят они турок. Очевидно турки имеют в своем доме врага... Кроме того турки утратили старую свою доблесть, стали несправимы, беспорядочны, и все вообще, а в особенности спахии и янычары, корыстолюбивы».<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Пер. Слис., 1883, кн. VI, стр. 38.

<sup>2</sup> Там же; проф. И. Д. Шишманов, назв. соч., стр. 403.

<sup>3</sup> См. проф. Н. И. Милев. Католишката пропаганда в България през XVII в., София, 1914, стр. 12; здесь же указана и литература.

Другой путешественник, посол Курпешич (1530), пишет: «Каждый раз, как только мы прибывали на остановку (на конак) в их дома, их под суровым нажимом турок принуждали не только освободить и предоставить нам свои жилища, но и давать нам все необходимое. Турки часто в нашем присутствии тяжело избивали не только стариков, но и молодых, и даже женщин. И при этом они не смели открыто ничего принимать от нас».<sup>1</sup>

«Отсюда (т. е. из с. Канара) мы двинулись на Факи (2 июня), — пишет в своих путевых записках известный ученый, математик и астроном, Руджиер Иосиф Бошковиц (1762). — Вокруг нас собралось более пятидесяти женщин с малыми детьми и девочками, чтобы посмотреть на нас, когда мы будем уезжать. Но не было видно ни одного мужчины, потому что все они убежали из села, чтобы их насильно не заставили ехать с повозками через эти дурные проходы. И действительно, надо было из соседних сел согнать шестерых; турки заставили силою даже попов и одного бедного старика сопровождать экипаж...»<sup>2</sup>

Аналогичный случай повторился и дальше, 10 июня в с. Добрал (Прилеп).<sup>3</sup>

«2 июня, — пишет в своих путевых записках тот же автор, — из Адрианополя прибыл (в село Канара) какой-то чиновник, юрисдикции которого было подчинено это село, чтобы установить, какие оно должно было нести расходы и сколько дать продуктов питания. Кроме продуктов питания, — замечает автор записок, — несчастное село должно было дать еще 104 гроша деньгами нашему мухмандару» (т. е. султанскому комиссару, приставленному для сопровождения знатных путешественников).<sup>4</sup>

В 1785 г. из Лондона через Гибралтар, Смирну и Греческие острова ездил в Константинополь некто Савиюр Люзинян, опубликовавший в 1788 г. описание своего путешествия, представлявшее собою сборник его писем с дороги сэру Уильяму Фордайгу в Лондон. Обратившись из Константинополя он выехал 7 июня 1786 г. и 15 июня после обеда под вечер, проехав Адрианополь, Мустафашу, Узунджово и пр., остановился в каком-то селе Чесват (?), состоявшем из 350 христианских изб. Здесь он ужинал у попа-болгарина, который, повидимому, жаловался своему гостю на сборщиков харача. «Сборщики харача, — пишет автор, — очень притесняют болгар-христиан. Заставляют их платить даже за 18-месячных детей, хотя по турецким законам все до 16-летнего возраста освобождены от этого».<sup>5</sup>

Описывая обратный путь австрийского посольства 1616 г. из Константинополя, Адам Веннер фон Крайлахайм рассказывает в своих путевых записках, между прочим, следующий, имевший место в одном из подбалканских болгарских сел, эпизод, свидетелями и главными виновниками которого были путешественники.

«Из этого села, — рассказывает Веннер, — убежали все жители, мы не могли достать ни хлеба, ни вина, хотя г. оратор (т. е. посланник) и отправил к ним гидов сказать, что он заплатит им за все, что они ему дадут, но так как они не захотели прийти, то каж-

<sup>1</sup> Пер. Слис., 1883, кн. IV, стр. 80.

<sup>2</sup> Сб. НУК, 1891, кн. VI, стр. 147.

<sup>3</sup> Там же, стр. 152.

<sup>4</sup> Сб. НУК, 1891, кн. VI, стр. 147.

<sup>5</sup> И. Д. Шишманов, назв. соч., стр. 471.



дый принужден был сам найти себе что-нибудь. В конце концов поздно под вечер женщины вернулись в свои хаты и когда не нашли всего, что они оставили и увидели, что многих вещей недостает, как они уверяли, они собрались и подняли отчаянный крик и по обычаю стали так царапать свое лицо руками, что кровь лилась ручьем, и все время кричали: о-ле-ле-ле-ле! и пр. Поэтому наши назвали это село Ле-ле-ле (т. е. Лелеле-село). Этот крик г. посланник прекратил деньгами, хотя утраченные ими вещи и не стоили так дорого, и сами же они были причиной этого».<sup>1</sup>

В 1787 г. вспыхнула русско-австро-турецкая война, закончившаяся Свиштовским миром, заключенным между Австрией и Турцией в 1791 г., и Яским миром, заключенным между Россией и Турцией в 1792 г. К этому времени относятся интересные записки графа Ферриер де Совбёф, который выехал из Константинополя в сопровождении своего слуги 6 июня 1788 г., направляясь на Запад. Для большей безопасности он переоделся в турецкое платье.

В это время на полуострове свирепствовала чума. Вторую чуму для местного населения, по характеристике Совбёфа, представляла собою турецкая армия. «Привыкнув творить во время своего нахождения в пути или бегства из строя ужаснейшие бесчинства и опустошения, турецкая армия, — пишет он, — навела такой ужас на население Болгарии, что оно почти все бежало в Македонские горы (Родопы) и там укрывалось в простых лачугах. Другие искали убежища в городах, чтобы спастись от необузданности тех, которые выгнали их из сел, угнали стада и выкрали скот для питания войска. Пока тянется война, они не могут вновь занять свои покинутые жилища и обрабатывать неизмеримые поля, жатвою с которых в первый год могла прокормиться вся армия великого везира. Сейчас эти поля представляют собою только картину опустошения. Виновики бесплодья более чем 120 милей земли больше всего чувствуют это и страдают от ужасных лишений. В таком печальном состоянии находится почти вся Сербия и часть Валахии, жители которых имели ту же участь, что и болгары».<sup>2</sup>

16 июня Совбёф прибыл в Софию, где к северу от города среди широкой равнины была расположена ставка великого везира. За несколько дней до прибытия путешественника в Софию великий везир пробовал обучать свою пехоту маршировке по европейскому образцу. Армия надеялась, что ей дадут бакшиш за понесенный труд, но ее надежды оказались тщетными, вследствие чего в лагере вспыхнуло восстание. Янычары ворвались в палатку великого везира и готовы были уже зарубить его, если бы ему не удалось вовремя скрыться в палатку министра иностранных дел (Резис-ефенди), который вынул 1 200 тыс. лир (?) и роздал их янычарам, чтобы успокоить их.<sup>3</sup>

Выехав благополучно из Софии, путешественник, однако, по дороге был арестован и в ужасающих условиях был доставлен обратно в Константинополь, где вскоре был освобожден. Неподалеку от Константинополя, в Мустафа-паша Совбёф встретил отряд дезертиров численностью более чем 3 тыс. человек, бежавших из армии великого везира. «Они шли в таком большом количестве для того, — говорит автор, — чтобы быть в состоянии заставлять города давать

<sup>1</sup> Проф. И. Д. Шишманов, назв. соч., стр. 461.

<sup>2</sup> Там же, стр. 477.

<sup>3</sup> Там же, стр. 477—478.

им пропитание и преодолевать охрану, расставленную по пути для возвращения назад беглецов».<sup>1</sup>

Характеризуя хозяйственное положение страны, Совбёф пишет, между прочим, следующее:

«Возвращаясь из Константинополя, проезжаешь через огромные фракийские равнины, которые некогда были очень плодородными, но сейчас совсем не обрабатываются, а дают только сено, которое в мае служит пищею для лошадей».<sup>2</sup>

## § 2. КИРДЖАЛИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КИРДЖАЛИ

Другим выражением разложения феодального строя и связанного с ним хозяйственного разорения эксплуатируемых крестьянских масс являлось начавшее бурно развиваться, по крайней мере с XVII в., если не раньше, разбойничество. Сначала оно концентрировалось только по большим дорогам, а затем, к концу XVIII и началу XIX в., залило собою уже всю страну и приняло широкий характер так называемого кирджалийского движения, угрожая самому существованию феодальной султанской империи взрывом ее изнутри. Значительная роль в этом движении принадлежала оппозиционно настроенным элементам разложившегося янычарского корпуса и поддерживавшего их духовенства (улемы) во главе с шейх-уль-исламом, недовольным реформационными устремлениями султанов Абдул-Гамида I (1774—1789) и особенно Селима III (1789—1807), направленными к европеизации военных сил империи и системы ее управления.

Автор уже цитированных нами выше путевых записок, посвященных описанию путешествия в Константинополь австрийского посольства в 1718 г., секретарь посольства Г. К. Дрийш рассказывает, между прочим, что когда посольство, направляясь в Константинополь и миновав г. Самоков, приближалось к Саранбею, сопровождавшие посольство янычары предупредили посланника, чтобы никто из его спутников не отклонялся от главной дороги или не уходил один вперед, потому что местность эта переполнена разбойничьими шайками, которые грабят путешественников, нападая на них большими силами, в виду чего против них нужна мощная защита. На время прохождения посольства на многих местах дороги были расставлены в качестве конной охраны ее спяхни.<sup>3</sup>

В 1665 г. в Константинополь ездило английское посольство Карла II. Секретарь этого посольства Рико (Ricot) оставил свои путевые записки, изданные по-французски в 1672 г. и два раза в польском переводе с французского, в 1678 г. и в 1727 г. Рассказывая о своей поездке из Константинополя по направлению к Софии через Балканы, Рико пишет:

«Эта местность очень удобна для разбойников, которые скрываются там в пещерах и ямах, столь тайных и неприступных, что их не могут уничтожить, несмотря на то, что часто высылаются вооруженные люди, чтобы их выгнать... С горы спускаются по очень узкой дороге, с двух сторон огражденной высокими и крутыми горами и темными густыми лесами. Это ужасная дорога, и тянется она больше двух часов. Туда часто большими четами приходят для

<sup>1</sup> Там же, стр. 479.

<sup>2</sup> Там же, стр. 479.

<sup>3</sup> См. Сб. НУК, 1891, кн. VI, стр. 131 и сл.

4 Н. С. Державин. История Болгарии, т. III



разбоя х а й д у к и, как называют их простолюдины, из Семиградия, Молдавии, Венгрии и других земель. Они убивают путников из ружей или камнями, которые сбрасывают сверху. От их нападений не ограждены даже самые большие караваны. Мне рассказывали, — сообщает автор, — что в одном из подобных проходов (потому что их имеется несколько по дороге в Белград) восемнадцать разбойников убили таким образом триста душ торговцев, ограбив все их деньги и товары. . .»<sup>1</sup>

Начало так называемому кирджалийскому движению на полуострове положили белградские янычары, отозванные султанским правительством из Белграда в Константинополь на основании Свиштовского и Ясского мирных договоров. По дороге в столицу у болгарского города Хасково (во Фракии), расположенного на пути между Филиппополем и Адрианополем, янычары взбунтовались, прогнали своих офицеров, разбились на отряды и четы и, ввиду того, что правительство не выплачивало им жалованья, решили добывать его собственными силами, грабежами и насилиями над беззащитным населением без различия национальности.

Хасково первым из болгарских городов сделался жертвою зверств и насилий янычар-кирджалиев. Вскоре это основное ядро восставших янычар обросло массой темного люда всех национальностей, искавшего себе наживы посредством убийств, грабежей и насилий над мирным населением страны. Хорошо вооруженные кирджалийские шайки быстро наводнили собою всю Болгарию и безнаказанно гуляли по всей стране, предавая огню и мечу все, что попадалось им на пути. Они заняли все дороги и грабили транспорт и путешественников. Они осаждали города и села, громили их, насиловали женщин, вырезывали население. Воспоминания об ужасах кирджалийских зверств не изгладились в народной памяти у болгар и до сих пор: о них поют в народных песнях и рассказывают в преданиях.

Один из султанских фирманов, данных на имя румелийского вали Мехмед Хакки-паша по вопросу о борьбе с кирджалийскими бандами, характеризует катастрофическое положение вещей в стране, создавшееся в результате свирепствующей кирджалийской анархии, говорит: «Села, города и целые населенные районы в моей империи опустошены, обезлюдели вследствие разбоя; земледельческие работы, занятия, дающие средства к существованию, торговые сношения окончательно приостановлены, ввиду чего и средства государственного механизма подорваны, а государственной казне нанесены весьма чувствительные потери. Так как порядок в положении вещей в моей стране скомпрометирован, государственные законы не выполняются и ими пренебрегают, как будто в моей империи царит полная анархия, то не будет странным, если в один прекрасный день от гнусностей этих шаек во многих местностях моей империи останутся важнейшие государственные дела, из-за чего не будут в состоянии выполняться даже важнейшие функции власти.»<sup>2</sup>

Несколькими строками ниже в том же документе мы читаем следующую: «Все проселочные дороги, идущие по высотам горного кряжа (Энидже-Планина), по степям, по ущельям, по долинам, и все

<sup>1</sup> Сб. НУК, 1891, кн. VI, стр. 170 и сл.

<sup>2</sup> См. Д. Ихчиев. Турски държавни документи за кърджалиите. Сб. НУК, кн. XXII и XXIII, София, 1906—1907. Дял историко-филолог. и фолклорен. стр. 1—71 (стр. 3 и сл. — «Царски фирман» 1795 г., опубликованный под № 1).

дороги, ведущие в города и села, уезды и волости (нахия), заняты разбойниками, которые распространились вплоть до соседнего с г. Одрином (Адрианоподем) села Юскюдар. Повсюду, где они проходили, они превращали огнем и мечом в прах и пепел, сжигали, убивали и грабили. Кроме того, эти разбойничьи орды осадили и начали нападать на города Гюмурджина, Димотика, Филибе и Пазарджик-бей, а бедной райе в этих районах причиняли всевозможные мучения, тиранства, истязания. Имущество присваивали, бесчестили девушек и женщин, убивали, сжигая села, города и жилища с домашним скарбом и другое имущество. Каких еще неслыханных и невиданных преступлений и насилий они не совершали! Число их неопределимо — один бог знает! Так плачевно и невыносимо положение населения и райи. Все брошено на божье промышление и произвол судьбы. . .»

Кирджалийские отряды в это время уже оперировали по всей Болгарии. По свидетельству французского посланника в Константинополе Шуазель-Гуфье, относящемуся к 90-м годам XVIII в., кирджалии разорили цветущий город Габрово, опустошили всю Фракию, уничтожили Кара-бунар и множество других населенных пунктов, от которых, говорит автор, не осталось и следа. Богатый городок Копривница за время с 1793—1800 гг. был ими разграблен три раза. В случае нападения кирджалийских банд местное население обыкновенно спасалось бегством в горы, в города или за границу, бросая на произвол судьбы свое хозяйство и весь свой домашний скарб.<sup>1</sup>

По описанию сербского писателя и этнографа Вука Караджича (1784 — 1864), кирджалии, то же — даалии, на языке турецких официальных документов — таглиешкиясии — владели прекрасными, богато убранными конями, носили обыкновенно голубые шаровары и короткие, шитые золотом, куртки, а голову обматывали пестрыми шелковыми платками; оружие у них было оковано золотом и серебром; кроме пистолетов, ножей и сабель они были вооружены длинными ружьями, которые своим прикладом и дорогой отделкой отличались от обычных ружей. В походе их сопровождали молодые рабыни (гевенди); во время боя, одетые в мужское платье, они оставались у коней своих повелителей, во время отдыха развлекали их игрою на гитарах.<sup>2</sup>

Кирджалии имели свою военно-административную организацию, делились на отряды, во главе которых стояли начальники, назначаемые общим вождем всех кирджалиев. Действовали кирджалии обыкновенно отдельными отрядами, под командованием своих бинбашии и билюкбашии, поддерживая связь с верховным начальником и отчитываясь перед ним в своих действиях. В отдельных случаях, в зависимости от обстановки и серьезности предприятия,

<sup>1</sup> См. проф. Н. Милев. Факторите на българското възражение. «Сборник в чест на профессор И. Д. Шишманов». София, 1920, стр. 148 и сл.; Fr. Hubl. Dejiny naroda bulharskeho, V Praze, 1930, II, стр. 7—13; д-р К. Иречек. История на българите. Търново, 1888, гл. XXVIII, стр. 605—630; Д. Ихчиев — назв. выше труд; Dr. Al. Hajek. Bulgarien unter der Türkenherrschaft, 1925, стр. 64—72; П. Георгиев. Кърджалиите и Пазвантоглу. Търново, 1900; I. Zinkeisen, назв. соч., VII Teil, Gotha, 1863, стр. 222—230. Термин «кирджали» имеет в основе перс.-тур. кыр — степь, поле, пустыня, предгорье и пр. и джали — «разбойник» и означает «степной разбойник»; другой аналогичный термин — «даали», или «дагли», имеет в основе тур. даг — «гора» — «горный разбойник».

<sup>2</sup> Вук Ст. Караджич. Даница. 1827, стр. 94—96.



несколько кирджалийских отрядов соединялись вместе и действовали объединенными силами. В своей деятельности кирджалии не ограничивались только предприятиями по собственной инициативе; нередко они по специальному приглашению и за условленную плату принимали участие на стороне той или иной из враждующих сторон, помогая тому, кто больше платил. Именно поэтому они обыкновенно принимали активное участие в междоусобных военных операциях турецких пашей, служа им вооруженною силою; эта же сила и вообще служила последним опором их управления пашальками. Помогая тому или другому паше в их грабежах и насилиях над местным населением, кирджалии не забывали и себя.

Численность кирджалиев на территории Болгарии вначале была незначительна и не превышала тысячи человек; впоследствии она достигла 25 тыс.

Отдельные кирджалийские отряды, судя по турецким документам, обыкновенно не превышали трехсот человек, высокая же боевая их сила обуславливалась их организованностью, материальной обеспеченностью, легкостью маневрирования, страхом, внушаемым ими населению. В этих отношениях все преимущества сравнительно с правительственными войсками были на стороне кирджалиев, что долгое время и затрудняло для правительства ликвидацию кирджалийского движения.

Из отдельных «вождей» этого движения известны из опубликованных султанских документов: Мехмед Синаби (из Синаба в Азии), Дертли Мехмед, Мефтул Идриз, Кючук Хасан из Севлиево, Тырновали Келямиоглу, Хасан Кейли Исмаил, Кара Хасан, Иссаоглу, Манаф Ибрагим, Кара-фейзи, Токматчикли, Дели и Кадри и др. По болгарским народным преданиям, в числе кирджалийских вождей фигурирует также и известный болгарский хайдук Индже-воевода.

Эпоха кирджалийской анархии в Болгарии продолжалась около 16 лет, начиная с 1792 и кончая 1807 г. Какие широкие размеры приняло в Болгарии кирджалийское движение, можно судить по тому, что для организации борьбы с кирджалийскими бандами и их уничтожения специальным султанским фирманом Селима III от 1795 г. (первые числа месяца шабан) румелийский вали Эль-Хаджи Мехмед Хакки-паша был облечен диктаторскими полномочиями и назначен «полновластным владельцем обширной Румелии». Были поставлены на ноги все областные и районные власти с строжайшим наказом организовать в спешном порядке преследование и уничтожение кирджалиев. Были мобилизованы три армии: софийская — под командованием фельдмаршала, великого везира Мустафа-паши, никопольская — под командованием силистренского вали, фельдмаршала, великого везира Осман-паши и третья — анатолийская под командованием фельдмаршала, великого везира Сеид Али-паши; кроме того, было вооружено население без различия национальности и вероисповедания для несения охранной службы. Это был первый случай в практике турецкого правительства, когда к несению вооруженной службы официально было привлечено болгарское население (1793).

По свидетельству Георгия С. Раковского, в кирджалийское время был вооружен почти весь болгарский народ, и многие города и большие села для защиты от кирджалийских нападений были ограждены стенами и окопами. Жители г. Котела имели в своем распоряжении четыре пушки из черешневых стволов и сами изготовляли

ружья, пистолеты, ножи и порох. Население г. Пловдива в 1804 г. отказалось вносить подати, заявив, что так как правительство не в состоянии оградить город и его окрестности от беспорядков, то оно само озаботится своею защитой.<sup>1</sup>

Когда Мехмед Хакки-паша не справился с возложенным на него султаном поручением, то он был отставлен от должности румелийского генерал-губернатора, и вместо него в 1797 г. был назначен великий везир Мустафа-паша, облеченный, как и его предшественник, «полными и неограниченными диктаторскими правами». Положение государства в связи с кирджалийской анархией, по выражению султанских документов, приняло «критический» характер, угрожающий благополучию империи и трона. В мае 1805 г., в целях решительной ликвидации «гражданской войны», как выражается султанский фирман, румелийский генерал-губернатор (вали), главнокомандующий войсками, специально назначенный для «спасения Румелии от гибели» Ибрахим-паша был возведен в чин генералиссимуса и облечен правами «неограниченного самодержца Румелии».

Правительственные документы, касающиеся кирджалийского движения, говорят о том, что султанат рассматривал это движение как движение политическое. В султанских фирманах часто фигурирует наименование кирджалиев — «революционерами»; они рассматриваются как орудие революционной пропаганды, направленной против «установленной власти». Румелия, — говорит названный выше фирман, — «почти целиком охвачена революционным огнем», ввиду чего Ибрахиму-паше предписывается, в частности, «зорко следить повсюду в своем районе, не помогают ли отдельные лица тайно или явно упомянутым разбойникам». — «Если ты установишь, — говорится в фирмане, — что некоторые решительные люди дерзнули бы тайно или публично проповедывать революционные идеи и побуждать население к восстанию против установленной власти, или же обучаться военному делу, то подобных людей ты естественно причислишь к категории разбойников». Султанский фирман вменяет в обязанность Ибрахиму-паше, «во имя интересов государства и трона», строго наказывать всякого, уличенного в подобном преступлении, «не взирая на его общественное положение и государственные заслуги, хотя бы он был и украшен самыми высокими орденами за государственные заслуги». Между тем широко охватившее болгарские районы Турции в 1792 — 1806 гг. кирджалийское движение, возникшее первоначально в мятежной янычарской среде, было по существу восстанием старой военной янычарской организации против правительства, движением реакционным, хотя султанские фирманы и квалифицируют его как движение «революционного» характера, а кирджалиев «революционерами». Положение вещей для либерального правительства султана Селима III в деле борьбы с этим движением осложнялось тем, что оно имело глубокие социально-политические корни в общих условиях жизни султанской империи и, как мы отметили выше, пользовалось широкой, хотя и негласной поддержкой реакционной турецкой общественности во главе с духовенством, настроенным враждебно против реформаторских устремлений Селима III. Его реформы и в первую очередь реорганизация армии по европейскому образцу с привлечением в качестве инструкторов французских офицеров, рассматривались, как враждебные духу ислама мероприятия, идущие

<sup>1</sup> Проф. Н. Милев. Факторите на българското възраждане. Сборник в чест на проф. И. Д. Шишманов. София, 1920, стр. 151.



щие от ненавистных гяуров, в результате чего Селим III в 1807 г. был свергнут с престола янычарами при поддержке высшего духовенства (шейх-уль-ислама) и убит. Вместе с свержением с престола Селима III окончилось и кирджалийское движение, стоившее болгарскому народу неисчислимым жертв.

### § 3. ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА

Типичным проявлением того же процесса разложения феодализма в Турции конца XVIII и начала XIX в. явилась полная дезорганизация внутреннего управления страной, выразившаяся в развале дисциплины и подъеме децентрализованных устремлений в среде командной верхушки ее военно-феодалной бюрократии, т. е. в среде султанских губернаторов и генерал-губернаторов отдельных районов и областей, отлагавшихся один за другим от центральной власти и управлявших своими вилайетами и пашалыками на началах полной независимости от центральной власти. Такими были: в Египте — Мехмед-паша; в Янине (Албания) — Али-паша; в Шкодре (Скутари) — Махмуд-паша Бушатли, власть которого распространялась вплоть до Охрида и Скопие в Македонии; в Видине — известный Осман Пазвантоглу, владевший всею Крайной до Оршова, Дунайской Болгарией до Никополя и внутрь страны до Старой Планины (главный Балканский хребет). В управлении страной и в своей междоусобной борьбе они обыкновенно опирались на янычарские отряды и кирджалийские банды.

Наиболее интересной личностью из названных выше пашей является Осман Пазвантоглу или Пазванджи. Обширные материалы, опубликованные в Болгарии и Сербии,<sup>1</sup> а также исторические труды общего характера,<sup>2</sup> довольно ярко рисуют его личность и деятельность. Когда в 1794 г. он впервые укрепился в Видине, собрал вокруг себя армию из кирджалиев и мятежных янычар и объявил себя отложившимся от центрального правительства как противник его реформ, то это был молодой человек 25 лет, бледный и худой, большой туберкулезом. По происхождению он был славянином — босняком-магометанином. О его дяде рассказывают, что он жил войною и грабежами и, схваченный своими врагами, был посажен на кол. Отец Османа Пазванджи — Юмер или Омар Пазванзаде — отличился в войне с австрийцами и в награду получил от турецкого правительства два села в окрестностях Видина. Будучи назначен байрактарем (знаменосцем) Видинского санджака, он вызвал высокомерным поведением враждебное к себе отношение со стороны

<sup>1</sup> См.: 1. Сборн. на бълг. «Книжовно дружество», кн. XXIV, София, 1908; а) Л. И. Попов. Принос за изучаване миналото на българското отечество; б) Д. Ихчиев. Турски държавни документи за Осман Пазвантоглу Видински; 2. Vjekoslav Telavič Pasvač Oglu od Vidina (Izvjeseć froneuzskoga rukovnička Meriage) — «Glasnik Zemaljskog Museja u Bosni i Hercegovini», XVII, 1905, стр. 173—216; 3. Д-р П. Н. Орешков. Няколко документа за Пазвантоглу и Софрония Врачански (1800—1812). Сборн. на бълг. Ак. науките, кн. III, София, 1914; 4. Ив. Павлов. Исписи из французских архива о Пазвантоглу (од. 1795—1807). Споменик Срп. Каральев. Акад., 1890; 5. Olivier. Voyage dans l'empire othoman, т. II, стр. 192—223.

<sup>2</sup> См. I. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. VII, Gotha, 1863, стр. 230—253; Dr. Al. Hajek, назв. выше соч., стр. 72—82; N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. V, Cotha, 1913, стр. 100—121; д-р К. Иречек. Историята на българите. Търново, 1888, гл. XXVIII, стр. 612—631 и др.

видинского паша Мелека, который подготовлял его убийство. Омару удалось избежать козней Мелека, и он затаил к нему непримиримое чувство мести. Он заявил публично, что никого не боится, в том числе ни закона, ни Магомета, за что и был приговорен улемами (юристами) к смерти.

Узнав об этом, Омар заперся в своем дворце. Дворец был осажден со всех сторон. Омару удалось бежать, но он был пойман и казнен. Его сын, офицер янычарского полка, Осман после казни отца бежал из Видина в Албанию, но затем за свои подвиги в войне 1788 г. был помилован и получил обратно часть имения отца. Пользуясь популярностью среди дворянства Видинского санджака, Осман собрал многочисленную войско из албанцев, кирджалиев и янычар, завладел самочинно всеми имениями отца, разбил в 1794 г. видинского пашу у ворот города и вошел в город. Паша был заперт в своем дворце, блокада которого тянулась в течение двух лет. Иногда Осман разрешал паше прогулки по городу в сопровождении полицейской охраны и из милости доставлял ему продукты питания. Когда паше Мелеку удалось бежать из Видина, Пазвантоглу был торжественно провозглашен своими приверженцами видинским пашой; провозглашение сопровождалось пушечными салютами. Отложившись от центрального правительства, Осман стал готовиться к войне с ним. Он собрал отборное войско, снабдил его артиллерией и окружил свою столицу глубокими рвами.<sup>1</sup>

Какою военною силою располагал этот мятежный паша, можно видеть из следующих цифр: армия его состояла из 30 тыс. человек пехоты, в состав которой входили, между прочим, янычары и большое число босняков и 12 тыс. всадников; уплата одного только жалованья этой армии стоила ему ежемесячно 1500 тыс. фунтов.<sup>2</sup>

В отношении к своим подданным он был справедливым, гуманным и веротерпимым. Жил очень скромно, не имел у себя пышного, блестящего двора, одевался просто, чем резко выделялся из толпы окружающих его авантюристов, и ни в малейшей степени не разделял страсти своих современников к дорогим палатам. Жил он в обществе своей матери, которая готовила ему и пищу, какого-то «греческого епископа» из Морен и одного французского подданного.<sup>3</sup>

Он был любознательным и для своего времени и своей среды развитым человеком. Чеканил свою монету (известную у болгар под именем «пазванчета», мн. ч.) и поддерживал от своего имени дипломатические сношения с Францией и Россией. Имел обширную библиотеку, которая сейчас хранится в Софийской Национальной библиотеке; собрание арабских и турецких рукописных книг в этой библиотеке поражает своею изысканностью и роскошью. Свою столицу Видин он украсил монументальными зданиями, провел улицы, построил красивые колодцы и пр. и с помощью французских и польских инженеров превратил ее в первоклассную крепость.<sup>4</sup>

По своему темпераменту Пазвантоглу был живым, энергичным и храбрым «юнаком» и обладал железною волею.<sup>5</sup> В отношении к противнику он был исключительно жесток и неумолимо беспощаден. Одно его имя вселяло ужас в поселян области или района за пределами его вилайета, где он появлялся со своими отрядами.

<sup>1</sup> Д-р К. Иречек. История на българите, Търново, 1888, стр. 613 и сл.

<sup>2</sup> N. Jorga. Geschichte des osmanischen Reiches, V, 1913, стр. 121.

<sup>3</sup> Там же, стр. 121 и сл.

<sup>4</sup> См. Н. Станев. България под иго. София, 1928, стр. 124.

<sup>5</sup> К. Иречек, назв. соч., стр. 630.



Несколько раз султан угрожал Осману Пазвантоглу смертью, несколько раз он отправлял против него экзекуционные отряды, но Осман всегда выходил победителем. Тогда султан переменял свою тактику по отношению к Осману и легализовал узурпатора в должности видинского пашы, что, однако, не имело никаких последствий, так как Осман продолжал занимать непримиримо враждебную позицию по отношению к султану и творить свои бесчинства. Ни угрозы, ни знаки внимания — ничто не могло заставить его отказаться от своей цели — восстановления былой мощи османской державы. Он никак не мог примириться с ролью верноподданного правительству, слабость которого он осознал и новшества которого считал опасными для дальнейшего упрочения государства. Это был искусный дипломат и способный стратег.<sup>1</sup>

В 1795 г. Пазвантоглу уже владел всей северной Болгарией, а когда, пренебрегая и объявлением со стороны шейх-уль-ислама священной войны против него и всеми попытками султана Селима III наладить с ним взаимоотношения и подчинить его законной власти, он, продолжая свои успехи, подчинил себе Никополь, Плевен, Ловеч, Савлиево, Тырново, султан начал против него в 1798 г. настоящую серьезную военную кампанию, мобилизовав все силы своей армии и решившись пожертвовать даже Видином, чтобы избавиться в конце концов от мятежного пашы. В апреле 1798 г. султанская армия в количестве 120 тыс. человек под командою Капудан-пашы обложила Видин. Но она потерпела поражение, и Пазвантоглу расширил свою власть на всю территорию Болгарии вплоть до Адрианополя. Смерть Пазвантоглу 27 января 1807 г. помешала ему завершить свое предприятие занятием с помощью Франции султанского трона.<sup>2</sup>

За всю свою деятельность Пазвантоглу понес только одну существенную неудачу, именно в своей попытке расширить свои владения по Дунаю за счет Рушука. Здесь он столкнулся со своим более удачливым на этот раз коллегой, таким же, как и он, узурпатором, но меньшего масштаба — Терсеникоглу. В 1796 г. между этими мятежными пашами завязалась ожесточенная междоусобная война. После двухмесячной безуспешной осады Рушука, укрепленной резиденции своего противника, Пазвантоглу отступил, предав по пути беспощадному огню и мечу все окрестности города и деревни.

Для того, чтобы ограничить произвол своих пашей, султанское правительство (Порта) создало институт аянов. Аян — представитель местной общественности, облеченный известными правительственными полномочиями, т. е. правительственный чиновник, выдвинутый из командной верхушки местной общественности для контроля над деятельностью прочих местных султанских чиновников, охраны порядка и защиты интересов местного населения. Ему было предоставлено, между прочим, право созывать советы и собрания почтенных граждан для обсуждения всевозможных текущих дел. Часто, однако, эти аяны подвергались гонениям со стороны пашей и их чиновников, что приводило к столкновениям, принимавшим нередко характер форменных войн между клевретами той и другой стороны. Это еще более осложняло положение вещей и усиливало беспорядок. Чаше, однако, и этот институт развивался совершенно обратным образом, которые имел в виду законодатель при его организации. Аяны очень быстро ориентировались в окружавшей их обста-

<sup>1</sup> Dr. A. Hajek, назв. соч., 1925, стр. 75 и сл.

<sup>2</sup> См. Dr. A. Hajek, назв. соч., стр. 78 и сл.

новке, вступали в тесный контакт с пашами и, вместо противодействия их насилиям, помогали им и почти всегда обогащались за счет тех, кого они были призваны защищать и кому они обязаны были покровительствовать.<sup>1</sup>

Не меньше беспорядка в жизнь страны вносили также и татарские султаны — переселенцы из Крыма, водворенные в Болгарию вдоль Черноморского побережья (в районы Кранобат, Сливен, Нова Загора), по обе стороны Балкан среди болгарского населения. Они тоже вели друг с другом междоусобные войны. За все это расплачивался прежде всего болгарский народ своим хозяйством и жизнью.<sup>2</sup>



<sup>1</sup> См. проф. В. Н. Златарски. Български възстания и пр. Сб. «България 1000 години», София, 1930, стр. 724.

<sup>2</sup> См. Н. Станев. България под иго. София, 1928, стр. 122.





#### Глава IV

### ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ

#### § 1. МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ „ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ“ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 г.

Характеризуя значение Французской буржуазной революции 1789 и следующих годов, Вл. И. Ленин писал: «Весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве».<sup>1</sup>

Объективное всемирно-историческое значение Французской буржуазной революции состояло в том, что на месте ликвидированного ею феодально-абсолютистского строя она утвердила строй буржуазно-капиталистический. Завершив процесс освободительного движения «третьего сословия» во Франции, она вместе с тем положила начало новой эпохи в истории всей Европы — эпохи дальнейшего развития капитализма со всеми его экономическими и социально-политическими противоречиями. Тем самым, действительно, мировая история в XIX в. пошла по путям, открытым перед нею Французской буржуазной революцией, «осуществляя» и «доделывая», в частности, в области цивилизации и культуры то, что создала французская революционная буржуазия. История передовой Европы конца XVIII — начала XIX в., в особенности, является историей восприятия социальных, политических и идейных достижений Французской буржуазной революции, так же, как историей и борьбы с ними со стороны феодально-абсолютистской реакции.

В идеологической области Французская буржуазная революция в основном продолжала и развивала дело великих просветителей революционной буржуазии XVIII в. — Монтескье, Вольтера, Руссо, Дидро, всего круга энциклопедистов и примыкавшего к ним передового философского, научного и литературного поколения. И жирондисты, и якобинцы в равной мере черпали из обильного источника просветительской мысли. Освободительные идеи просветителей, просветительная философия, просветительная социология и т. д. слу-

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 221.

жили путеводными вехами в идейных достижениях революции. Революция способствовала необычайно широкому распространению просветительской мысли по всему миру, придав ей особый революционно-устремленный характер, сделав ее боевым оружием своей борьбы.

Интернациональный характер Французской буржуазной революции был ясен и для ее вождей и деятелей и для ее врагов. Французская политическая и художественная литература революционного десятилетия полна мыслями о международной борьбе демократии против феодализма и абсолютизма. И, действительно, революционные события во Франции многообразно отразились на исторической жизни всего мира, сыграв первостепенную стимулирующую роль в подъеме его прогрессивных, национально-освободительных и революционно-демократических сил. Идеи Французской революции распространялись через границы. Их несли с собою за пределы Франции и войска Французской республики. Национально-освободительные войны революции даже тогда, когда они превратились в войны завоевательные наполеоновской империи, сохраняли до известного времени свои революционные лозунги. «Священный Союз», объявивший войну наполеоновской узурпации, преследовал и душил вместе с тем призраком якобинской, демократической революции.

В германских государствах, ближайшим образом столкнувшихся с революционной Францией, Французская буржуазная революция подняла дремавшие освободительно-прогрессивные силы.

В соседней с Францией Испании она вызвала рост революционно-демократического сознания. Либеральная конституция, утвержденная кортесами в Кадиксе в 1812 г., была в значительной мере вдохновлена французскими примерами и французской просветительской мыслью. И позже, в 1820—1821 гг., восстание Риго питалось наследием якобинской мысли.

В Италии Французская буржуазная революция вызвала подъем национально-освободительного сознания. Идеи ее были восприняты «Молодой Италией» во главе с Мадзини. Идеями ее вдохновлялись и многочисленные тайные революционные общества «карбонариев».

В России широкие отклики на Французскую революцию вызвали особое беспокойство феодально-крепостнической царской власти. Злейший враг французской революционной демократии Екатерина II беспощадно преследовала малейшие проявления «якобинизма» в русской литературе и науке. Этот «якобинизм» имел в России своим представителем такого выдающегося человека и писателя, каким был А. Н. Радищев (1749 — 1802), автор замечательного произведения «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). Впоследствии, уже в первой четверти XIX в., идеями Французской революции в значительной степени вдохновлялись декабристы. Они нашли свое отражение и в творчестве великого народного поэта А. С. Пушкина.

Имеющийся в нашем распоряжении обширный материал ярко показывает, какую благодарную пищу для широкого общественного протеста против господствующего уродливого социально-политического строя давала внутренняя жизнь феодально-помещичьей России в конце XVIII и начале XIX в. Россия переживала в это время, в процессе подъема капитализма, тяжелый кризис, характеризующийся, в частности, катастрофическим разорением мелкого дворянского землевладения, углублением процесса классового расслоения в среде дворянства, сокращением его землевладения, ростом беспоместного дворянства, массовым обнищанием и разорением закабаленного крепостной зависимостью крестьянства. Одним из стимулов к выявле-



нию этого протеста, подготовленного всем политическим и экономическим развитием России того времени, — согласно почти единодушным показаниям декабристов, — явилась Французская революция, а равно и последовавшие за нею революционные события в Европе, вроде: конституционного переворота 1815 г. в Голландии, установления в 1818 г. конституции в Польше, восстания в 1820 г. Кирога и Риего в Испании, неаполитанской конституции 1820 г., революционного движения в Пьемонте 1821 г., греческого восстания 1821 г., вызвавшего восторженные отклики у Пушкина и декабристов Рылеева и Кюхельбекера. Это широкое западноевропейское национально-освободительное движение, проникая в своем отражении в науку и литературу в широкие круги русской, украинской и белорусской молодежи, сыграло в истории русского общественного движения конца XVIII и начала XIX в. огромную роль.

За пределами Европы особое влияние Французская революция оказала на борьбу южноамериканских народов за независимость. Крупнейший представитель этой борьбы Симон Боливар (1783—1830), «освободитель южной Америки», в своих социально-политических воззрениях был прямым наследником французской революционной демократии.

В далеком углу Европы — на Балканском полуострове и в прилегающих к нему странах влияние идей «века просвещения» и Французской буржуазной революции сказалось не менее глубоко, чем в других странах на материке. Подъем национально-освободительного движения в Далмации, в Австрии и Венгрии в XVIII и в начале XIX в., теснейшим образом связанных экономически, политически и этнографически с полуостровом, нашел себе естественный отклик в Греции, в Сербии и в Болгарии, в широких кругах нарождавшейся молодой национальной буржуазии.

Уже с 30-х годов XVIII в. среди австрийских сербов Срема, Бачки и Баната, заселивших эти районы в конце XVII в. путем массовой эмиграции из Старой Сербии, под предводительством патриарха Арсения III Черноевича, начинается широкое школьно-просветительное движение. В 1733 г. в Карловцах была основана «Великая школа», в которой преподавание светских наук велось на латинском языке. Эти науки преподавали ректор Э м м а н у и л К а з а ч и н с к и й и магистр И в а н М и н я ц к и й — оба русские выходцы из Киева. В Новом Саде с 1740—1750 гг. существовала «Духовная Академия». В 1774 г. австрийским правительством был издан специальный школьный устав — *Regulae directivae* для сербских и валахских народных школ, на основании которого в одной только области Банат было организовано 373 народных школы, 21 старые школы были преобразованы и 19 школ расширены. Кроме того, уже в конце XVIII в. у австрийских сербов существовали специальные учительские курсы, на которых будущие учителя знакомились с современными методами школьного обучения. Так, например, в 1774 г. целая группа сербских молодых людей изучала методы преподавания в Вене. Из них особенно выдвинулись двое: Авраам Мразович из г. Самбора и Стефан Вуянович из с. Брджана, которые, помимо специально педагогической подготовки, прошли курс философского факультета. Стефан Вуянович основал в Среме 110 сербских школ, снабдив их 110 учителями, которые предвительно прошли организованные им же специальные педагогические курсы в г. Осеке. В этом же духе работал и его товарищ Мразович. Уже в 1776 г. в Вене были напечатаны сербская методика, ди-

дактика и специальное руководство для сербских учителей. Труды эти принадлежали известному сербскому педагогу и общественному деятелю, Федору Янковичу Мириевскому, который в 1785 г., когда австрийское правительство распорядилось, чтобы все сербские учебники печатались латиницей, эмигрировал в Россию, где в царствование Екатерины II был одним из виднейших в России организаторов народного образования. Так обстояло дело с народным образованием у австрийских сербов в XVIII веке.

У сербов же на полуострове под турецким владычеством оно было в жалком состоянии, таком же, как и у их соседей — болгар. По свидетельству Вука Караджича (1787—1864), знаменитого сербского ученого, фольклориста, лексикографа и реформатора сербского литературного языка и сербской орфографии, — сербская молодежь в XVIII в. училась грамоте у священников и монахов как у них на дому, так и в монастырях. Кроме того, у сербов на полуострове имелись и крайне примитивные начальные школы, в которых молодежь училась грамоте без букварей, затем изучала часослов и псалтырь; по прочтении несколько раз псалтыря ученик становился кандидатом в священники, архимандриты и т. д., а если при этом он обладал деньгами, то мог стать и епископом.<sup>1</sup>

В 1769 г. венский университетский книготорговец И. Л. фон Курцбек получил монопольное право на организацию в Вене специальной «иллирской», т. е. сербской типографии для печатания всех сербских книг, в связи с чем ввоз книг из России был строжайше запрещен. Организация этой типографии на время сделала Вену культурным сербским центром. Несмотря, однако, на то, что через типографию Курцбека прошло очень много сербских книг и учебников, сербы не были удовлетворены ею. Боязнь уни заставляла их с крайним недоверием встречать церковные книги, напечатанные в «иноверной» Вене в названной католической типографии. Эта неудовлетворенность возросла еще больше после 1785 г., когда был издан правительственный указ, по которому кириллицей должны были печататься только церковные книги, все же светские книги должны были печататься латиницей. В связи с этим австрийские сербы стали настаивать на том, чтобы сербская типография или была перенесена в сербскую среду, или чтобы по крайней мере было снято запрещение на ввоз книг из России. Эти хлопоты не увенчались успехом, и только после смерти Курцбека его типография перешла в сербские руки. В 1793 г. ее купил Стефан Новакович, и у нового владельца она стала называться «Славено-сербская, валахийская и восточных языков типография». Типография Новаковича просуществовала до 1796 г., когда ее владелец, в силу материального неуспеха типографии, принужден был продать ее венгерской университетской типографии в г. Будиме (Будапешт). И здесь вплоть до 30-х годов XIX столетия было напечатано наибольшее количество сербских книг. Кроме Вены и Будапешта, сербские книги в XVIII в. печатались в Венеции, в Валахии (Рымник), в Москве и в Лейпциге.

В связи с организацией сербской типографии стоит и появление у австрийских сербов первых газет. В 1791—1792 гг. в Вене выходила два раза в неделю на русско-славянском языке газета «Сербские повседневные новости». Газета носила чисто информационный общеполитический характер и печаталась церковным шрифтом. С

<sup>1</sup> Д-р Владан Джорджевич. Грчка и српска просвета. Београд, 1896.



февраля 1792 г. Стефан Новакович стал издавать «Славено-сербские ведомости», которые печатались гражданским шрифтом и на более народном сербском языке, чем предыдущее издание. Газета Новаковича была посвящена преимущественно сербским делам. Однако, в 1794 г. издание ее прекратилось, и следующая сербская газета стала выходить только с 1813 г.<sup>1</sup>

Таким образом в XVIII в. австрийские сербы уже были втянуты в сферу влияния европейского культурно-просветительного движения и не только достигли значительных успехов в своем культурно-национальном строительстве, но и явились источником аналогичного движения и у славян на полуострове.

На первом месте в этом отношении, независимо от австрийских сербов, стоит здесь наиболее экономически окрепшая, благодаря своим широким торговым связям с Западом, греческая буржуазия; за нею следует сербская, и, наконец, со второй половины XVIII в. на сцену выступает и болгарская буржуазия. Таким образом зарождение и развитие национально-освободительного движения среди политически угнетенных народов полуострова теснейшим образом идеологически было связано с «веком просвещения» и Французской революцией и не может быть оторвано от их идейно-политического воздействия.

Как повсюду в Европе, так и на полуострове национально-освободительное и революционное движение в сущности своей было явлением одного и того же порядка, одно и то же по своей классовой природе, а стало быть, одно и то же и по своей идеологии, с той лишь разницей, что на полуострове, в культурно и политически угнетенных странах, к которым принадлежали в это время и западные славянские народы, это движение — в силу местных, специфических условий исторической и культурной жизни этих народов в обстановке многовекового культурного и политического угнетения — приняло прежде всего характер широкого культурно-национального освободительного движения, отмеченного в истории всех славянских народов, как эпоха национального возрождения. В науке это движение отразилось в форме оживления и подъема интереса к своему национально-историческому прошлому, рисовавшему светлые картины былого национального величия, национальной культуры и свободы; в форме пробуждения интереса к родному народному языку, тоже свободному в прошлом и угнетенному и преследуемому в настоящем; в форме борьбы за права родного языка как мощного орудия культурного подъема; в форме агитации за просвещение широких народных масс через светскую школу, светское европейское образование и светскую науку, что приводило к борьбе с пережитками культурной отсталости, с суевериями, с формальной церковной обрядностью, с церковным просвещением и невежественным, некультурным и распущенным духовенством и монашеством.

В эту эпоху оживления и подъема национально-политического сознания в среде наиболее передовых элементов молодой славянской буржуазии впервые, между прочим, зарождается и славяноведная наука, поставившая своей задачей широкое изучение национальной культуры в смысле истории, литератур, языков, народного быта и творчества славянских народов в их прошлом и настоящем.

<sup>1</sup> Проф. Йован Скерлић. Српска Књижевност у XVIII веку. Београд, 1909.

В художественной литературе это движение отразилось у всех славян в форме того же порыва к национальному прошлому и настоящему во имя тех же интересов культурного и политического раскрепощения, в форме комплекса идей и переживаний, известного под общим именем романтизма.

Таким образом, политическое значение влияния «века просвещения» и Французской буржуазной революции в странах полуострова, у греков, сербов и болгар идет рука об руку с значением культурным: подъем национально-освободительного и революционного движения теснейшим образом связывается здесь с подъемом национальной культуры и народного просвещения, в том числе и с подъемом национальной литературы.

Во главе национально-освободительного движения у народов Балканского полуострова шла, как было сказано, греческая буржуазия, пользовавшаяся в эпоху турецкого владычества на полуострове исключительно привилегированным положением. Во главе движения у греков стоял выдающийся общественный деятель, ученый и публицист Адамантиос Кораис (1748—1833); у сербов — не менее знаменитый общественный деятель, писатель, поэт и публицист Досифей Обрадович (1742/43—1811); у болгар — выдающийся писатель и общественный деятель начала XIX в. Софроний Врачанский (1739—1813).

## § 2. ГРЕЧЕСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ АДАМАНТИОС КОРАИС

(1748—1833)

Начало нового культурно-просветительного движения у греков восходит к первым годам XVIII в. Его вдохновителями были представители крупной и политически влиятельной греческой буржуазии, группировавшейся вокруг греческой патриархии в Константинополе и известной под именем «фанариоты», от имени константинопольского квартала Фанар, где находилось центральное управление греческой патриархии. Фанариоты были представителями греческой аристократии, уцелевших потомков византийских императоров и византийской владетельной знати, сумевших не только приспособиться к новым порядкам османской империи, но и занять в империи влиятельное положение в качестве наиболее культурной технической силы. Фанариоты на турецкой службе были дипломатами, юристами, врачами, инженерами и нередко занимали самые высокие посты в турецком правительстве, что вскоре же после завоевания Византии и стран полуострова турками привело к сосредоточению в их руках огромных земельных владений, крупных капиталов и соответственной политической власти. Вместе с турецкими чиновниками греческие фанариоты грабили народ и в первую очередь христианскую райю, подвластную османскому падишаху — болгар, сербов и греков, грабили и турецких крестьян. Они не только поддерживали политику экономического и культурного угнетения славянских национальных меньшинств, проводившуюся правящей турецкой феодальной бюрократией, но пользуясь своим влиятельным положением в империи, совершенно свободно вели и собственную политику денационализации славянского населения полуострова путем его эллинизации, имея в виду в конечном счете ликвидацию катастрофически разлагающе-



гося царства османов и воссоздания на его развалинах «великой Греческой империи».

Главными вдохновителями и проводниками в жизнь этой «великой идеи» и были, как указано, фанариоты. Греческая патриархия в Константинополе, в неограниченной власти которой находилось и народное образование не только в Греции, Молдавии и Валахии, но и в славянских странах полуострова, явилась орудием проведения в жизнь реставрационных планов греческой буржуазии. Руководящим центром этого движения в XVIII в. становятся фанариоты Придунайских княжеств, Валахии и Молдавии, занимавшие здесь крупные посты турецких наместников и державшие в своих руках бразды правления.

По плану фанариотов, повсюду, где только имелось греческое население, при поддержке местной греческой буржуазии стали создаваться новые светские народные школы и гимназии. В связи с развитием школьного дела, которое очень быстро приняло широкие размеры, получила развитие и новая учебная и научная литература. Во главе этого нового просветительного движения у греков стояли два крупных ученых, писатели и педагоги — Евгеннос Вулгарис (умер в 1806 г.) и Никифорос Теотокис (умер в 1800 г.).

Вулгарис был философом и крупным поэтом; ему принадлежит, между прочим, замечательный стихотворный перевод на древнегреческий язык «Георгик» и «Энеиды» Вергилия и несколько оригинальных торжественных од, посвященных Екатерине II.

Теотокис был математиком, физиком и географом и вместе с тем автором множества проповедей и богословско-полемических сочинений.

К группе выдающихся греческих «просветителей» принадлежал в это время и яский педагог Георгиос Клеовулос, которому греческая школа обязана введением ланкастерского метода обучения.

В области науки и литературы этот начальный период национально-просветительного движения у греков характеризуется оживлением интереса к древнегреческому языку и древнегреческой литературе, в связи с чем стояли подьем филологических интересов вообще и, в частности, постановка проблемы о литературном языке и его отношении к народному языку, что неизбежно вело к изучению народных диалектов. Греческая литература в это же время обогащается массой переводов древнегреческих и римских авторов, итальянских поэтов, французских и английских философских сочинений. Блестящим представителем эпохи расцвета национально-просветительного движения у греков и был названный нами выше Адамантиос Кораис.

«Кораис первый заговорил у греков о свободе и притом на языке, который не был ни мешаниной греческого языка с иностранными, ни непонятным древнегреческим языком. Он первый соединил греческую литературу с национальной свободой, и греческий язык, главнейший орган народной жизни, благодаря Кораису, стал тем, чем он давно должен был стать, — сильнейшим рычагом народного возрождения. Своим глубоко свободолюбивым характером и своим широким патриотизмом он внушил соотечественникам любовь к родине... Просвещение, по Кораису, это патриотическое развитие ума и сердца. С расширением просвещения углубляется любовь к свободе. Но первое условие национальной независимости — литература, а для

успехов литературы необходимо реформировать весь метод обучения и создать литературный язык. И это все сделано Кораисом».<sup>1</sup>

Адамантиос Кораис родился в 1748 г. в Смирне. Здесь же он получил и свое начальное образование в школе, организованной монахом Иерофеем Дендриным, который 46 лет учительствовал в Смирне и пользовался любовью и общим уважением не только со стороны своих учеников, но и со стороны всей местной общественности независимо от национальности и вероисповедания. Судя по воспоминаниям сербского писателя Досифея Обрадовича, который три года учился в той же смирненской школе, Иерофей, повидимому, был талантливым педагогом и просвещенным по тому времени человеком. В своем сочинении «Жизнь и приключения Досифея Обрадовича» Обрадович<sup>2</sup> посвящает этому педагогу самые задушевные и трогательные строки своих воспоминаний, характеризуя его как человека хотя и религиозного, но чуждого предрассудков, непримиримого врага монашеских злоупотреблений и попрошайничества с чудотворными иконами и мощами. Повидимому, смирненский педагог оказал благотворное воспитательное влияние на Кораиса. Это влияние продолжил протестантский священник Бернгард Кевн, у которого Кораис учился латинскому языку, и, пользуясь прекрасной библиотекой которого, изучил также еврейский язык и усовершенствовался в знании древнегреческого языка.

В 1772 г. Кораис по торговым делам своего отца отправился в Амстердам, где пробыл шесть лет. В течение этих шести лет он усердно занимался наукою, отдавая ей все свое свободное время. Возвратившись в Смирну, Кораис нашел ее в ужасном состоянии: город пострадал от землетрясения и наполовину был уничтожен пожаром. Пострадали и родители Кораиса.

За время пребывания на родине Кораис перевел с немецкого языка сочинение московского митрополита Платона «Православное учение или краткое христианское богословие», снабдив свой перевод примечаниями. Эти примечания, собственно говоря, и составляют существенное содержание труда Кораиса. В них он изложил ряд своих мыслей, которые легли затем в основу его просветительной деятельности.

«Какая польза в том, — говорит Кораис в одном из примечаний, — что церковь имеет много лампад и драгоценной утвари, а лишена хороших священников. Если ты желаешь украсить свою церковь, не украшай ее излишним нарядом, а пожертвуй по мере своих сил из того, что дал тебе бог, на открытие школ и больниц, помоги сиротам и вдовам и не бойся, что церковь останется без утвари».

В другом примечании Кораис говорит: «Нет ничего более печального, чем то, как до сих пор христиане празднуют свои великие праздники. С нетерпением мы ждем Рождества и Пасхи, но не для того, чтобы восславить бога, а для того, чтобы одеться в новый костюм, бегать друг к другу с визитами и жрать. Каждое воскресенье, а особенно два последние перед великим постом проводятся в обоготворении собственного брюха».

<sup>1</sup> Д-р Владан Джорджевич. Грчка и српска просвета. Београд, 1896. — В основу нашего сжатого очерка жизни и деятельности Кораиса положены материалы этого труда сербского историка.

<sup>2</sup> «Живот и приключенија Доситеја Обрадовића», II, стр. 115—117, изд. Јовановића у Панчеву.

5 Н. С. Державин. История Болгарии, т. III



«Презрение к иноверцам, — говорит Кораис в одном из своих примечаний, — и особенно к бедным евреям, не имеет никаких оснований».

Крайне низко и недостойно презирать своего брата за то, что он иначе мыслит».

Родители настойчиво убеждали Кораиса остаться в Смирне, и, чтобы задержать его на родине, старались его женить. Но Кораис и слышать не хотел о женитьбе. «Любовь к свободе, — пишет Кораис в своей автобиографии, — была у меня сильнее всякой иной любви».

В 1782 г. Кораис уехал во Францию, в Монпелье, где пробыл шесть лет, посвятив себя изучению медицины. Закончив медицинское образование и получив степень доктора медицинских наук, Кораис в 1788 г. отправился в Париж, где был свидетелем великих событий Французской революции. Из Парижа он пишет письма своему приятелю, в которых дает подробную информацию о всех событиях революции. Письма эти представляют собою сейчас исключительно ценный источник для изучения истории Французской буржуазной революции.<sup>1</sup>

Парижские события произвели огромное впечатление на Кораиса и имели решающее значение в его жизни. Они утвердили его в убеждении, что любовь к свободе привела французский народ к революции, к росту просвещения, и с этого момента Кораис сознательно ставит основной задачей всей своей жизни и деятельности просвещение родного народа во имя его освобождения от чужденационального угнетения. В качестве орудия в борьбе за просвещение Кораис берет национальную литературу и родной народный язык. С этой целью он предпринимает образцовое издание всех древнегреческих авторов, снабжая каждого автора обширными предисловиями и комментариями на простом народном греческом языке, чтобы сделать их доступными самым широким кругам читателей. Убежденный в том, что изучение этих авторов приведет греческий народ к возрождению высоких чувств и доблестей, которые долгими годами рабства были придушены в народе, но не совсем забыты, Кораис, начиная с 1799 г., выпустил несколько десятков томов своих классических изданий.

Выпуская в 1799 г. первый свой труд — издание «Характеров» Теофраста,<sup>2</sup> Кораис посвятил его «свободным эллинам Ионического моря». Обращаясь в этом посвящении к своим соотечественникам Ионических островов, освобожденных Наполеоном от венецианской зависимости, Кораис пишет, между прочим, следующие строки: «Великий просвещенный народ, идя по пути наших предков, разбил ваши оковы. Вместе со свободой он даровал вам и все средства вновь стать достойными древних эллинов, изучая их язык и язык своих освободителей. Древнегреческий язык, который по праву может быть назван божественным языком, просветил огромную часть Старого Света; французский язык, который может быть назван языком философии, скоро просветит весь мир. Поднося вам написанную на этих двух языках часть моих слабых трудов, я ни в коем случае

<sup>1</sup> Lettres inédites de Coray à Chardon de la Rochette (1790—1796), suivies d'un recueil de ses lettres françaises à divers savants... Paris, 1877, XXXIX—606 p., portr. et fac-similé.

<sup>2</sup> «Характеры» — одно из многочисленных сочинений знаменитого древнегреческого ученого ботаника Теофраста (371—286 гг. до н. э.), ближайшего ученика Аристотеля.

не могу льстить вам; я хочу только напомнить вам, какими вы были в славные времена нашей общей родины, и какими вы опять можете стать во имя вашего блага и блага тех наших братьев, которые еще стонут под железным скипетром. Пусть пример ваш утешит наших несчастных братьев и вызовет пред их слезными очами ожидание лучшего будущего».

Кроме названного выше сочинения Теофраста, Кораис издал сочинения Гиппократов, Исократов, Плутархов, Страбона, Полиена, басни Эзопа (426 басен), Аристотеля, Ксенократов, Галена («О рыбах и водных животных»), философа Марка Антонина, четыре песни Илиады и др.

Вторым вопросом, который всю жизнь занимал внимание и мысль греческого «просветителя» и был главным предметом его забот и просветительной деятельности, был вопрос о родном языке, который Кораис рассматривал как первое и важнейшее орудие национального возрождения.

Свои мысли на эту тему Кораис изложил в предисловии к выпущенной им в 1805 г. книге «Эллинская библиотека», в которую вошли древнегреческие прозаики и поэты. Мысли Кораиса о языке произвели огромное впечатление на современников и сыграли крупную политическую роль, так как они представляли собою детально разработанный план работы по возрождению греческого языка, литературы и просвещения в целях культурно-национального и национально-политического возрождения греческого народа. Этот план предусматривал необходимые мероприятия по созданию новой научной грамматики греческого языка, по диалектическому изучению живого народного языка, который может дать необходимый лексический материал для замены множества проникших в греческий язык тюркизмов и итальянизмов; по составлению полного словаря современного греческого языка сравнительно с древнегреческим, словарь, который явился бы не только лучшим доказательством того, что нынешний греческий язык развился из древнегреческого, но и облегчил бы изучение древнегреческого языка и его литературы. В своем плане Кораис намечал ряд конкретных мероприятий по организации собирания лексического материала и давал руководящие указания, как надо собирать материал и какими пользоваться для этого источниками. Вместе с тем, план Кораиса намечал и подробную программу развития школьного дела и подъема образовательного уровня греческого народа, рекомендуя, в частности, введение в школы метода Песталоцци и посылку лучших учеников для завершения их образования в Европу. Здесь же Кораис говорил о необходимости организации типографии, издания политических и литературных газет и намечал для них основную тематику; о сохранении, собирании и регистрации всех памятников национальной старины, особенно рукописей и произведений древнего искусства, которые тогда за бесценок сбывались иностранцам; о создании Эллинского национального музея и т. п. Кораису же первому у греков принадлежит и мысль об издании периодического журнала, который действительно и стал выходить с 1811 г. — 'Ο λόγιος Έρη'της. В этом журнале наряду с греками принимали живейшее участие и славяне в лице, например, болгарина Анастасия Богорова, известного под грецизированной фамилией Богориди.

Отдавая свое время научно-общественной работе, Кораис вместе с тем не только внимательно следил за всем, что делалось в области национально-освободительного движения у греков, но и активно



откликнулся на наиболее крупные события в этой области. Так, например, когда иерусалимский патриарх Антип обратился к своей пастве с «посланием», в котором доказывал, что надо безропотно покоряться турецкой власти на том основании, что «всякая власть от бога учинена есть» и что ни кто иной, как божий промысел привел турок в Европу, чтобы спасти православие от западных ересей, под которыми понималось «тлетворное влияние» просветительных идей и французской революции, — Кораис немедленно ответил патриарху (анонимной) брошюрой, изданной в 1798 г. в Париже, под заглавием «Братское наставление всем грекам под турецким игом», в которой подверг уничтожающей критике все доводы патриарха. В целях содействия делу культурно-национального и национально-политического возрождения родного народа Кораис издавал специальные брошюры и в 1808 г. прочел в Париже публичный доклад на тему о современном положении культуры и просвещения в Греции, который тогда же и был напечатан автором отдельной брошюрой под заглавием — *Mémoire sur l'état actuel de la civilisation en Grèce*. Эта брошюра по справедливости именуется современной исторической литературой, как «первая на Западе официальная прокламация греческих народных прав».

На склоне своих лет Кораис принял живое участие в событиях греческой революции 1821 г., поддерживая связи с ее деятелями. Будучи по своим политическим убеждениям республиканцем федералистом, Кораис мечтал о политическом устройстве освобожденной Греции по образцу Соединенных Штатов Америки и отрицательно относился к Маврокордато, Ипсиланти и прочим князьям, удостоенным княжеских титулов турецкими султанами. Умер Кораис в 1833 г., накануне получения Грецией политической независимости.

### § 3. СЕРБСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ ДОСИФЕЙ (ДИМИТРИЙ) ОБРАДОВИЧ (1743—1811)

Димитрий Обрадович родился в сербско-румынском городке Чакова, в Банате, в 1743 г., в торгово-ремесленной семье. Рано лишившись родителей, он был взят на воспитание своим дядей, и так как с детства Димитрий проявлял любознательность и интересовался книгами, то дядя решил дать ему необходимое образование и сделать из него священника. Но впечатлительный мальчик, начитавшийся житий святых, решил предупредить планы дяди и бежать из дому в монастырь. В целях отрезвления племянника от аскетического увлечения дядя отдал его в г. Темишвар в обучение ремеслу. Но ремесло не внесло отрезвления в настроение мальчика, и 31 июля 1757 г. он все-таки бежал из дому в Фрушкогорский Хоповский монастырь, где и устроился в качестве ученика у игумена Феодора Милутиновича.

Через год он уже был пострижен в монахи с именем Досифей и с ревностью отдался своему иноческому служению. Строгая подвижническая жизнь молодого инока, возведенного в том же году в сан диакона, быстро стяжала ему в монастырских кругах широкую известность и готовила ему блестящую карьеру, но эта карьера не увлекла честного и искреннего молодого человека. Монастырская действительность под влиянием чтения светских книг очень скоро разрушила все его подвижнические иллюзии. Он стал изучать латынь и мечтать о высшей науке, и в 1760 г. бежал из монастыря, навсегда распрощавшись с монастырскими стенами.

С этого времени началась его долгая скитальческая жизнь, наполненная, однако, глубоким содержанием, направленным к овладению знанием. После бегства из монастыря Обрадович с 1761 г. учительствовал в Загребе, потом в разных городах Далмации; осень и зиму 1765 г. провел в Хилендарском монастыре на Афоне и весной 1766 г. явился в Смирну к педагогу Иерофею Дендрину, в высшей богословской школе которого проучился три года. За эти три года учения в Смирне Обрадович хорошо овладел греческим языком и основами греческого реформаторского движения в богословии. На обратном пути из Смирны в 1768 г. он задержался на о. Корфу, где под руководством местного греческого педагога изучал риторику и литературу. В 1769 г. из Корфу он попал в Венецию, а из Венеции в северную Далмацию, где вновь посвятил себя учительской деятельности.

В 1771 г. Обрадович уже в Вене. Здесь он изучает латинский, немецкий и французский языки, логику и метафизику. После шести лет жизни и занятий в Вене он побывал в Италии, затем на о. Хиосе и в 1780 г. через Константинополь прибыл в Молдавию, в Яссы, откуда в 1782 г. — в Галле в Германии, а затем в 1783 г. — в Лейпциг. Здесь Обрадович снял с себя священнический сан и посвятил себя изучению философии в Лейпцигском университете.

В Вене, где Обрадович прожил в общем свыше 20 лет, и притом в эпоху расцвета здесь идей иозефинизма — австрийской разновидности «просвещенного абсолютизма», представителем которого был в то время император Иосиф II (1765 — 1790), а затем в Германии, в Галле и в Лейпциге, Обрадович некоторое время занимался изучением рационалистической философии. В Галле он слушал лекции Лейбница, читал философские сочинения Хр. Вольфа, изучал протестантских авторов, но особенно увлекался Лессингом (1729—1781), крупнейшим представителем «века просвещения» в Германии.

Вместе с тем Обрадович хорошо знал и английскую культуру. С Англией он связывает представление о классической стране свободы совести и современной цивилизации. Обрадович внимательно изучает английских писателей — Бэкона, Поппа, Свифта, Ричардсона — автора знаменитых романов: Памела, Кларисса, Чарльз Грандисон и др. Из французских писателей он любит Фенелона, сборника образования женщины-человека и матери, автора знаменитого сочинения «Приключения Телемака» («*Les aventures de Télémaque*»), известного чаще под названием просто «Телемак», у которого он заимствует идею воспитания женщины. Он высоко ценит французского писателя Мармонтеля, друга Вольтера, автора исторического романа «Велизарий», пропагандировавшего идеи веротерпимости. Кроме названных французских авторов, Обрадович читает моралиста Лабрюера и увлекается комедиями Мольера.

В 1783 г. в Лейпциге, когда ему было уже 40 лет, когда уже был пройден значительный отрезок жизненного пути, наполненного богатым, живым, интересным и разнообразным содержанием, которое нуждалось в подведении итогов, Досифей Обрадович печатает первую и в 1788 г. вторую часть своей знаменитой автобиографии под заглавием «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, нареченного в монашестве Досифея».<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Живот и приключенија Димитрија Обрадовича нареченог у калуђерству Доситеја њим истим списат и издат. Прва часть. У Лайпцику, у типографији Брайткопфа. 1783.



Это было первое произведение Обрадовича, появившееся в печати. Первыми же по времени написания его произведениями были две «Буквицы», представлявшие собою сборники кратких нравоучений для юношества, расположенных в азбучном порядке. Первая из этих «Буквиц», названная автором «Ижица», была написана Обрадовичем в 1770 г. в с. Плавне в Далмации; напечатана она была впервые лишь после смерти автора, в 1830 г. В предисловии к своей «Ижице» Обрадович говорит, что она «собрана из эллиногреческих книг и переведена на простой славяносербский язык».

В том же 1770 г. в с. Плавне Обрадович начал писать, а в с. Скрадине закончил и вторую аналогичную книжечку под заглавием «Христоитиа сиреч благи обичаи и венец от алфавита». В печати это сочинение впервые появилось в 1826 г. По своему содержанию эта «Христоитиа» предназначалась для юношества и представляла собою сборник правил благочинного поведения вроде известного русского издания петровских времен «Юности честное зерцало или показания к житейскому обхождению» (1717).

Это были первые литературно-публицистические опыты Обрадовича. Они тем интересны, что в их афоризмах уже содержатся те мысли, которые впоследствии составят характерное содержание произведений Обрадовича и получают в них дальнейшее, более углубленное развитие: сатирическое разоблачение духовенства, рассуждения о воспитании, прославление разума и свободы мысли и т. п.<sup>1</sup>

Что касается первого печатного произведения Досифея Обрадовича 1789 г., его автобиографии — «Живот и приключения», то основной целью, которую сербский автор ставил себе в этом труде, было побудить сербское юношество к занятиям науками и к просвещению разума; вызвать в читателях описанием обычаев и нравов людей, с которыми автор сталкивался в своей скитальческой жизни, расположение к добрым обычаям и отвращение к злым; дать ряд советов и указаний по вопросам детского воспитания и тем самым помочь «хорошим и милым родителям в воспитании их детей», чтобы со временем они стали добронравными и почтенными в общении людьми, полезными и «благопотребными» отечеству и самим себе. «Эта тема, — замечает автор, — будучи самою необходимой и самою полезной человеческому роду, составляет важнейшую цель настоящего моего писания». Своим трудом автор имеет в виду действовать читателю в познании людей и самого себя и дать повод и пример «возлюбленному сербскому юношеству» перевести на свой язык и печатать книги образованных народов и постараться таким образом дать своим матерям и сестрам, супругам и дочерям «благопотребную забаву, украшающую их нравы, просвещающую их ум и облагораживающую их сердце истинным благородством добродетели и просвещенного разума».

Обрадович взывает к молодежи, чтобы она «постаралась создать для своего народа то золотое и счастливое время, когда сербские дочери и супруги будут читать «Памелу», «Телемака», повести Мармонтеля и тому подобные книги на своем простом языке, и когда первые воспитательницы и наставницы своих детей, будучи просвещенными, сами будут закладывать первые основы доброго воспитания своих детей, питая их вместе с молоком своей гру-

<sup>1</sup> Подробнее см. в исследовании К. Радченко. Д. Обрадович и его литературная деятельность. Киев, 1897. «Киевские университетские известия», год XXXVII, № 2.

ди разумом и добродетелью...» «Вредно, — замечает Обрадович, — оставаться столь многочисленному народу без книг на своем языке в то время, когда наука возле нас сияет, как небесное солнце...»

В заключении своей «Автобиографии» Обрадович пишет: «Итак, о любезнейший и сладчайший славяно-сербский народ, тебе я посвящаю как настоящую книгу, так и последующие, плоды и жертвы моего пера. Вам, дорогие жители Сербии, Боснии, Герцеговины, Черной Горы, Далмации, Хорватии, Срема, Баната и Бачки, вам и вашим потомкам внукам, с горячим и полным любовью сердцем, я вручаю этот скромный, но усердный свой труд».<sup>1</sup>

В своей «Автобиографии» Обрадович подробно описывает в прекрасном литературном изложении свою жизнь, начиная с раннего детства, говорит о своих переживаниях, увлечениях и разочарованиях, о своих страстных исканиях просвещения, о своих встречах и впечатлениях скитальческой жизни, пересыпая свой рассказ многочисленными отступлениями морально-просветительного характера. Так, например, рассказывая о том, с какою настойчивостью, вопреки желаниям, убеждениям и советам своего благодетеля-дяди, он шел к осуществлению зававшей ему в голову под влиянием церковных книг мысли о монашестве («моя голова, — говорит он, — будучи наполнена непроходимыми пустынями и пещерами, ничего другого не могла принимать в себя»), прибавляет: «ево какову силу имају прве науке, с којима младо срце напоји и напуни!.. Млада је душа подобна меком воску: у какав га калуп (форму) метнеш и салијеш, онаки образ од њега направиш; док (пока) је тај восак јоште мек, ласно (легко) га (его) можеш претопити и преобразити; чрез дуго (долгое) време будет тврдо као гвозђе, онда се оне (тогда) понадобится много труда) за претопити га и прелити...» В подобных отступлениях Обрадович возражает против безбрачия епископов и высказывает мысли в защиту брака вообще; разрушает принцип «слепой», нерассуждающей веры. «Всякая правда и истина, — говорит Обрадович, — любит и ищет свет...». Отстаивая права разума в качестве верховного руководителя и просветителя человека, Обрадович дает краткий очерк происхождения идеи монашества, говорит о постепенном его разложении и высказывает отрицательное отношение к монастырям и монашеству. Он считает позором, что здоровые и сильные люди — монахи бродят по миру и собирают среди трудового населения милостыню. Он считает необходимым передать монастырские земли народу, а монастыри превратить в школы, в больницы, в воспитательные дома для сирот. «О всемогущий боже, дающий миру царей, — заключает свое рассуждение Обрадович, — даруй им и дух Петра Великого!...»

Обрадович высмеивает так называемые «чудеса» святых и подвижников, издевается над баснями церковных житийных рассказов, с грустью вспоминая, как в детстве он им верил и как проливал над ними горячие слезы. Он считает позором не только для христианства, но и для всего человечества, что подобные мерзкие и отвратительные басни содержатся в книгах, что их читают и им верят. Он считает непросвительным то, что образованные люди не кричат во все горло, что это нетерпимая вещь. «Не бойтесь народа, любезные дети! — говорит автор, обращаясь к своим соотечественникам: — вы будете более дорогими и более честными для него, когда вы

<sup>1</sup> Цит. по пятому государственному изданию полного собрания сочинений Д. Обрадовича «Дела Доситеја Обрадовича», изданному и «отпечата» со дня смерти автора в Белграде в 1911 г.



откроете ему умственные очи и просветите его. Народ добр и хорош; если он в чем и ошибается, то делает это не от злого сердца, а по своему незнанию». Разоблачая народные суеверия, Обрадович заканчивает свое повествование обращением к «любозному сербскому народу» не винить автора за его обличения некоторых наших злоупотреблений, «так как уже пришло время, когда мы должны начать мыслить свободнее и разумнее... Если же кто по простой ревности осудит или похулит меня, время покажет, что он не имел на это права. Ничто для меня на свете ни милее, ни любезнее моего народа; но чем больше я его люблю, тем больше я должен представлять и говорить ему правду...»

Рассказывая о своем расставании с игуменом монастыря, Обрадович влагает в его уста следующие слова: «Пустыни, пещеры и святыни чанье выбрось из своей головы: над этим разумные люди сейчас смеются. В настоящее время кто выдаёт себя за подвижника, он или лжет или фантазирует. Как можно больше желай и ищи образования. Нет жизни хуже, чем праздная жизнь. Насколько я лично мог узнать тебя, если ты не посвятишь себя учению, ты будешь сожалеть о том, что поступил в монахи; ты ни для какой другой работы не призван, но только для книг. Мне, невежественному и необразованному человеку, приятнее видеть молодого образованного Раича, нежели четырех вселенских патриархов, которые, как и я, были бы необразованными. Иди путем науки; с нею ты всюду найдешь приют и заслужишь почтенную жизнь. Сын мой, прошло то глупое и темное время, когда между нами говорились: «лучше шесть вороных в повозке, чем шесть школ в голове». Сейчас времена изменились: если образованный человек и пешком идет, всякий его приветствует, а о необразованном, едущем на вороных, говорят: «воронные везут вороного» — и имеют на то право... Поверь мне, сын мой, всякий раз как я слышу беседу молодого Раича, я вздыхаю по своей молодости, и если бы было в моей власти, я превратил бы все наши монастыри в школы и в училища...»<sup>1</sup>

В заключении первой части своей «Автобиографии» Обрадович говорит, между прочим, о том, что он имел в виду две основные задачи: во-первых, «дать ученым моего народа пример, чтобы они писали и печатали на нашем простом языке; и, во-вторых, чтобы мои единоплеменники решились о всяком предмете свободно мыслить и обо всем, что слышат, судить и рассуждать...»

В том же 1783 г., когда была напечатана «Автобиография» Обрадовича, он написал 13 апреля свое знаменитое «Письмо к Харлампию», в котором сообщал своему корреспонденту, по видимому, вымышленному лицу, что он прибыл из Галле в Лейпциг, где предполагает напечатать гражданским шрифтом «на наш прости српски език» книгу под заглавием «Совет здравого разума» «на пользу моего рода». Автор сообщает, что его книга будет написана «чисто српски, какогод и ово писмо, да е могу разумети сви српски синови и кхери, од Црне Горе до Смедерева и до Баната». В этом произведении Обрадович говорит о важности единого для всего сербского народа (в названных выше границах) литературного языка, так как «просвещение разума и свет учения» не останутся тогда только при тех, кто понимает старый литературный язык, но распространится и достигнет и до крестьянина и будет преподано самому простому народу и чебанам, лишь бы они умели читать. Автор за-

<sup>1</sup> О Раиче см. ниже, в очерке, посвященном Паисию Хилендарскому.

щищает «простой диалект» в качестве литературного языка против обвинения в том, что если мы начнем писать на простом языке, старый язык придет в упадок и будет забыт. Обрадович отстаивает «простой диалект», который все знают и на котором все, кто только умеет читать, могут просветить свой разум, усовершенствовать свое сердце и украсить свои нравы. Язык, говорит Обрадович, имеет ценность постольку, поскольку он приносит пользу. В этом смысле не может быть более ценного языка, чем язык, общий для всего народа. Обрадович приводит в пример французов и итальянцев, которые не боялись, что пропадет латинский язык, если они начнут писать на своем родном языке, как он действительно и не пропал, как не пропадет и наш старый язык, ибо образованные люди народа всегда будут его знать и с помощью старого языка будут постоянно усовершенствовать новый. Русские печатают все свои лучшие книги на своем языке гражданским шрифтом. Только невежество и глупость, говорит Обрадович, довольствуются всегда стариной.

Развивая свою мысль о необходимости единого общенародного современного языка для всего сербского народа на всем пространстве занимаемой им территории, Обрадович первый в истории сербской общественной мысли подчеркивает наличие единства и общности языка у населения Черногории, Далмации, Герцеговины, Боснии, Сербии, Хорватии, Славонии, Срема, Бачки и Баната, независимо от вероисповедной и государственной принадлежности населения этих областей. Этой мысли Обрадовича было суждено сыграть впоследствии значительную политическую роль в истории борьбы народов названных территорий за единое государственное объединение. Идея Обрадовича о культурном объединении названных народов на основе установления единого литературного языка была, однако, разрешена несколько позже, в середине XIX в., другим знаменитым сербом, Вуком Караджичем (1787—1864), не без огромного труда и упорной борьбы с реакционными приверженцами старинны, о которых в свое время говорил Обрадович.

В связи с установлением факта культурного единства на основе общности языка населения названных областей Обрадович выступает пламенным защитником принципа вероисповедного равноправия и религиозной терпимости, так как по его убеждению, «по закону и по вери сви би льуди могли добри бити; сви (все) су закони основати (основаны) на закону естества». Согласно теории естественного права Обрадовича, единственным источником закона, определяющим основные нормы социальной морали и социальных отношений, является бог. «Ни один закон на свете, — пишет Обрадович, — не говорит: «делай зло и будь несправедлив»; напротив, все законы, где бы то ни было, исходят от бога и приказывают: никому не делать никакого зла, делать добро и любить правду. Бог есть сама извечная доброта и правда; всё, что не есть добро и праведно, не есть от бога».

Таким образом, естественное право для Обрадовича не есть еще *jus naturale*, но только *lex naturata*, но и в этом понимании естественного права агитация сербского просветителя и идеолога восходящей буржуазии была направлена против формальной угнетающей церковщины и ее служителей, попов и монахов, против отупляющих сознание предрассудков и суеверий, против господствовавшего насильнического феодального строя, т. е. носила характер агитации в массах прогрессивного правового самосознания.



В 1784 г. Обрадович напечатал в Лейпциге новую книгу под заглавием «Совети здраваго разума. Досифеем Обрадовичем сложени. Прва часть». Книга эта состоит из шести частей, частью оригинальных, частью переводных. В них автор развивает свои излюбленные мысли: о любви, об использовании церковных доходов, об обрядах и праздниках, о «богоданной свободе ума и просвещении разума». Видя в «просвещенном абсолютизме» источник и орудие проведения в жизнь прогрессивных для народных масс мероприятий, Обрадович обращается к правителям с призывом работать над распространением «богоданной свободы ума и просвещения разума» и уничтожать «тьму и мрак варварства, недомыслия, суеверия и невежества». В статье под заглавием: «Не кај се добро чине, и», Обрадович говорит о бессмысленности и бесполезности траты средств на постройку колоколен вместо общепользных просветительных целей. Здесь же мы находим знаменитые слова Обрадовича в защиту книги и просвещения, в которых он говорит, что гораздо полезнее израсходовать средства на перевод и напечатание одной полезной книги, нежели на постройку двенадцати колоколен с большими колоколами, так как детям от колокольного звона не прибудет и крупницы знания. «Книги, братья, книги, а не колокола и хоругви! Книги, дражайший и неоценимый небесный дар, славные дщери просвещенных умов! Они сейчас на земле и на море царствуют и издают премудрые законы. Они воюют и побеждают. Они превозносят и возвышают славу благополучных народов до самых звезд...»

В последующих статьях Обрадович говорит о необходимости командировок молодых людей за границу для образования в целях подготовки учителей, об организации школ для мальчиков и девочек. Идя по стопам Фенелона, Обрадович пишет о необходимости образования для сербской женщины и намечает программу школьных предметов для этой цели. Здесь же он говорит о необходимости основания больниц и школьных библиотек.

Обрадовичу чужды идеи и настроения узкого национализма. Он говорит о себе, что мог бы прекрасно жить и работать и в Италии и в Англии, как и у себя на родине, в Банате или в Далмации; что он не имеет никакой собственности, которой можно было бы его лишить, и ничего другого не желает, как только того, чтобы жить среди культурных и просвещенных людей и провести еще несколько дней своей жизни с книгами; что вся земля для него отечество, и все народы, чем они культурнее и благонравнее, тем ему роднее и милее. Правда, замечает Обрадович, некая сладостная симпатия к нашим единоплеменникам и к земле, на которой мы выросли, всегда лежит у нас на сердце и, как некий магнит, притягивает нас к себе. И я весьма бы хотел, продолжает он, провести остаток своих дней в Паштровичах, в Чернице или в Куче, если бы мог надеяться, что не встречу никаких препятствий к тому, чтобы принести родным мне как можно больше пользы. В 1784 г. Обрадович поехал в Париж и в Лондон, где провел три месяца, и возвратился в Вену. В 1787 г. из Вены, по приглашению своего земляка, генерала Симеона Зорича, он отправился в Россию, где в течение одного года был преподавателем в Шкловском военном училище. Возвратившись в 1788 г. в Лейпциг, Обрадович напечатал сборник басен под заглавием: «Езопове и прочихъ разныхъ баснотворцевъ, с различни езика на славеносербски езикъ преведене, садъ први редъ съ наравоучителними полезними изясненіями и наставленіями издате и србској юности посвене Б а с н е».

Сборник басен Обрадовича открывается обращением автора к сербскому юношеству, которому посвящается книга. Затем следует «Предисловие о баснях» и 160 басен. В заключении сборника автор приводит ряд извлечений из английских источников и два аллегорических очерка: 1. Истина и прелест. Алегорја или иносказане наука, преведена с инглескога «Рамблера»; 2. Пут у едан д а н. Изображеније человетскога живота («Из «Рамблера»).

Большинство басен Обрадовича представляет собою вольный перевод или переделку басен Эзопа; несколько басен заимствованы автором у Лафонтена, 22 басни у Лессинга. В обширных нравоучениях к басням Обрадович затрагивает те же вопросы, которые интересуют его и в других произведениях: о монахах и духовенстве, о народных суевериях и предрассудках, о политическом положении сербского народа под турецким игом и т. п.

С 1789 по 1802 г. Обрадович жил в Вене и занимался педагогической деятельностью. За это время в Вене в 1793 г. он напечатал новый труд под заглавием «Собрание разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение». Сборник этот состоит из 22 глав, каждая из которых представляет собою самостоятельное произведение. В числе этих произведений имеются статьи, посвященные наиболее интересовавшим Обрадовича предметам, вроде, например: о писателе, об истории, о друзьях и дружбе, о любви к отечеству, о любви к наукам, о знаменитых женщинах, о методе наиболее полезного чтения; похвала басне; похвала добродетели, о комедии и т. п. Статьи перемежаются аллегорическими повестями и простыми рассказами: «Гора знания и истины», «Путь в Вавилон»; «Абдала и Балсора», «Видение дервиша Алмета», «Пара туфель»; две повести из Мармонтеля: «Лаузуз и Лидия» и «Аделаида — пастушка альпийская». Две последних повести посвящены любимым Обрадовичем темам: любви и дружбе. Источником для сборника Обрадовичу послужили популярные в то время в Англии и в Германии еженедельники с разнообразным содержанием. В этот же сборник вошла и одноактная комедия Лессинга «Дамон или истинно приятельство у искушенију любви».

Вторая часть «Собрания разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение», напечатанная впервые после смерти Обрадовича, в 1818 г., носит название «Мезимац», т. е. «младший сын». Вошедшие в этот сборник статьи затрагивают вопросы: о простом сербском языке как языке печатных книг в интересах простого крестьянского народа; о воспитании разума и сердца ребенка, о почтении науки, о лжи и лжеце, об изучении истории и т. п.

В 1802 г. Обрадович из Вены переехал в Триест и в 1803 г. напечатал в Венеции новый свой труд: «Етика или нравоучительная философия по системе профессора Соави».

В 1804 г. старик Обрадович горячо откликнулся на народное восстание в Сербии и собирал в Триесте пожертвования на поддержку восстания. В 1807 г. он приехал в Сербию и посвятил себя организации дела народного образования молодого княжества. Его инициативе принадлежит, между прочим, открытие в Белграде в 1808 г. Великой школы, т. е. университета, и в 1810 г. — учительской семинарии. Умер Досифей Обрадович в Белграде в марте 1811 г., занимая в это время пост министра народного просвещения.

Подводя итог сказанному выше, мы можем составить себе совершенно ясное представление о Досифее Обрадовиче как сербском просветителе XVIII в. Основная задача жизни и деятель-



ности Обрадовича сводилась к тому, чтобы научить сербский народ «богоданной свободе ума» с тем, чтобы приобщить его к современному просвещению путем светской науки, которая в личной жизни Обрадовича составляла основной предмет исканий, источник подлинного знания истины и радости жизни. Наука для Обрадовича — «святая наука», «божий дар» и «небесный свет». Во имя просвещения народа он ведет неутомимую борьбу с церковным формализмом, с церковной обрядностью, с паразитствующим монашеством и некультурным, невежественным духовенством. Как идеолог восходящей национальной буржуазии, Обрадович ведет борьбу с всецельной теократией, разоблачает ее алчность, самоуправство и распущенность, борется с религиозным фанатизмом, проповедуя веротерпимость и идеи национального единства сербского и хорватского народов, независимо от разделяющих его вероисповедных различий и политической принадлежности. Он поклонник принципа «просвещенного абсолютизма», как орудия борьбы с феодализмом и перестройки культурной и социальной жизни народа на прогрессивных началах. Он сторонник равноправия мужчины и женщины и первый у сербов смело поднял голос за образование женщины. Во имя интересов просвещения народа Обрадович борется за народный язык в науке и литературе и своими произведениями дает пример сербской молодежи, призывая ее переводить и печатать книги на простом народном языке, чтобы сделать науку и просвещение доступными всему сербскому народу. Просвещение сербского народа на основах разума и свободы мысли — основная задача всей литературной деятельности Обрадовича, посвященной борьбе с пережитками средневековых традиций, питавшихся и поддерживавшихся затхлой, формальной и косной церковщиной. Церковному богословию Обрадович противопоставляет современную философию; церковно-религиозной формальной морали — современную этику, основанную на свободе совести и естественном законе; слепой вере церковников — разум и свободу мышления современного европейского научного знания; мертвому церковно-славянскому языку, господствовавшему в его время в сербской науке и литературе — язык простого сербского народа; проблемам церковности и религии в литературе — проблемы современной живой массовой общественно-политической жизни сербского народа. В истории сербской общественной жизни и литературы Досифей Обрадович выступает как яркий тип буржуазного рационалиста и реалиста в духе просветительных идей XVIII в. С этой точки зрения Досифей Обрадович у сербов является подлинным сыном и идеологом молодой восходящей буржуазии, значительно содействовавшим своею просветительной агитацией развитию ее классового сознания и укреплению ее классовых позиций в борьбе с всецельной церковной реакционной иерархией и пережитками дофеодального варварства и традиций феодализма.

Политическое и культурное значение просветительной агитации Досифея Обрадовича не ограничивается, однако, рамками только сербской национальности. Его сочинения наряду с греческими авторами сыграли значительную роль стимулирующего фактора и в истории болгарского возрождения. Общность первоисточника национального возрождения у греков, болгар и сербов, лежавшая, в связи с подъемом капитализма, в сдвигах в области производственных отношений, привела к общности в надстроечных категориях, чем и объясняется, в первую очередь, общность в идейном содержании просветительной пропаганды у греческих, сербских и

Болгарских просветителей. В основном это пропаганда науки и просвещения со всеми вытекавшими отсюда частностями борьбы греческой, сербской и болгарской буржуазии за культурно-национальное перевооружение на основах овладения современным западно-европейским знанием и техникой в целях укрепления своих позиций. Поэтому, как и Адамантиос Кораис и Досифей Обрадович, болгарские просветители ведут борьбу за науку и просвещение со всеми пережитками средневековья и феодализма в области культуры и производственных отношений, рассматривая науку и просвещение как мощную силу, обеспечивающую угнетенному народу культурное и политическое раскрепощение. Но наряду с этим в истории болгарской общественной мысли и литературы имеются и несомненные факты непосредственного влияния идеологии Обрадовича.

Так, например, в 1853 г. была переведена на болгарский язык статья Обрадовича «О знаменитых женщинах», представлявшая собою апологию социально-политического и культурно-образовательного равноправия женщины и требование, обращенное к родителям, прилагать заботы к воспитанию и образованию дочерей. В послесловии к статье Обрадовича болгарская переводчица Станка Николлица, рекомендуя себя, как «желателька на женского просвещения», т. е. как сторонница образования женщины, подчеркивает необходимость образования для женщины и жалуется, что болгарские условия очень мало способствуют умственному и нравственному развитию женщины. Мужчины, — пишет она, — находятся не в столь заслуживающем сожаления положении: чего они не могут получить в отечестве, они ищут и находят на чужбине. «А что делать нам, несчастным женщинам, лишенным возможности путешествий? У нас нет книг для более основательного учения в школе; нет достаточно и времени, чтобы провести его в школе; у нас нет ни учебных, ни внеучебных книг для чтения, а то, чему мы научаемся за короткое время в школе, мы забываем по выходе из школы. Что же нам делать?» — спрашивает переводчица и сама же дает ответ на поставленный вопрос, предлагая самим женщинам взяться за перо и каждой в меру своих сил постараться создать что-либо для своих товарок. Мысль болгарской переводчицы сводится к тому, что необходимо переводить книги о женском воспитании, которые разбудят у женщин стремление к просвещению и научат их ценить свое человеческое достоинство.<sup>1</sup>

Досифея Обрадовича и болгарских просветителей сближает и отношение к церкви и духовенству. Болгарские просветители говорят о том, что для народного образования нужны не столько церкви и священники, сколько учителя и училища, соответствующие духу нового времени. Так, например, известный болгарский педагог Неофит Рильский, воспитывавшийся на греческой и сербской просветительной литературе, пишет в своей «Болгарской грамматике» 1835 г. следующие строки: «Необходимо сначала строить училища, а потом церкви и монастыри. Напечатать сначала на нашем болгарском языке необходимые для учения книги, а затем ветхий и новый завет». «Мы убеждены, — пишет один из болгарских публицистов, современников Неофита, — что книжка Манчева «Бащин язык» или «Летоструй» Данова в руках нашего народа принесут и приносят

<sup>1</sup> Боян Пенев. Досифей Обрадович у нас. — «Списание на Българската академия на науките», кн. III. Клон историко-филологичен и философско-обществен. София, 1912, стр. 79 и сл.



ему больше пользы, чем могут принести три епископа». Еще более отрицательное отношение наблюдается в среде болгарской интеллигенции того же времени к монастырям и паразитствующему монашеству. Так, например, болгарский переводчик повести Обрадовича «Цу — и философ» разъясняет читателям, что в переведенную им повесть вложена антимонашеская тенденция. «В этой повести, — говорит он, — ясно показывается, что ни состояние, ни добрая жизнь, ни суеверное монашество не могут сделать человека философом...»

Проф. Б. Пенев считает, что под влиянием Обрадовича образовалось в среде болгарских борцов за церковную независимость левое крыло, стоявшее на позициях радикальной церковной реформы, сближавших болгарских либералов с протестантизмом. Издавая популярные брошюры, в которых доказывалась необходимость преобразования церкви, протестантская пропаганда выпустила в болгарском переводе одну главу из Досифеевых «Совети здравого разума», заключающую письмо Досифея к неизвестному ему отцу Серафиму. В своем письме Досифей осуждает заблуждения, невежество и религиозный обскурантизм отца Серафима, доказывая, что если в церковных обрядах и церемониях нет нравственно-религиозного содержания, то они представляют собою не что иное, как суеверие. Религиозная мораль, по Обрадовичу, должна покаяться не только на евангельских истинах, но и на здравом разуме, и т. д. Эти идеи у болгар нашли свое выражение в статье Т. Икономова «Шаг вперед» («Една стъпка напред»), напечатанной в журнале «Читалище» (II, стр. 765). За свои либеральные взгляды Икономов был обвинен болгарской экзархией в протестантизме.<sup>1</sup>

Рационалистические воззрения Обрадовича разделял и знаменитый болгарский писатель, публицист и революционер 60—70-х годов Любен Каравелов, который одновременно был и сербским писателем, близко стоявшим к сербской радикальной оmlадинской общественно-политической и литературной организации передовых элементов сербской молодежи. Известное в истории сербской общественности оmlадинское движение, по характеристике сербского историка Ив. Скерлича, заключало в себе значительную дозу досифеевского рационализма и просветительства.<sup>2</sup> На оmlадинском собрании в 1867 г., на котором выступал и Каравелов от болгар, на трибуне был установлен портрет Досифея. Из сербских писателей Каравелов выше всего ценил Досифея Обрадовича и Вука Караджича, двух представителей нового направления в сербской жизни и литературе. В одной из своих белградских повестей 1869 г. «Je ли крива судбина?» Каравелов устами героя Любомира Калмича с восторгом отзывается о вождях сербского народа, в число которых он включает и Досифея Обрадовича.<sup>3</sup>

Проф. Пенев приводит много фактов, свидетельствующих о том, что в эпоху болгарского возрождения сочинения сербского просветителя пользовались широкою популярностью среди болгарской общественности как в оригинале, так и в болгарских переводах.<sup>4</sup> Целый ряд произведений первого просветителя у болгар, Софрония Врачанского (1739—1813), современника Досифея Обрадовича, темати-

чески совпадает с произведениями Обрадовича, что давало основания исследователям болгарской литературы (Дринов, Попруженко, Теодоров, Боян Пенев) говорить о том, что произведения Обрадовича, пользовавшиеся широкою популярностью в Валахии среди тамошних сербских торговцев, не только могли быть известны и Софронию, жившему и работавшему в соседнем с Сербией и Валахией г. Видине, а затем в Бухаресте, но и стимулировать его литературную деятельность в духе идей Обрадовича.<sup>1</sup>

#### § 4. СОФРОНИЙ ВРАЧАНСКИЙ

(1739—1813)

Софроний Врачанский<sup>2</sup> принадлежит к числу выдающихся «будителей» начального периода болгарского возрождения, воспитавшихся под непосредственным влиянием пламенного патриота Пансия и его идеологии. Он родился в г. Котеле в 1739 г. в семье зажиточного торговца скотом, прасола (джелепин), имевшего центром своих торговых операций г. Стамбул. Светское имя его было Стойко Владиславов.

Основным источником для знакомства с жизнью и общественно-литературной деятельностью Софрония Врачанского служит его «Автобиография», написанная автором на склоне лет, между 1803 и 1805 гг. в эмиграции в Бухаресте под заглавием «Житие и страдания грешного Софрония». На основании этого источника биография Софрония вкратце рисуется в следующих чертах.

На третьем году жизни мальчик лишился матери. Отец женился второй раз и имел от второй жены сына. Мачеха была «лвота и завистлива» и ухаживала только за своим ребенком, а пасынком пренебрегала. На девятом году жизни Стойка отдали учиться в мест-

<sup>1</sup> J. Kujundžić M. Filozofia u srba. Beograd, 1868. 2. Споменица српског акад. друштва «Зоре» у Бечу, о стогодишњици нове књиге Доситија Обрадовића. Сомбор, 1883. 3. Доситиј Обрадовић. Статја в журнале «Odjek», 1884 г., № 32. 4. Šević M. Dositheus Obradović, ein serbischer Aufklärer des XVIII Jahrhunderts. Novy Sad, 1889. 5. Ruvargac. Život Dositiev u hronoloskom pogledu. — «Brankovo Kolo», 1895, №№ 13, 14. 6. Радченко К. Досифей Обрадович и его литературная деятельность. Киев, 1887. «Киевские университетские известия», год XXXVII, № 2. 7. Его же. Einige Bemerkungen über das Leben und die litterarische Thätigkeit Dositjev Obradovic's. — Archiv f. sl. Philologie, B. XXII, 1900, S. 594. 8. Ivan Scherzer. O Dositiju Obradoviću. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, 1898, kn. 134. 9. Гаврилович Анд. Доситије Обрадовић. Београд, 1900. 10. Јован Скерлић. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1909. 11. Его же. Историја нове српске књижевности. 2-е изд. У Београду, 1921. 12. Его же. Живот Доситеја Обрадовића. См. 5-е изд. полного собрания сочинений Обрадовича: «Дела Доситеја Обрадовића. Пето државно издање. Београд, 1911». Статја представља собою несколько расширенную редакцию очерка о Досифее в книге того же автора «Српска књижевност у XVIII веку». Б. 1909. 13. Споменица Доситеја Обрадовића. Српске Књижевне Задруге. Белград, 1911. 14. Остоић Тихомир. Живот Доситеја Обрадовића, 2-е изд. Белград, 1911 (школьное пособие). 15. Чернобаев В. Г. Две славянские переработки одного английского оригинала. «Язык и литература», Ленинград, 1927, т. II, вып. 2, стр. 71—91. 16. Поповић П. О. Собранију Доситеја Обрадовића. «Глас Српске Краљевске Академије», CLXXVI, Други разред, Београд, 1938, стр. 1—98. 17. Гацкович Е. Жизнь Д. Обрадовича. Универс. Известия, Варшава, 1879, V—VI. 18. Српски Књижевни Гласник, 1911, кн. 26 и 27 целиком посвящены Обрадовичу. 19. «Brankovo Kolo», 1911, 12—15. 20. Годишница Николе Чуича, 30.

<sup>2</sup> Подробнее о Софронии Врачанском, Пансии Хилендарском и других деятелях болгарской культуры этого периода см. наши «Очерки по истории болгарской литературы эпохи возрождения (конец XVIII—начало XIX в.)» в книге: Акад. Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 61—213.

<sup>1</sup> Боян Пенев. Досифей Обрадович у нас, стр. 83—85.

<sup>2</sup> Скерлић Јован, Оmlадина и њена књижевност (1848—1871). У Београду, 1906, стр. 273, 275.

<sup>3</sup> Боян Пенев. Досифей Обрадович у нас, стр. 85—87.

<sup>4</sup> Там же, стр. 87—112.



ное греческое училище. В учении Стойко проявил «прилежание и остроумие», но так как в Болгарии в это время не было «философского» учения на славянском языке, он начал учиться на греческом языке и прошел октоих, а когда начал изучать псалтирь, пришла из Стамбула весть, что отец его умер (1750), и 11-летний мальчик остался круглым сиротой. На помощь ему пришел бездетный дядя, брат отца, и отдал его в обучение ремеслу. Когда Стойке исполнилось 17 лет, умерли один за другим и его дядя и жена дяди. Дядя Стойка, как и отец, умер в Константинополе, где вел вместе с отцом Стойка торговлю скотом. Тогда кредиторы («должники») и компаньоны дяди заставили Стойка, как сына последнего, отправиться в Константинополь, для того чтобы собрать там деньги, которые дядя должен был получить с мясников, разбросанных повсюду как в самом Константинополе, так и в Анатолии. С большим трудом и целым рядом неприятных приключений молодому человеку вместе с одним компаньоном дяди удалось собрать кое-какую сумму и благополучно вернуться на родину. Но когда подвели здесь счета, то оказалось, что за дядей остается еще долг в 400 грошей. Уплата этого долга была возложена на Стойка, что поставило его в крайне тяжелое положение. В результате Стойко был закован в кандалы и посажен в тюрьму, где просидел три дня, пока его родственники не собрали некоторую сумму денег и внесли ее в погашение долга.

Незадолго перед этим родственники заставили Стойка жениться, потому что некому было за ним присматривать. В это время молодому Стойке было 18 лет. Жена его оказалась «мало горделива», и когда над ним неожиданно-негадано разразилась беда из-за долгов дяди, он столько «укорение терпях от жену мою», что решил бросить и свой дом и жену и отправиться по селам на заработки. Когда о намерении Стойка узнали котленские чорбаджи, они задержали его, пообещав ему, что они попросят ожидаемого в Котеле архиерея рукоположить Стойка в попы для местной сельской церкви. Действительно, архиерей дал свое согласие посвятить Стойка в попы, за что чорбаджи внесли ему 70 грошей. Но почти накануне посвящения к Стойке явился от архиерея его эконоом (казначей), вернул ему 70 грошей и заявил, что нашелся другой кандидат, который внес за рукоположение 150 грошей, и что кандидатура Стойка поэтому отпадает. Оказавшийся в безвыходном положении Стойко обратился за помощью к своим покровителям, которые внесли архиерею дополнительно еще 30 грошей, и 1 сентября 1762 г. архиерей рукоположил Стойка в священники.

Служба молодого грамотного попа Стойка в Котеле протекала в очень тяжелой атмосфере. В своей автобиографии Стойко рассказывает, что большинство попов ненавидело его, потому что он умел читать, а они все в это время были орачи, т. е. пахарями. «Так как они были невеждами и необразованными людьми, я, — говорит Стойко, — по своей безумной молодости не хотел подчиниться им, а они (в отместку мне) постоянно клеветали на меня архиерею. Сколько раз они лишали меня служебных прав! Архиерей, действительно, меня ненавидел, но гораздо больше архиерея ненавидел его протосингел (заместитель), необразованный и «бескнижный грек». Должность попа Стойко Владиславов исполнял в Котеле в течение 30 лет, вплоть до 1792 г.

В конце 1764 или в начале 1765 г. Котел посетил Паисий Хилендарский. Как местный священник, Стойко Владиславов, несомненно,

имел с ним встречи, вел с ним беседы по интересовавшим Паисия вопросам и не только прослушал или лично прочел его «Историю», рукопись которой Паисий имел с собой, но и первый снял с нее копию для себя и своих земляков.

Встреча с Паисием имела, повидимому, в жизни и в развитии Стойка Владиславова решающее значение. Возможно, что под влиянием этой именно встречи в 1775 г. или около этого времени Стойко отправляется на Афон и проводит здесь 6 месяцев. Свое пребывание на Афоне он использовал для повышения своего образования. Во всяком случае по возвращении с Афона на родину Стойко чувствовал себя, повидимому, значительно более вооруженным для продолжения своей просветительной работы и посвятил себя, кроме того, учительской и проповеднической деятельности, заменяя постепенно в школе и в церкви греческий язык болгарским.

В течение этих 20 лет Стойко подвергался, с одной стороны, постоянным преследованиям со стороны турецкой администрации, тюремному заключению, истязаниям и угрозам казнью, и гонениям от греческого духовенства — с другой. Не будучи в состоянии дольше выносить такую жизнь, Стойко перешел на работу в Ахиялскую епархию, где получил в свое ведение 12 сел вместе с г. Карнобатом.

Несколько месяцев поп Стойко прожил в Кариобате спокойно и успел расположить к себе местное население. Но сюда был назначен начальником полиции некто Сербез-оглу, который имел с ним личные счеты еще во время пребывания Стойко в Котеле. В результате Стойко опять был посажен в тюрьму, с угрозой через несколько дней быть посаженным на кол. Ходатайство населения спасло на этот раз жизнь несчастному Стойко, но преследования его не прекращались и дальше, и он, проскитавшись еще несколько лет, решил бросить священничество и уехать к детям, которые в это время переселились из Котела в богатое торговое с. Арбанаси.

В с. Арбанаси он два месяца прожил в местном монастыре. В это время тырновский митрополит предложил Стойке занять должность епископа в г. Вратце. Стойко сначала отказывался от этого поста, ссылаясь на то, что он считает себя недостойным занять епископскую кафедру, так как Врачанская епархия состоит из множества разбросанных мелких сел, и из-за старости ему будет трудно ее обслуживать. После долгих колебаний, убежденный своими детьми, Стойко согласился принять предлагаемый ему архиерейский пост, и в сентябре 1794 г. он был рукоположен в епископы, получив при этом имя Софроний.

О своей деятельности в Вратце Софроний рассказывает в своей автобиографии следующее: «И придох на епископия моя, ала и тая не е по долу от затворка; нека-буде! И приеха ме христианите радостно, и ходях по църквите в недели, а праздници и полагах поучение по нашему болгарскому языку, а оны, христианы, като не чуле от други архиерея таковое по нашему языку поучение, имаха ми като одного философа...»

Жизнь и деятельность Софрония в Вратце протекала в напряженной политической обстановке. Северо-западная Болгария, в состав которой входила Врачанская епископия Софрония, была театром военных действий известного нам мятежного паши Пазвантоглу.

События эти нашли довольно подробное отражение в автобиографии Софрония.

В 1796 г., — рассказывает Софроний, — напали пазвантские



хайдуты и заняли все села и города. Я не мог уже никуда выходить. Отправил попов для сбора мирии (т. е. налога с населения на содержание епископа), но с трудом они не могли взять и половины его. В этом году выступил против Пазвантоглу румелийский вали (во главе 40-тысячного правительственного войска). Видин долгое время находился в осаде, но ничего не могли ему сделать. Когда Мустафа-паша отступил, пазвантские хайдуты вновь заняли мою епархию. В 1797 г. кирджалии соединились с пазвантскими людьми и напали на Вратцу. В течение восьми дней они держали город в осаде, но не могли проникнуть в него. За два дня до этого я бежал в Раково, чтобы оттуда переправиться через Дунай в Валахию.

Когда кирджалии очистили епархию, Софроний вернулся в Вратцу. В 1798 г. турецкое правительство вновь мобилизовало против Пазвантоглу огромную армию, по показанию Софрония, в 300 тыс. человек; в действительности армия состояла из 100 тыс. человек всех родов оружия; командовал ею лучший турецкий генерал, Капетан-паша Хюсейн, которого называют и Софроний. В течение 6 месяцев армия держала в осаде столицу Пазвантоглу, но и на этот раз ничего не могла с ним сделать.

«Куда только я не убежал тогда! — рассказывает Софроний в своей автобиографии. — Пока прошла первая армия, я в течение 22 дней в январе скрывался в одной овчарской кошаре (загон для овец). Когда дорога несколько поочистилась, я ночью отправился в г. Тетевен (лесом, ветки деревьев чуть не выкололи мне глаз) и там оставался два месяца. Когда первая армия дошла до Видина, я решил идти из Тетевена в Арацу. По дороге какие-то турки по ошибке чуть меня не убили. В это время силихтар Хюсейн-паша, направляясь к Видину, поджег Габрово и сжег его, а село Арбанаси разграбили бывшие с ними кирджалии. И наш дом разграбили, так что в нем не осталось ни ложки, ни тарелки. Платье, книги, все, что я имел, они унесли и перерыли весь дом. Дети бежали в Котел, а отсюда отправились в Свиштов.

Из-за войны я не имел возможности ходить по своей епархии, и вместе с тырновским протосингелом (заместителем епископа) я отправился для сбора (мирии) в Тырновскую епархию. После этого я поехал в Свиштов, нашел там детей лежащими голыми на роже. Не имея денег, чтобы купить им платье, я был очень удручен.

В свою епархию я отправился в августе. Вся армия была под Видином. Осаждали его, хотели его взять. Сколько я пережил страха, пока ходил по селам собирать мирью, потому что в то время турецкие делии (турецкие солдаты, занимавшиеся вне службы разбоем) бежали из лагеря, грабили села, а субашии (турецкие начальники полиции) обирали их».

В конце концов Пазвантоглу разбил и разогнал султанскую армию. «В то время, когда бежавшие из-под Видина турки рассеялись по стране, я, — рассказывает Софроний, — был в селах. Сколько я перенес труда и мучений, пока, наконец, добрался до Врацы!

Во Враце я оставался спокойно около 10 дней. После пришли сюда десять отрядов арнаутов, и так как в городе не было свободных домов для квартир, в мою епископию вселилось до 15 душ, чтобы жить здесь и чтобы я их кормил. А в епископии имелась всего одна комната».

Из Вратцы Софроний опять отправился в Черепишский монастырь, но так как оставаться в нем было небезопасно, он отправился дальше, в Карлюковский монастырь. На дворе стояла суровая зима,

все дороги были занесены глубоким снегом. По дороге путники чуть не замерзли. Между тем отступавшие от Видина войска грабили все окрестные города и деревни и стали подходить и к Карлюковскому монастырю. Софроний со своими спутниками бежал из этого монастыря в г. Тетевен, где оставался 40 дней. В феврале в Тетевене было получено сообщение, что разбойники Капетан-паши в числе 2 тыс. человек, зимовавшие в Плевене, покинули город. Софроний решил из Тетевена перебраться в Плевен, упустив из виду, как он говорит, что в Вратце сидит Юсуф-паша, в Ломе — Гюджи-паша, а напротив г. Лома в Валахии — силихтар Хюсейн-паша — все трое самые ужасные грабители. И не сообразив, куда ему придется бежать из Плевена, если они решат пройти через Плевен, направился в этот город. «Я скрывался, — говорит Софроний, — не потому, что совершил какое-нибудь зло, а потому, что имя мое большое — «владыка», грабители паши, если меня поймут, не освободят меня и за 5 тыс. грошей, а я и 100 грошей не имею при себе».

Опасения Софрония оправдались. Действительно, на Плевен весною напали разбойники банды Гюрджи-паши и произвели погром города. Софронию удалось скрыться в гарем (т. е. на женскую половину) какого-то турка, где он оставался в течение 26 дней. Вслед за Гюджи-пашой на Плевен напал Хюсейн-паша с 6-тысячным войском. После него город подвергся осаде кирджалийскими бандами. Во время осады города кирджалиями Софроний скрывался 15 дней в каком-то хорошо построенном каменном «хане» (постоялый двор), где находилось много турок, вследствие чего кирджалии не могли бы его взять. После кирджалиев на Плевен напали 2 тыс. пазвантских разбойников. Они напали, между прочим, на епископское подворье (метох) и разграбили все вещи Софрония. Во время нападения на город пазвантских разбойников Софроний укрылся на квартире правительственного сборщика налога на овец (бегликчия), некоего кир Константина, который имел при себе специальную полицейскую охрану, и пробыл здесь 19 дней под именем Язаджи-Стоян, т. е. писарь Стоян. Когда кир Константин уехал из Плевена через Валахию в Тырново, Софроний со своими тремя спутниками решил пробраться ночью окольными путями в Вратцу, куда и прибыл благополучно. В Вратце он оставался, не покидая пределов города, до 25 октября. Затем уехал в Плевен для сбора «мирии». В декабре 1799 г., когда в Плевен стали опять стекаться пазвантские разбойники, Софроний бежал из города в Никополь на Дунае, откуда переправился в Валахию и с большими трудностями в зимнюю стужу добрался до г. Зимнича.

В 1800 г., по рассказу Софрония, султанское правительство вновь мобилизовало армию против видинского паши Пазвантоглу. Оставаясь в Валахии без всяких средств к существованию, с одной стороны, и обязанный, с другой, внести в свою митрополию причитающуюся с него «мирию», т. е. налог, Софроний обратился за содействием к своему давнишнему приятелю, монаху греку Калинику, который интригами и предательством втерся в доверие к Пазвантоглу, был его приближенным человеком, и Пазвантоглу представил его патриарху в качестве кандидата на пост видинского епископа. Софроний просил Калиника, чтобы тот исходатайствовал для него у Пазвантоглу разрешение на сбор «мирии». Калиник предложил Софронию отправиться в Вратцу и оттуда выслать в Видин человека за разрешительным письмом Пазвантоглу. Так Софроний и сделал, но спустя несколько дней по его прибытии в Вратцу туда



явился курьер с письмом от Пазвантоглу, в котором Софронию предлагалось в сопровождении этого курьера явиться в Видин на короткое время для обслуживания нужд местного христианского населения, после чего ему было обещано возвращение в Вратцу.

Пробыв в Видине 2—3 месяца, в течение которых он отправлял церковные службы, Софроний стал просить, чтобы ему разрешили вернуться в Вратцу. В ответ на это ходатайство Софрония паша через специального человека ответил ему: «До тех пор пока Калиник не будет назначен епископом, ты не имеешь права никуда уходить». Таким образом, по проискам Калиника Софроний оказался насильно задержанным в Видине и оставался здесь в плену у Калиника в течение трех лет. «И чего я только не натерпелся от этого Калиника, — рассказывает Софроний в своей автобиографии. — Я состоял при нем на положении последнего слуги. Он не хотел считать меня за человека, а где уж за архиерея. С турками, с пазвантскими хайдутами он всегда был заодно, поэтому я и слова не смел произнести. Никуда не отпускал меня на прогулку, только до церкви и притом в сопровождении какого-нибудь священника. А если бы и отпускал меня, я не мог ходить, потому что у меня болели ноги. В церковь я отправлялся всегда в повозке».

В апреле 1803 г. под нажимом Пазвантоглу Калиник был рукоположен, наконец, бухарестским митрополитом в епископы и назначен видинским епископом. Софроний получил возможность вернуться в Вратцу, но не мог этого сделать, потому что в стране свирепствовали пазвантские кирджалии. Но Видин так ему опротивел, что он не мог в нем более оставаться и отправился в Валахию, в Крайово, где был дружелюбно встречен местным заместителем управляющего районом (каймаками), неким Костаки Караджа. В Крайово Софроний пробыл 20 дней в ожидании, что кирджалии очистят его епархию. Не дождавись этого, Софроний из Крайово отправился в Бухарест к своим родственникам, которые учились в это время в так называемой Бейской академии — высшее греческое учебное заведение, поддерживавшееся греческими фанариотами, которым руководил известный педагог Ламито Фетиади.<sup>1</sup> Это были два внука Софрония, Стефан и Афанасий Богориди (Богоровы). Стефан Богориди занимал впоследствии крупные должности на службе у турецкого правительства; второй внук Софрония, Афанасий Богориди, был впоследствии известным передовым греческим публицистом, защищавшим реформаторские идеи выдающегося деятеля греческого возрождения, республиканца по убеждениям, Адамантиоса Коранса (1748—1833) и принимавшим участие в его журнале.

Дружелюбно встреченный в Бухаресте духовными и светскими властями, Софроний получил здесь приют в митрополии, подробно рассказывал о своих переживаниях в Вратце и в Видине, о бедственном положении местного населения под властью кирджалиев и пазвантских разбойников, об опустошении ими страны и бегстве народа в Валахию и другие страны. В Бухаресте для Софрония стало ясно, что возвращаться на родину, в свою епархию, при господствующей в стране анархии и невозможности собрать и внести требуемую с него синодом огромную сумму образовавшейся задолженности по налогу с населения ему нельзя, и при содействии валахийского воеводы, Константина Ипсиланти, ему удалось получить отставку.

«И свободихся от тие страхове, — пишет автор в заключении

своей автобиографии, — и от тие временные нужды. Имам обаче една скорб и боюся от бога да мя не суди бог, като узех аз оное наставу на рамена моя и оставих го, но паки надеюся на бога все-милостивого, како го не оставих заради почивание мое, но от голя-мая нужда и от тешкия долг, шо мя натовариха, и шо не вярват, како са е разсыпал свето, а най много оная страна, шо е близу до Видин, шо е живелище варварское, хайдутское.

Затова ся трудя и аз сеги денем и ношем да испиша няколко книги по нашему болгарскому языку, та ако не бы возможно мене да сказувам им сас уста моя, да чуят от мене грешнаго някое полезное поучение, а тие да прочетут писание мое и да уползуются...»

На этом заканчивается «Автобиография» Софрония, важнейший его литературный труд и вместе с тем основной источник для знакомства с его жизнью и деятельностью, о которых мы можем судить только на основании косвенных показаний. В основной жизни и деятельность Софрония в Бухаресте протекала в общественно-политической и литературной работе. Об этом свидетельствует значительное количество литературных трудов Софрония, частью законченных, частью впервые написанных им в Бухаресте. Большой в то время культурный центр — Бухарест обладал хорошими библиотеками, что дало возможность Софронию с успехом посвятить себя здесь литературной работе, имея в виду те высокие народолюбивые цели, о которых он говорит в своей «Автобиографии».

Наряду с этим имеется и ряд других показаний, которые говорят о том, что Софроний, живой и энергичный по природе человек, в годы пребывания в Бухаресте, уже на склоне жизни, когда ему было 66—67 лет и он мог после всего пережитого им до сих пор спокойно отдаться своему литературному труду, не замыкался, однако, в узком кругу своих кабинетных занятий и не порывал связей с окружающей действительностью. Так, он принял активное участие в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Вместе с русскими войсками он перешел из Валахии в Болгарию и вел агитацию среди болгарского народа, призывая его специальным воззванием к восстанию и помощи русским войскам, объясняя наступление русских войск на Турцию как долгожданный момент освобождения болгарского народа от четырехвекового чуженационального гнета.

Кроме того, имеется еще два документа, характеризующие активное участие Софрония в жизни болгарского народа. Это, во-первых, благодарственное письмо на имя «депотата болгарского», Афанасия Николаевича Нековича, принимавшего деятельное участие в деле помощи русским войскам во время пребывания их в дунайских болгарских областях, подписанное Софронием вместе с другими четырьмя болгарскими представителями в Бухаресте и скрепленное архиерейской печатью Софрония; и, во-вторых, подписанное им же 10 января 1808 г. — «из Българските области епископ Софроний Врачанский» — письмо-ходатайство к русскому правительству об освобождении Болгарии и подчинении ее под власть России.<sup>1</sup>

Дата подписи Софрония под благодарственным письмом на имя Афанасия Нековича от 2 августа 1813 г. — последняя, имеющаяся в нашем распоряжении хронологическая дата, касающаяся жизни

<sup>1</sup> См. д-р П. Н. Орешков. Няколко документа за Пазвантоглу и Софрония Врачански (1800—1812). Сб. на Бълг. АН, кн. III, София, 1914; проф. Б. Пенев. История, III, стр. 279.

<sup>1</sup> Б. Пенев. История..., III, стр. 276. Его же. Пер. Спис., 1905, стр. 598.



Софрония. Дальнейших сведений о нем пока не имеется. В это время Софроний было 74 года.

Софроний Врачанскому принадлежит ряд капитальных трудов просветительного и литературного характера, имевших в свое время крупное культурное и политическое значение и сыгравших исключительную роль в исторической жизни болгарского народа. К числу этих произведений относятся, прежде всего, два рукописных сборника «Поучений и словосказаний» 1802 г.: первый объемом в 384 листа, и второй, преимущественно литературно-художественного содержания, объемом в 439 листов. В состав второго сборника входят: а) Наставления молодежи; б) Мифология Синтипа-философа; в) Эзоповы басни; г) Философские мудрости и др. В ряду этих произведений на первом месте по своему общественно-литературному значению стоит повесть «Мифология Синтипа-философа», представляющая собою болгарскую версию известной в мировой литературе знаменитой «Повести о семи мудрецах» в переводе с греческого языка и в редакционной обработке Софрония Врачанского.

Следующим в порядке хронологической преемственности произведением Софрония была уже известная нам «Автобиография», время написания которой, как указано выше, определяется приблизительно 1803—1805 гг.

В 1806 г. Софроний напечатал в Рымнике, в Валахии, книгу под заглавием «Кириакодромнон сиреч Недельник», представлявшую собою переработанный и дополненный новым материалом первый видинский сборник автора 1802 г. Этот труд Софрония помимо своего культурно-просветительного характера интересен в том отношении, что он явился первой печатной книгой у болгар. После смерти Софрония эта книга имела еще 7 изданий; одно из этих изданий вышло в Одессе в 1884 г.; в последний раз она была издана в 1905 г. Таким образом, книга Софрония прожила у болгарского читателя ровно сто лет и была известна обыкновенно не по своему подлинному заглавию, а по имени ее автора — «Софроние». Что касается подлинного заглавия книги, то оно представляет собою перевод заглавия книги греческого автора, проповедника Никифора Теотоки, изданной впервые в Москве (1796 г.) в двух томах, а затем вышедшей вторым изданием в 1803 г. в Бухаресте под заглавием *Κυριακοδρομιον ητοι ερημεια και βριλια...*

25 августа 1809 г. Софроний Врачанский закончил в Бухаресте новый труд под заглавием «Театрон политикон сиреч Гражданское позорище». Первый оригинал этого труда был написан на латинском языке. Автором его был известный протестантский проповедник в Оснабрюке, Вильгельм Стратеман. Труд Стратемана был напечатан в 1680 г. под заглавием «Theatrum historicum...» В 1758 г. труд Стратемана вышел в греческом переводе в Лейпциге. С этого греческого издания Софроний, как об этом он сам говорит, и сделал свой болгарский перевод.

В свое время книга Стратемана пользовалась большою популярностью среди греческих читателей, а также у болгар и сербов. В 1724 г. она была переведена, между прочим, и на русский язык с латинского оригинала известным переводчиком петровского времени, Гавриилом Бужинским. Полное заглавие труда Стратемана в русском издании 1724 г. следующее: «Театрон или позор исторический, — изъясняющий повсюдную историю священного писания и гражданскую через десять исходов и веки всех царей, императоров, пап римских и мужей славных и прочая; от начала мира даже до

лета 1680 вкратце ради удобного памятования чрез Вилгелма Стратемата собранный». По характеристике академика А. Н. Пыпина, «эта книга вместе с Пуфендорфом была первым образцом изложения всеобщей истории, сменявшею старинный хронограф». Написанная в либерально-демократическом духе и пропитанная протестантской идеологией, книга Стратемана была переведена на русский язык Бужинским согласно обычным требованиям, предъявлявшимся Петром к переводчикам, — полностью, т. е. без каких-либо сокращений или самовольных переделок текста, что, как известно, и повело впоследствии, в 1749 г. при Елизавете, к ее запрещению.<sup>1</sup>

Проникнутая тенденцией свободы совести и религиозной терпимости, книга Стратемана в русском переводе была в свое время любимым предметом чтения знаменитого сербского просветителя XVIII в. Досифея Обрадовича. По собственному признанию Обрадовича, книга Стратемана произвела на него сильное впечатление. Труд Стратемана привлек к себе внимание и Софрония Врачанского.

В основе обширной общественно-литературной деятельности Софрония лежат те же национально-просветительные тенденции, которыми руководствовался в своей деятельности и Паисий Хилендарский. Свои сочинения он всегда писал на простом, живом, разговорном болгарском языке — «к разумению и к уведению простому и невежому болгарскому народу на пользу душевному», и это всегда подчеркивал в вступительных статьях к своим трудам. Для того, чтобы книга была доступна пониманию простого и необразованного народа, он переводит на простой болгарский язык не только греческих авторов, но также и церковно-славянские тексты. Так как многие наши священники, — говорит Софроний, — монахи и простые читатели читают, но не понимают печатного славянского текста, я постарался и приложил посильный труд к тому, чтобы перевести эту книгу «от словенского пространного языка на болгарский простой и краткий язык, воеже разумети всякому болгарскому простому и невежому народу». При этом автор очень часто подчеркивает, что он не ученый и не искусный в грамматике и в орфографии человек, а поэтому в его писаниях возможны и погрешности по причине, во-первых, «слабости невежества скудоумия моего», а, во-вторых, потому, что болгарский язык не разработан и не способен к передаче всех слов и выражений славянского языка. Чтобы преодолеть последнюю трудность, автору приходится включать в язык своих переводов турецкие выражения, так как болгары за многие века жизни в турецкой стране «навикли еста выше турецкого языка беседовати, а своего языка погубили от иноверных насилия». Таким образом, вопрос о народном языке представляется для Софрония, как и для его учителя Паисия Хилендарского, вопросом первостепенной важности, и он боится душою, что болгарский народный язык, на котором должно писать для народа книги, не настолько литературен, чтобы можно было свободно им пользоваться для переводов древнеславянских или греческих текстов, не обращаясь к помощи хорошо известного болгарскому народу турецкого языка.

В своих произведениях Софроний выступает в роли убежденного агитатора просветительной идеологии своего времени и в этом отношении является непосредственным продолжателем дела Паисия, которое у Софрония, однако, получает более широкую, более де-

<sup>1</sup> А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. III, СПб., 1899, стр. 275—



тальную и более конкретную разработку. Паисий в своей «Истории славеноболгарской» наметил основные вехи национально-освободительной борьбы болгарского народа и указал пути и средства к разрешению проблемы национального самоопределения: родной язык, национальное просвещение и национальная государственность. Софроний в своей общественно-литературной деятельности уже сделал родной язык орудием просветительной пропаганды, а пропаганду просветительных идей — основной задачей своей литературно-общественной работы. «Ти, болгарине, — говорил Паисий, обращаясь к своим соотечественникам, — знай свой род и язык и учись по своему языку!» — Софроний претворил этот лозунг в живое дело.

Паисий с грустью говорил о невежестве своего народа, порицал его и указывал, что именно из-за этого невежества болгарский народ находится во «тьме и забвении». Усвоив этот лозунг своего учителя, Софроний с молодых лет положил его в основу своей обширной общественно-педагогической и литературно-просветительной деятельности в духе идей «Века просвещения» и Французской буржуазной революции.

Первое же крупное произведение Софрония Врачанского — «Мифология Синтипы — философа» проникнуто этою именно идеологией. В целом ряде живых и разнообразных по содержанию назидательных рассказов эта повесть давала болгарскому читателю наглядные примеры торжества добродетели, справедливости и просвещенного разума над бесчестностью, лукавством и преступным коварством людей, руководствующихся в своей жизни и поведении низменными страстями и побуждениями. Книга затрагивала множество отрицательных бытовых сторон жизни болгарского малокультурного и непросвещенного общества, лишенного элементарного чувства социальной ответственности и морали. И хотя повесть Софрония, рассказывавшая болгарскому читателю о некоем персидском царе Кире и его бытовом окружении, переносила его своим содержанием в какие-то отдаленные и неведомые ему времена и страны, тем не менее это содержание в действительности было настолько близко и знакомо читателю, настолько осязательно для него, что в его сознании сглаживались и терялись географические и хронологические грани, отделявшие его от далекой Персии и времен царя Кира, и он воспринимал содержание повести, как свою родную, окружавшую его действительность, а вытекавшие из него наглядные уроки торжества правды, разума и просвещения и наказания порока, преступности, коварства и лжи, как относящиеся к его собственной жизни и поведению. Таким образом, национально-просветительная проблема разрешалась данною повестью на материале широкого международного характера, поскольку оригинал повести Софрония «Повесть о семи мудрецах» представляет собою произведение мировой литературы. Благодаря повести Софрония в строительство болгарской национальной по форме культуры включался интернациональный элемент, чуждый какой бы то ни было национальной исключительности.

Но самое важное, чем этот труд характерен для его автора, просвещения Софрония, — это апология науки и просвещения, «любомудрия и разума», составляющая центральное идеологическое содержание всей повести в обработке Софрония, типичного в этом смысле представителя «века просвещения» в болгарской литературе эпохи культурно-национального подъема и возрождения, типичного выразителя идеологии наиболее передовых элементов молодой болгарской национальной буржуазии. В лице философа Синтипы и

его ученика, царского сына, в повести Софрония в роли главного действующего лица выступают наука и «просвещение разума». Они торжествуют победу над злобой и коварством, они помогают разрешать труднейшие проблемы практической морали и поведения, они же диктуют и широкую гуманность в личных взаимоотношениях и, в частности, в отношении к женщине.

В этом же роде написано и второе произведение Софрония Врачанского — «Эзоповы басни». Предполагают, что свой перевод Эзоповых басен Софроний начал еще будучи в Котеле, где он занимался учительской деятельностью, а затем обработал свой перевод как предмет назидательного чтения, были введены тогда в греческие школы. Учителя болгарских школ, не имея соответствующих учебных пособий на болгарском языке, но вместе с тем стараясь равняться в своей школьной практике по более передовым тогда в Болгарии, в смысле учебных планов и организации учебного процесса, греческим школам, часто сами переводили на болгарский язык учебные пособия и материал для школьного чтения с греческого языка и подтягивали таким образом свои бедные, никем не опекаемые болгарские школы к образовательному уровню греческих школ, щедро поддерживаемых греческими фанариотами. Аналогичный труд в 1788 г. был напечатан сербским просветителем Досифеем Обрадовичем в Лейпциге («Эзоповы и прочих разних баснотворцев... басне»). Несколько позже Обрадовича и Софрония Врачанского, в 1810 г., Эзоповы басни были изданы и знаменитым греческим просветителем Адамантиос Корансом.

Исключительный интерес с точки зрения истории болгарской общности представляют собою видинские отрывки Софрония Врачанского, озаглавленные автором — «Философские мудрости», которые в 1809 г. легли в основу большого труда того же автора — «Театрон политикон сиреч Гражданское позорище».<sup>1</sup> В этом труде Софроний Врачанский перемежает текст оригинала собственными отступлениями, в которых высказывает свои суждения по вопросам культурно-просветительного характера и делится своими наблюдениями над болгарской действительностью, выступая в роли народного «будителя» в духе заветов Паисия. Так, например, он осуждает своих соотечественников за то, что они не заботятся о просвещении и терпят из-за этого унижительный гнет. Вместо того, чтобы сделать необходимое, чтобы продвинуться вперед, вместо того, чтобы заботиться об учении, они, по Софронию, отдают средства на поддержание монастырей и безнравственных, паразитствующих, пьяных монахов. Интересы болгарской народной школы Софроний ставит гораздо выше интересов монастырей. По примеру сербского просветителя Досифея Обрадовича, Софроний восстает против ленивого и пьяного монашества, против приношения в монастыри монахам милостыни. «Укрывшись за монастырские стены, не переживая страхов, — говорит Софроний, — монахи едят, пьют и спят себе вдоволь, а наши родные, наши братья и соседи голые, голодные и закованные в кандалы мерзнут на холоде и умирают от голода». Эта действительность возмущает Софрония. Безрассудное поведение соотечественников, их невежество и небрежное отношение к народ-

<sup>1</sup> Греческое слово *πολιτικό*: Софроний передает славянским словом гражданский, т. е. относящийся к интересам граждан, общественный, политический, светский, мирской — в противоположность духовному, церковному; старославянское слово «позорище» значит театр, театральное представление, зрелище.



ной школе — вызывают в нем гнев, и он восклицает в стиле Паисия: «О безрассудность болгарская и великая глупость! Потемнели и померкли от пьянства и не хотят позаботиться и потрудиться, чтобы пригласить мудрого учителя и научить своих детей мудрому книжному учению, чтобы они вразумились и просветились... но бродят, как слепые во мраке. О глупый и безрассудный человек! Почему ты расходуешь свои средства там, где не нужно...» Софроний советует болгарам брать пример с просвещенных народов, открывать у себя училища, подобные греческим, русским и западноевропейским, в которых преподавалось бы прежде всего светское учение.

«Откройте ваши глаза и ум ваш, о болгары, дети мои возлюбленные, — говорит Софроний, — и поймите, и рассудите разумно, и подумайте своим умом, и посмотрите, что вы делаете! Так ли делают другие народы, образованные христиане и мудрые философы? Посмотрите-ка и спросите, что они делают; посмотрите-ка, куда они расходуют свои средства; не расходуют ли они их на школы, на академии, на грамматическое и философское образование, и стали ли они мудрыми философами и развитыми людьми, и пользуются славою и процветают наукою, как весенние цветы, а не вроде нас, темных и помраченных рабов, подверженных под тяжкое иго, необразованных, бескнижных невежд, безгласных и безответных, как самая последняя скотина. Ах, наша неразумная небрежность и наша безрассудная глупость болгарская! Кто поплачет о нас и кто возрыдает по нас, когда мы не знаем и не понимаем, что есть добро, чтобы так нам и сделать. Безумный болгарин! ты готов снести в леса по монастырям столько состояния, а не готов и не хочешь отдать его на то, чтобы научить своего ребенка книжному мудрому учению, чтобы он приобрел бесценный разум, и когда научится и вразумится этим золотым и мудрым учением, тогда с какою радостью ты будешь смотреть на своего сына, наученного мудростью, украшенного разумом. И когда он начнет говорить тебе философские, мудрые, разумные речи, когда они начнут исходить из уст его, как из некоего сладкоточивого источника, как возвеселится твое сердце, и как оно усладится больше, чем от меда и сахара.»

В качестве примера огромного благотворного значения в жизни народов науки и просвещения Софроний ссылается на европейцев, которые, по его мнению, благодаря именно учению стали независимыми господами положения, государственными народами и своим «учительным блистанием» светят на весь мир. Речь Софрония дышит искренней и честной убежденностью, гражданским мужеством и энтузиазмом и характеризует его как борца за передовые идеи своего времени и своего класса, за те же идеи культурного и политического национального самоопределения, которые впервые получили свое выражение в «Истории славеноболгарской» Паисия.

Но, как уже было сказано выше, Софроний пошел дальше своего учителя. Паисий наметил программу борьбы за национальное самоопределение и указал основные пути, по которым должна протекать эта борьба, т. е. наметил основное содержание национально-освободительного движения, как оно представлялось сознанию наиболее передовых элементов восходящей национальной буржуазии к середине XVIII в. Софроний выступил на литературное поприще на 40 лет позже Паисия, когда сама жизнь болгарского народа ушла уже значительно вперед, когда он переживал новые сокрушительные удары со стороны разлагавшегося феодализма в виде ужасающих кирджалийских погромов и анархии, которых

еще не знал Паисий, с одной стороны, и значительных успехов национально-освободительного движения у соседей, греков и сербов, выдвинувших блестящих по своим дарованиям и образованности идеологов — у греков Адамантиоса Коранса, а у сербов — Досифея Обрадовича. Как писатель, Софроний в сравнении с Паисием, несомненно, был более литературно-образованным человеком; круг его литературных интересов и знаний был значительно шире, чем у Паисия, и обладал он, несомненно, большею начитанностью, чем Паисий. Кроме того, и греческим языком Софроний владел, повидимому, лучше Паисия, что открывало перед ним значительно более широкий круг литературных материалов и давало ему более широкую научную, литературную и общественную ориентировку, чем можно предполагать, обладал Паисий. Все это дало возможность Софронию пойти значительно дальше Паисия в конкретизации основных тезисов его программы, заполнения ее живым содержанием в форме обширного фактического литературного материала и более уточненной и конкретизированной пропаганды своих идей.

Как видели мы выше, в статье «Философские мудрости» Софроний апеллирует к «бесценному разуму», говорит о «разуме», как вершители судеб народов, как источнике личного благополучия каждого отдельного человека и государственного преуспеяния целых народов. Развитие «разума» путем освоения светской науки и просвещения Софроний рекомендует своему народу в качестве основной задачи, которой должны быть посвящены все его устремления и для осуществления которой должны быть отданы им, в первую очередь, все материальные средства. Будучи сам монахом и занимая руководящий церковный пост епископа, Софроний во имя интересов народного просвещения и культуры, как основного источника материального и политического благополучия народа, смело вскрывает моральное разложение монастырской жизни и монашества и старается вытравить из сознания своего народа его традиционное, несознательное преклонение перед авторитетом монастыря и монашества, объясняя это преклонение беспросветною темнотою и невежеством народных масс. Монастырю и пьяным бездельникам-монахам Софроний противопоставляет светскую школу и светское просвещение, как источник подлинного морального, материального и политического раскрепощения народа. Эта пропаганда Софрония в пользу «бесценного разума» представляет собою не что иное, как отзвук того широкого рационалистического движения XVIII в., которое в конце XVIII и в начале XIX в., т. е. в эпоху Софрония, имело своих блестящих представителей у ближайших соседей болгарского народа, у греков и сербов, в лице Обрадовича и Коранса.

Был ли знаком Софроний Врачанский с сочинениями Досифея Обрадовича или не был знаком, вопрос этот остается пока открытым. Но точки соприкосновения между болгарским и сербским авторами, как мы видим, несомненно имеются не только в области тематики, но, что особенно важно, в области идеологии. Обрадович ставил задачей своей литературной деятельности служить народу, для чего, по его убеждению, надо писать о том, что имеет прямое отношение к его потребностям, и писать так, чтобы народ понимал написанное, а для этого надо писать на народном языке; Софроний в своей литературной деятельности руководствуется теми же принципами. Досифей Обрадович постоянно апеллирует в своих сочинениях к «разуму», зовет своих читателей к «просвещению разума», вскрывает разложение



церковной и монастырской жизни; борясь с преклонением перед внешней церковной обрядностью и религиозным дурманом, ведет своих читателей к светской науке и светскому просвещению, — так же поступает в своих сочинениях и болгарский автор, первый у болгар идеолог рационализма и просвещения в духе идей XVIII в.

Как Досифей Обрадович в своих сочинениях борется с невежеством и культурной отсталостью своего народа и указывает ему пути выхода из его беспросветного положения, которые он видит в народной школе, в науке, в просвещении, в руководстве «здравого разума», так те же идеи, как видели мы выше, проводит в своих сочинениях и Софроний, хотя и несравненно менее образованный, менее ученый человек сравнительно с европейски образованным Обрадовичем. Софроний не знал непосредственно ни современной европейской науки, ни философии, ни языков. Поэтому, если в своих произведениях он выступает убежденным сторонником идей современной западноевропейской мысли и агитирует за перестройку всей жизни болгарского народа на основах «бесценного разума» и европейского просвещения, то эти идеи могли стать ему доступными только через посредство современной греческой и сербской литературы, прежде всего, в лице Адамантиоса Коранса и Досифея Обрадовича. «Эзоповы басни» Коранса, вышедшие в свет в 1810 г., не могли быть известны Софронию, когда в 1802 г. он писал свои басни, но ему могли быть известны басни Обрадовича, вышедшие в свет в 1788 г. Софронию не могла быть известна автобиография Коранса, появившаяся в 1833 г., но автобиография Обрадовича, напечатанная автором в 1783 г., могла быть известной, равным образом, как могли быть ему известными и борьба Коранса за простой народный язык в литературе и его ранние произведения вроде, например, «Православное учение или краткое христианское богословие».

Разоблачая несостоятельность старой церковно-византийской образованности, борясь с церковно-религиозными предрассудками и суевериями, коренящимися в невежестве и культурной отсталости народа, и агитируя за подлинную науку и просвещение, Коранс говорит о церковных лампадах, о том, как нелепо празднуются церковные праздники и пр.; Досифей Обрадович, трактуя тот же вопрос, говорит о колоколах и колокольнях; Софроний — о ненужности монастырей и гнусности пьяного, морально разложившегося монашества, — и все трое настаивают на необходимости для народа школьного учения, европейской науки и просвещения. Все это ставит их, независимо от возможного влияния друг на друга, в один ряд просветителей и будителей народного сознания в целях подъема национального самоопределения своих угнетенных народов, в целях раскрепощения их от духовного и политического гнета и их лучшего будущего.<sup>1</sup> Все это знаменует собою те социальные сдвиги, а в связи с этим и сдвиги на идеологическом фронте, которые в это время переживались в среде национальной буржуазии у греков, у болгар и у сербов.



<sup>1</sup> О Корансе и его отношении к Обрадовичу см. обстоятельный очерк: В. Джорджевич. Грчка и српска просвета. Београд, 1896.



## Глава V

### ПОЛОЖЕНИЕ НА ВНУТРЕННЕМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ В БОЛГАРИИ ПОД ЧУЖЕНАЦИОНАЛЬНЫМ УГНЕТЕНИЕМ

#### § 1. БОЛГАРСКАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА В ТУРЕЦКОЕ ВРЕМЯ

В эпоху турецкого феодализма единственным типом народной школы у болгар, где дети обучались чтению и письму на родном языке, были так называемые килийные училища, т. е. училища, организованные при монастырях, при монастырских подворьях, при церквях, в домах местных служителей культа, в специально отведенном для них помещении, представлявшем собою монастырскую, монашескую или церковную комнатку-келью, по-болгарски килия (греч., от лат. cella — клетка).

По свидетельству Герлаха, участника немецкого посольства в Константинополе к султанскому правительству, относящемуся ко второй половине XVI в., в Софии имелось тогда два таких училища, откуда выходило больше всего духовенства для всей Болгарии. Подобные же килийные училища, несомненно, издавна существовали и в других местах Болгарии. Так, например, Софроний Врачанский в своей «Автобиографии» говорит, что когда ему было 9 лет, «подадоха ми книжное учение... и като поидох на учение, голямо прилежание и остроумие имах и вскоре изучихся простое чтение...»

Описывая состояние народного образования в Болгарии в середине XVIII в., Софроний говорит: «Понеже у Болгария не има философское учение на славенския язык, поченах да учим по греческий язык». Стало быть, школьное обучение на родном языке в Болгарии в середине XVIII в. ограничивалось только «простым чтением», т. е. элементарной грамотой. Так обстояло дело не только в Котеле, где родился и вырос Софроний, но и по всей Болгарии. А так как свою «Автобиографию» Софроний писал в самом начале XIX в., то его показание о том, что в Болгарии «нет философского учения на славянском языке», совершенно ясно характеризует положение вещей в Болгарии на фронте народного образования не только в начале XIX в., но и в ближайшие к этому времени годы. Так было до выступления на сцену общественно-педагогического служения первого у болгар пионера новой системы школьной организации и школьного обучения, Петра Берона



в 1824 г., с его знаменитым «Рыбным букварем», а затем целой плеяды педагогов во главе с Неофитом Рильским (1793—1881) и открытия в 1835 г. Габровского училища, с которого у болгар ведет свое начало новая, современная народная школа, организованная на основах современной европейской педагогической мысли и школьной практики.

Быстрый рост школьного образования у болгар начинается с начала XIX в., т. е. совпадает с эпохой возрождения и является интересным показателем ее устремлений, ее идеологической и практической направленности.

Н. И. Ванков в своем очерке «История на учебното дело в България от край време до освобождението» (Ловеч, 1903) приводит следующие интересные в этом смысле данные:

Годы	Количество килийных училищ		
	в городах	в селах	всего
1750	2	19	21
1800	6	42	48
1820	16	81	97
1830	26	131	160
1834	33	156	189

Это — официальные статистические данные. В действительности же рост килийных училищ за это время в Болгарии был значительно более быстрым, более точные цифры их приведены в названном выше очерке Н. И. Ванкова (стр. 18—21).

До середины XVIII в. учителями в килийных училищах были обыкновенно духовные лица — монахи, священники, церковные прислужники (клицар) и т. п. С середины XVIII в. начинают посвящать себя учительской деятельности и светские лица, возникают светские квартирные килии. Они организуются светскими лицами и помещаются уже не в монастыре или в подворье и не при церкви, а чаще всего на собственной квартире учителя. Историк народного образования у болгар, Н. И. Ванков в названном выше очерке говорит, что учителями в этих светских килийных училищах были обыкновенно люди с каким-нибудь физическим недостатком, который мешал им зарабатывать средства к существованию каким-либо иным способом, и они посвящали себя учительской карьере.

Жалованье эти учителя получали от родителей своих учеников. Естественно, что в светские килийные училища посылали учиться своих детей, несмотря на крайне низкую оплату учительского труда, только более зажиточные люди, вследствие чего учащихся в этих школах было мало: на 100—110 домов приходилось не более 5—10 учеников. Жалованье учителю выплачивалось родителями ежемесячно, согласно договору, от 1 до 2½ грошей, что на наши деньги составляло менее одного рубля в месяц, кроме того родители учеников по очереди кормили учителя. Получая мало за преподавательский труд, учителя килийных училищ обыкновенно прирабатывали каким-либо мастерством — портновством, сапожничеством и т. п., причем занимались своим делом обыкновенно тут же в класс-

ной комнате во время учебных занятий. Н. И. Ванков отмечает случаи, когда килия вместе с учениками запиралась учителем снаружи, а сам учитель уходил на свои полевые работы. Он же приводит со слов Н. А. Богорова (1818—1892) — известного болгарского педагога и публициста, филолога и борца за чистоту родного языка — случай, когда килийный учитель, поп Грудо в Габрово отобрал в залог от одного из своих учеников его классную доску («пинакида») и держал ее у себя в течение трех месяцев, потому что отец этого ученика задерживал плату ему за учение. Кроме месячной зарплаты учитель обыкновенно получал от родителей по прохождении с учениками того или иного учебника подарки в виде платка, полотенца, рубахи и нескольких мелких монет. Иногда учителю платили по прохождении им с учениками каждой книги в отдельности. Так, например, в г. Стара Загора за букварь учитель получал один грош, за Псалтирь — три гроша, за апостол — четыре; за обучение ученика счету и письму учителю платили особо, согласно договору.

Учитель килийного училища занимался с каждым учеником в отдельности, что было возможно лишь при незначительном числе учащихся (4—5 человек). При большом числе учеников учителя назначали себе помощников из среды более сильных учеников. Цитируемый нами автор Н. И. Ванков приводит из школьных воспоминаний одного из бывших учеников килийного училища начала XIX в. (где училось 40 человек), Атаноса Иванова, следующие характерные строки: «Придя в школу, — говорит автор воспоминаний, — мы садимся кому где придется, на голую землю, а калфа<sup>1</sup> (надзиратель) — один из успевающих учеников — присматривал за нами, пока не придет учитель. Учитель приходил, когда хотел, и садился на простой деревянный стул. Если он приходил рано, то говорил нам, чтобы мы молчали, и начинал что-нибудь шить — обыкновенно тогдашние учителя были и портными; если же он приходил с опозданием, тогда он сразу же вызывал нас, одного за другим, чтобы задать нам урок, но никогда сам не спрашивал всех нас, особенно, когда спешил окончить свою портновскую работу; остальных учеников спрашивали калфы. Учитель, между тем, сдерживал наш шум звуком «ссусс» и в самом конце спрашивал своих помощников, задали ли они нам уроки. Калфы представляли учителю список шалунов. Право наказания принадлежало только учителю». «За мелкие проступки, — рассказывает тот же автор воспоминаний, — нас били по рукам или по ногам палками; за большие проступки нам зажимали ноги в фаланги, и учитель бил, сколько хотел. Иногда нас заставляли стоять, подкладывая под подбородок остро отточенную с двух сторон щепку. Иногда заставляли нас стоять на одной ноге, или вешали на шею лошадиную сумку, наполненную камнями».

Единственными предметами преподавания в килийных училищах были: чтение, письмо, церковные книги и иногда счет.

Обучение чтению велось по буквенной методе и начиналось с изучения названий букв: аз, буки, веди, глаголь и т. д. После того как названия букв были усвоены, начиналось чтение двухбуквенных слогов в порядке присоединения к согласным каждой гласной по алфавиту: буки аз — ба; веди аз — ва; глаголь аз — га, и т. д.; буки ест — бе; веди ест — ве; глаголь ест — ге и т. д.

<sup>1</sup> Помощник мастера цеховой ремесленной мастерской.



После овладения буквенными слогами следовало изучение трехбуквенных слогов: буки рци аз—бра; мыслете наш он—мно и т. д.

Таким образом, чтобы прочесть пятибуквенное слово книга, ученик должен был сначала назвать все буквы данного слова: како—наш—иже—глаголь—аз, откуда затем, на основании уже заученных им двух и трехбуквенных сочетаний, произносил книга. Иногда учитель по отдельным буквам называл то или другое слово, а ученики должны были произносить его по звуковому его составу; например, учитель говорил: буки—аз, буки—аз, ученик повторял—баба и т. п.

После того как ученик овладевал техникой чтения, он переходил к изучению Часослова. Это была уже следующая, высшая ступень курса учения в килийных школах. Так как Часослов заучивался наизусть, то этот отдел школьного курса назывался *наустиница*.

Ученик, овладевший наустицей, считался человеком с законченным образованием. Но многие из учеников после наустицы изучали еще Псалтирь. Пальцем указывали на того, говорит историк школьного образования у болгар,<sup>1</sup> кто овладевал этой самой высокою книгой килийной премудрости.

В некоторых килийных училищах читали после Псалтиря еще Апостол, но до этой книги доходили уже очень немногие. В начале XIX в. в Болгарии было два килийных училища: в селах Шипка и Енина (Казанлъкский округ), в которых помимо названных выше книг священного писания изучались также и книги богослужебного характера («светчето»), необходимые специально для церковников-профессионалов.

С конца XVIII и начала XIX в. в килийных училищах стали изредка преподавать также и арифметику, но только три первые правила действия; о делении говорили, что это «дело не для всякой головы», и если кое-где и обучали правилам деления, то только более взрослых учеников. Вообще же под арифметикой понимали только счет; ему обучали детей по славянским цифрам, для церковных надобностей, чтобы ученик умел разбираться в специальных цифровых указаниях церковных книг. Со славянскими же цифровыми буквенными знаками было трудно производить арифметические вычисления.

В таком жалком состоянии находилось дело школьной организации и массового народного образования у болгар еще в первой трети XIX столетия, вплоть до 1835 г., когда в г. Габрово было открыто первое училище, организованное по современному европейскому образцу. Продолжавшие еще в начале XIX столетия владеть свое жалкое существование килийные училища уже никого не удовлетворяли. Интересы практической жизни (торговля), рост просветительных устремлений в передовых кругах болгарской общности, вступившей на путь активной культурно-национальной самообороны, просветительная деятельность Паисия и Софония Врачанского через их многочисленных учеников и последователей, международные культурные связи и политическое влияние и т. п., — все это побуждало болгар к организации массового народного образования на началах достижений современной европейской мысли, науки и школьной практики, на тех началах, на которых в это время

<sup>1</sup> Н. И. Ванков, назв. соч., стр. 27.

уже получило широкое развитие народное образование у ближайших соседей болгар.

Завоевав Византию, турки не ликвидировали греческой патриархии; не тронули они также и многочисленных греческих школ, существовавших уже к этому времени на полуострове, и греки имели, таким образом, возможность в просветительном отношении продолжать традиции Византии. В то время как болгары, лишённые своих вождей, пишет проф. И. Д. Шишманов, были принуждены довольствоваться килийными училищами для подготовки учителей и священников, греки издавна уже имели несколько высших учебных заведений, академии и пр. Еще в XVI в. была основана Великая школа при патриархии — *Πατριαρχική σχολή (μεγάλη τῶν γένους)*, которая называлась также и «Греческой Академией» (*Ἑλληνική Ἀκαδημία*).

В XVII в. (1661) Манолакис из Костура основал в Царьграде (Фенер) при щедрой материальной поддержке Александра Маврокордато из Хиоса новое, отдельное от патриаршеской школы высшее учебное заведение. В этом же веке в Одрине (Адрианополь) функционировало специальное училище для высших духовных сановников.

В 1627 г. мы находим уже и греческую типографию в Константинополе, основанную неким Никодимом Метакса, а в 1771 г. даже обсерваторию. В 1803 г. Мурузис основал знаменитое греческое училище в Куручешме, в котором получили свое образование многие видные болгары. Из Константинополя греческая образованность очень рано распространилась не только по провинции, но и за пределами Турции. Возникло несколько знаменитых школ в Эпире и на островах, в Янине, Сягиста, в Солуни, на Афоне (*Ἀχάδρια Ἰωάννας* Евгения Вулгариса), в Димицане, Месолонги, на Патмосе, Кефалонии, Занте, Левкасе, Хиосе, Халки, Андросе, Аера; в Смирне, Кидонии и пр. В 1698 г. мы находим высшее греческое училище (академия, впоследствии — лицей) в Бухаресте. Центральное греческое училище было основано и в Яссах, где еще в 1639 г. была создана греческая типография. Хорошо организованные греческие училища были также в России: в Одессе, Кишиневе, Москве, Нижнем-Новгороде. Еще ранее была открыта славяно-греческая академия в Москве (1685). Греко-латинское училище имелось в Киеве. Греческие училища процветали и в городах: Брашов, Землин, Пешт, Вена, Лейпциг и в Венеции (еще с XVI в.). Большинство этих училищ славилось своими преподавателями. Это были подлинныя гуманисты по образцу итальянских; многие из них получили высшее образование по философии, естественным наукам, математике или медицине в Италии, во Франции или в Германии. Некоторые из этих греческих гуманистов пользовались большою известностью и в Болгарии, как учителя и как авторы учебников и других сочинений, переведенных на болгарский язык. Среди этих деятелей заслуживают быть отмеченными: Евгений Вулгарис, Теотокис, А. Коранс, Т. Каирис, Г. Геннадис, К. Асоинос, Н. Вамвас, Д. Дарварис, К. Икономос, Н. Дукас, К. Вардалахос, К. Кумас, Н. Логадис, Т. Фармакидис, Д. Пирос и др.

Как известно, замечает проф. Шишманов, большинство наших первых деятелей возрождения получили свое образование в греческих училищах: в Кидонии — Селиминский, Фотинов и Георгий Золотович; на о. Андрос в *Ἰρσοπολιτικόν* («Сиротопиталище») — Захарий Струмский, Г. Бусилин, братья Михайловские, Атаносович, Чомаков; на о. Сира и на



После овладения буквенными слогами следовало изучение трехбуквенных слогов: буки рци аз—бра; мыслете наш он—мно и т. д.

Таким образом, чтобы прочесть пятибуквенное слово книга, ученик должен был сначала назвать все буквы данного слова: како — наш — иже — глаголь — аз, откуда затем, на основании уже заученных им двух и трехбуквенных сочетаний, произносил книга. Иногда учитель по отдельным буквам называл то или другое слово, а ученики должны были произносить его по звуковому его составу; например, учитель говорил: буки — аз, буки — аз, ученик повторял — ба ба и т. п.

После того как ученик овладевал техникой чтения, он переходил к изучению Часослова. Это была уже следующая, высшая ступень курса учения в килийных школах. Так как Часослов заучивался наизусть, то этот отдел школьного курса назывался наустница.

Ученик, овладевший наустницей, считался человеком с законченным образованием. Но многие из учеников после наустницы изучали еще Псалтирь. Пальцем указывали на того, говорит историк школьного образования у болгар,<sup>1</sup> кто овладевал этой самою высокою книгой килийной премудрости.

В некоторых килийных училищах читали после Псалтиря еще Апостол, но до этой книги доходили уже очень немногие. В начале XIX в. в Болгарии было два килийных училища: в селах Шипка и Енина (Казанльский округ), в которых помимо названных выше книг священного писания изучались также и книги богослужебного характера («светчето»), необходимые специально для церковников-профессионалов.

С конца XVIII и начала XIX в. в килийных училищах стали изредка преподавать также и арифметику, но только три первые правила действия; о делении говорили, что это «дело не для всякой головы», и если кое-где и обучали правилам деления, то только более взрослых учеников. Вообще же под арифметикой понимали только счет; ему обучали детей по славянским цифрам, для церковных надобностей, чтобы ученик умел разбираться в специальных цифровых указаниях церковных книг. Со славянскими же цифровыми буквенными знаками было трудно производить арифметические вычисления.

В таком жалком состоянии находилось дело школьной организации и массового народного образования у болгар еще в первой трети XIX столетия, вплоть до 1835 г., когда в г. Габрово было открыто первое училище, организованное по современному европейскому образцу. Продолжавшие еще в начале XIX столетия владеть свое жалкое существование килийные училища уже никого не удовлетворяли. Интересы практической жизни (торговля), рост просветительных устремлений в передовых кругах болгарской общности, вступившей на путь активной культурно-национальной самообороны, просветительная деятельность Пансия и Софрония Врачанского через их многочисленных учеников и последователей, международные культурные связи и политическое влияние и т. п., — все это побуждало болгар к организации массового народного образования на началах достижений современной европейской мысли, науки и школьной практики, на тех началах, на которых в это время

<sup>1</sup> Н. И. Ванков, назв. соч., стр. 27.

уже получило широкое развитие народное образование у ближайших соседей болгар.

Завоевав Византию, турки не ликвидировали греческой патриархии; не тронули они также и многочисленных греческих школ, существовавших уже к этому времени на полуострове, и греки имели, таким образом, возможность в просветительном отношении продолжать традиции Византии. В то время как болгары, лишённые своих вождей, пишет проф. И. Д. Шишманов, были принуждены довольствоваться килийными училищами для подготовки учителей и священников, греки издавна уже имели несколько высших учебных заведений, академии и пр. Еще в XVI в. была основана Великая школа при патриархии — *Πατριαρχική σχολή (μεγάλη τοῦ γένου)*, которая называлась также и «Греческой Академией» (*Ἑλληνική Ἀκαδημία*)

В XVII в. (1661) Манолакис из Костура основал в Царьграде (Фенер) при щедрой материальной поддержке Александра Маврокордато из Хиоса новое, отдельное от патриаршеской школы высшее учебное заведение. В этом же веке в Одрине (Адрианополь) функционировало специальное училище для высших духовных сановников.

В 1627 г. мы находим уже и греческую типографию в Константинополе, основанную неким Никодимом Метакса, а в 1771 г. даже обсерваторию. В 1803 г. Мурузис основал знаменитое греческое училище в Куручешме, в котором получили свое образование многие видные болгары. Из Константинополя греческая образованность очень рано распространилась не только по провинции, но и за пределами Турции. Возникло несколько знаменитых школ в Эпире и на островах, в Янине, Сягиста, в Солуни, на Афоне (*Ἐπιπέδα Ἄνωτος* Евгения Вулгариса), в Димицане, Месолонги, на Патмосе, Кефалонии, Занте, Левкасе, Хиосе, Халки, Андросе, Аера; в Смирне, Кидонии и пр. В 1698 г. мы находим высшее греческое училище (академия, впоследствии — лицей) в Бухаресте. Центральное греческое училище было основано и в Яссах, где еще в 1639 г. была создана греческая типография. Хорошо организованные греческие училища были также в России: в Одессе, Кишиневе, Москве, Нижнем-Новгороде. Еще ранее была открыта славяно-греческая академия в Москве (1685). Греко-латинское училище имелось в Киеве. Греческие училища процветали и в городах: Брашов, Землин, Пешт, Вена, Лейпциг и в Венеции (еще с XVI в.). Большинство этих училищ славилось своими преподавателями. Это были подлинные гуманисты по образцу итальянских; многие из них получили высшее образование по философии, естественным наукам, математике или медицине в Италии, во Франции или в Германии. Некоторые из этих греческих гуманистов пользовались большою известностью и в Болгарии, как учителя и как авторы учебников и других сочинений, переведенных на болгарский язык. Среди этих деятелей заслуживают быть отмеченными: Евгений Вулгарис, Теотокис, А. Кораис, Т. Каирис, Г. Генадис, К. Асоиос, Н. Вамвас, Д. Дарварис, К. Икономос, Н. Дукас, К. Вардалахос, К. Кумас, Н. Логадис, Т. Фармакидис, Д. Пирос и др.

Как известно, замечает проф. Шишманов, большинство наших первых деятелей возрождения получили свое образование в греческих училищах: в Кидонии — Селиминский, Фотинов и Георгий Золотович; на о. Андрос в *Ὁρσανοτροφείον* («Сиротопиталище») — Захарий Струмский, Г. Бусилин, братья Михайловские, Атаносович, Чомаков; на о. Сира и на



Афоне — Илларион Макариопольский; в высшем училище в Куручешме — Кръстович, Георгий Стойков Раковский, Богоров, сыновья Богориди Николаки и Александр и др.; в Афинах — братья Михайловские, Бузилин, Атанасович, Чомаков, Селимнинский, Пърличев и др.; в Бухаресте — Афанасий и Стефан Богориди, Петр Берон, Неофит Рильский и др.; в Янине — Димитрий Миладинов; в Мельнике — Неофит Рильский, Христки Павлович, Эммануил Васкидович и др.

Из греческих училищ эти первые деятели болгарского возрождения, по характеристике проф. Шишманова, выносили хорошую эллинистическую зарядку и навсегда сохраняли глубокое признание большого образовательного значения за греческим языком и культурой. Так, например, Константин Фотинов в 1838 г. напечатал в Смирне греческую грамматику, в предисловии к которой, обращаясь к греческому юношеству, величает греческий дух, греческую философию и называет греческий язык своим родным языком, а эллинов — своими прадедами. Фотинов в данном случае не составлял исключения. То же сознательное эллинофильство, уживавшееся с сознанием своей национальности и патриотизмом, было присуще и Неофиту Рильскому, и Христки Павловичу, и Райно Поповичу, и Априлову. Они отдавали себе ясный отчет в том, что болгарское возрождение многим обязано греческим училищам. Знаменитый в истории новой болгарской школы и народного просвещения «патриарх болгарских педагогов» Неофит Рильский в предисловии к своей греческой грамматике «Краткое и ясное изложение за разделението, начертанието, именованието и произношението на писмената...», написанной для болгар и изданной в Белграде в 1835 г., пишет: «Каждый знает без доказательства, что сколько ни имеется мало-мальски просвещенных людей в нашем любезном отечестве, все они от греческого просветились и напитались потребными понятиями...; (греки) всюду имеют училища (я не имею здесь в виду училищ, где учат азбуку, но эллинское учение и высокие науки)...; на греческом языке имеются различные любопытные журналы и все науки, от которых можно в скорое время напитаться всякими благопотребными идеями (понятиями)...»

Христки Павлович в предисловии к своему словарю «Разговорник греко-българский» (Белград, 1835) обращается к болгарам с такими словами: «Прилежете се да се научите из него (т. е. по «Разговорнику») тая благороден язык греческий: благороден думам и весьма потребен. Понеже со с него можете секаде да отидете, и отидевше да бъдете без утеснение и да извершите секой свой подлог (т. е. свое дело, свои намерения, свои предположения и планы и т. п.) благополучно. А зашо? Зашо секаде се нахожда: нахожда се в сичката Тракия, нахожда се в Македония, в Азия, в Морето сичкото, во Италия, во Немция, во Франца и пр...». Райно Попович в своей «Христонтия» (Будин, 1836) заявляет, что болгары должны интересоваться Геродотом, Ксенофонтом, Платоном, Демосфеном, Фукидидом и Гомером, благодаря которым до настоящего дня все просвещенные племена и народы «открыли свои глаза, и которых сейчас мы не можем ни перевести, ни найти на славянском языке...» и т. д.

Глубоко убежденные в пользе греческой образованности, говорит проф. Шишманов, наши гуманисты, которые были эллинофи-

лами, но не грекоманами, не могли, естественно, не рекомендовать открытие греческих училищ и в самой Болгарии, единственных училищ, с помощью которых можно было тогда преодолеть наше элементарное килийное образование. Так, во многих болгарских городах возникли эллино-греческие училища, чтобы перейти постепенно в эллино-болгарские, затем в славяно-болгарские и, наконец, в чисто болгарские.<sup>1</sup>

На территории Болгарии греческие школы были организованы в городах Търново, Шумен, Сливен, Ямбол и др. Это были светские школы в современном духе. Они помещались в специально построенных для них зданиях и были снабжены современной школьной обстановкой и пособиями. Учителями в этих школах были лица с хорошим, чисто европейским образованием. Они получали определенную зарплату, гарантированную греческими организациями.<sup>2</sup>

В этих школах преподавались древний и новый греческий язык, математика, естествознание, история, философия. В центре учебных программ стояло чтение и толкование древнегреческих авторов, поэтов, философов, историков, ораторов. В эти школы охотно принимались наряду с греками также и болгарские дети, из которых некоторые по окончании курса посвящали себя педагогической деятельности, перестраивая программы преподавания в своих килийных болгарских школах по образцу греческих школ.

Так в начале XIX в. у болгар возникают первые эллино-болгарские или болгарско-эллинские килийные школы, которые не ограничиваются уже только обучением своих учеников чтению и письму на славяно-болгарском языке, но вводят в свои программы также и изучение древнегреческого и новогреческого языков с чтением и толкованием древнегреческих авторов. В 1815 г. такое эллино-болгарское училище было основано Эмануилом Васкидовичем в Свищове, в 1819 г. — Райно Поповичем в Котеле, и затем им же в Карлово, где он учительствовал до 1845 г.; в 1828 г. такое же училище было организовано в Смирне (Малая Азия) Константином Фотиновым; в 1830 г. Христки Павловичем Дупничанином в Свищове, в котором получили свое образование, между прочим, и такие выдающиеся впоследствии деятели в области болгарской общественно-политической жизни и литературы, как Драган Цанков, Петко Славейков и др. Такие же школы в это время были организованы и в других болгарских центрах на полуострове, в том числе знаменитым в истории национально-освободительного движения у болгар собирателем произведений болгарского народного творчества Димитрием Миладиновым в городах Кукуш и Битоль в Македонии.

Благотворную роль в деле успехов нового образования у болгар сыграл пример греков и в другом отношении. Греческая буржуазия охотно и, по свидетельству современников, довольно щедро оказывала материальную поддержку народному образованию. Один из деятелей болгарского возрождения, Селимнинский, говоря о фактах проявления патриотизма у греков, отмечает, между прочим, и щедрую денежную помощь, оказываемую повсюду у греков народо-полезным целям. «Все соревнуются, — говорит он, — быть в народных благодеяниях, если не первыми, то и не последними». Многие греческие торговцы, — замечает при этом проф. Шишманов, — по

<sup>1</sup> См. проф. И. Д. Шишманов. Увод в историята на българското възрождение. Сб. «България 1000 години», стр. 299—301.

<sup>2</sup> См. Хр. Негенцов. Народното възрождение и училището. Сб. «България 1000 години», стр. 546.



примеру янинских граждан Зосимади и Каплани, поддерживали в своих родных городах цветущие учебные заведения. Эти щедрые дарители, которых и Априлов называет с большой похвалой в одном из своих писем, были образцами и для болгарских меценатов.<sup>1</sup>

Наконец, греческому влиянию новое школьное образование у болгар было обязано и своим ланкастерским, или взаимнообразовательным, методом. Этот метод впервые ввел у греков в 1819 г. химик Атанасиос Политис на о. Корфу, откуда он вскоре распространился по всем училищам на Ионийских островах. Своим успехом у греков этот метод обязан, однако, пловдивскому греку Клеовулосу, одному из крупнейших деятелей и педагогов эпохи греческого возрождения.<sup>2</sup>

Первым популяризатором этого метода у болгар был Петр Берон, напечатавший в Брашове в 1824 г. свой знаменитый «Рыбный букварь» и тем самым заложивший первые начатки нового школьного образования у болгар.

Новое образование необходимо было для болгарской буржуазии прежде всего в ее торговых интересах, которые настоятельно требовали более широкой образовательной ориентировки, более широких знаний и более высокой культурности, для того чтобы наряду с греческой буржуазией и буржуазией других стран успешнее вести свои торговые дела как внутри страны, так особенно и за ее пределами. «Наши начали торговать не только в Царьграде, но и с близлежащими странами» — пишет болгарский «Цареградский вестник» в 1849 г. и прибавляет: «Тогда они почувствовали нужду в образовании». Общее устремление к более широкому и более высокому просвещению, которое было так сильно на Западе и которое привело в движение Грецию и Сербию, оказало влияние и на болгарское торговое и ремесленное сословие.<sup>3</sup>

## § 2. ФАНАРИОТЫ И ЭДНИНИЗАЦИЯ БОЛГАРИИ

Кроме чужденационального политического гнета, особенно обострившегося для болгарского народа в период упадка и разложения феодального строя державы завоевателя, кроме хищнической эксплуатации народного труда со стороны феодалов-помещиков и произвола администрации — со второй половины XVI в. болгарский народ стал жертвою чудовищного гнета и по другой линии своей жизни — по линии родного языка и вероисповедного культа.

Когда в 1453 г. султан Магомет II занял столицу Византии, которая была вместе с тем и центром восточноримского церковного управления, греческому патриарху удалось получить от него специальный фирман, которым не только подтверждалась его права по управлению собственно греческой национальной церковью, но и значительно расширялись его полномочия подчинением его церковному управлению всех вообще народов восточно-христианского исповедания полуострова без различия национальности, т. е. греков, болгар, валахов, молдаван и албанцев. Только сербам (вплоть до 1766 г.) удалось удержать свое национальное церковное управление с национальными патриархами во главе, с местопребыванием их в г. Ипек. Таким образом, греческий патриарх стал теперь духовным главою всех угнетенных народов полуострова, кроме сербов, сосредоточив

<sup>1</sup> См. проф. И. Д. Шишманов, назв. соч., стр. 302.

<sup>2</sup> Там же, стр. 302.

<sup>3</sup> Хр. Негенцов. Народното възраждане и училището. Сб. «България 1000 години», стр. 550.

в своих руках огромную власть по управлению церковными делами названных народов. В круг ее ведения и компетенции входили не только вопросы догмы и общего руководства церковною жизнью по вероисповедным делам, но также и все дела церковно-административного и судебного порядка, связанные с религиозным культом: церковные и монастырские имущества и хозяйство, церковное и монастырское строительство, церковные и монастырские завещания частных лиц, назначение священников, епископов и митрополитов, бракоразводные дела, народное образование и т. п. Эти широкие полномочия, полученные греческим патриархом от султанской власти, сделали его фактически не только духовной главой болгарского народа, но и единственным в обстановке господствовавшего политического строя представителем национальных интересов болгарского народа перед центральной властью. Он был источником всех официальных сведений и справок, касавшихся, например, статистических данных о численности христианского населения полуострова, необходимых для определения и разверстки налогов и т. п.

Обширная территория, огромные церковные имущества и хозяйство, многочисленная армия подведомственного ему духовенства и церковнослужителей всех чинов и рангов вызвали необходимость организации при патриархе специального управления. Это управление и было организовано из уцелевших остатков разгромленной греческой феодальной аристократии и их клевретов и прихвостней, составивших целую армию алчных чиновников патриархата с навыками и привычками старой феодальной владетельной знати и ее верноподданных лакеев. По имени одного из константинопольских городских кварталов — фанар,<sup>1</sup> где помещалось патриаршеское управление и происходили его совещания, вся эта патриаршеская армия получила у балканских славян нарицательную кличку — фанариоты. Основное ядро ее, как было указано, составляли греческие светские князья и греческие же епископы и митрополиты во главе с патриархом — князья церкви. Опираясь на турецкое правительство, предоставившее им за большие деньги в полное распоряжение все вероисповедные дела христианской райи полуострова, фанариоты, по профессии банкиры, торговцы, дипломаты, юристы, врачи и пр., очень быстро укрепили свои позиции в Константинополе, приобрели в глазах правительства непререкаемый авторитет, стали полновластными хозяевами в центре и на местах и выросли в самостоятельное правительство. Правительство это было ограничено в рамках своего ведения церковными и вероисповедными делами, но тем не менее фактически обладало огромною властью, если учитывать политическую обстановку эпохи и низкий культурный уровень командных верхов господствующей нации, такой же низкий уровень всей патриаршей своры и еще более низкий уровень народных масс, тонувших в суевериях и предрассудках. Словом, вся обстановка наилучшим образом содействовала беспрепятственному и безнаказанному развертыванию со стороны князей церкви самой широкой, циничной и наглой эксплуатации народа, при которой они пользовались его темнотою и прикрывались поддержкою султанского правительства в центре и его агентов на местах.

Поразительное невежество греческого духовенства в XVI и XVII вв. засвидетельствовано множеством показаний европейских путешественников. Монахи афонских монастырей почти все пого-

<sup>1</sup> Н.-греч. φανάρι, тур. «фенер» — «фонарь».



ловно были неграмотными; на монастырь приходилось не более одного-двух человек, которые умели писать и читать (Петр Белон, 1553). По показанию, относящемуся к 1698 г., на сто монахов один только был грамотным (Рико). В монастырях царил мрачный аскетизм и грубое суеверие. Один монах говорил этому путешественнику, что безверие искоренилось бы, если бы были сожжены все светские книги, но из беседы с монахом путешественник убедился, что его «грамотный» собеседник сам ничего даже в церковных книгах не понимает. Были епископы, которые угрожали монахам отлучением от церкви, если они будут читать какие-либо книги помимо церковных. Путешественник XVII в., уже известный нам Герлах, свидетельствует, что не в каком-либо маленьком городишке, а в самом Адрианополе, второй после Константинополя столице империи, греческий митрополит был неграмотным. Неграмотные попы вместо подписи обыкновенно накладывали на бумагу грязный палец, делая таким образом его отпечаток, и затем скрепляли бумагу печатью, а на церковной службе умели совсем неразборчиво пробормотать только наиболее необходимые молитвы.

Все церковные чины и должности продавались в патриархии почти что с публичных торгов, как продавались они в феодальной Турции по линии гражданско-административного управления. Епископские и митрополичьи посты получались с помощью подкупов и высокого покровительства, благодаря чему эти доходные посты получали часто люди совершенно невежественные и неграмотные. Нередко это были повара патриарха или его кафедрный и чебукчи, т. е. слуги, подававшие ему кофе и трубку, а также кандидаты влиятельных греков и турок такой же квалификации. Константинополь был переполнен монахами всех национальностей, искавшими себе в патриархии соответствующую их наличным средствам духовную карьеру. Из этой армии проходивцев патриархия вербовала игуменов и епископов для болгарских монастырей и епархий, заменяя ими повсюду национальное болгарское духовенство. Для получения болгарской епархии кандидат — независимо от национальности, им мог быть и болгарин — должен был уплатить 50 тыс. грошей (что равнялось такой же сумме турецких пиастров или болгарских левов). Какую реальную цену по курсу того времени составляла эта сумма, трудно сказать, но что она и для того времени была довольно значительна, не подлежит никакому сомнению. Получив в свое распоряжение епархию или другую какую-либо должность, этот ставленник патриархии с избытком возмещал затем ее поборами с населения, которое помимо поборов было обложено специальными налогами на содержание игуменов, епископов, греческих училищ, монастырей и т. п.<sup>1</sup> По своему размеру эти церковные налоги, или так называемая владышнина (мирия), не уступали правительственным налогам и взыскивались с населения с такою же неумолимой жестокостью. Нередко, говорит историк, епископ верхом на жеребце, окруженный большою свитою, при слугою и янычарами, числом до 50 человек, объезжал города и села своей епархии, ночевал и питался со своими людьми бесплатно за счет населения и с булавою (боздуган) в руке, привешенной на золотой цепи, лично собирал налог (владышнину) за исполнение различных церковных треб, за храмовые праздники и т. п. Если население не располагало деньгами, то налог собирался натурою, т. е. всевозмож-

<sup>1</sup> И. Станев. България под иго. София, 1928, стр. 91 и сл.

ными продуктами, которые затем караванами отправлялись для продажи на большие базары. Этот грабеж народа греческим духовенством часто возмущал и самих турок.<sup>1</sup>

В конце 30-х годов XIX столетия типичным в этом роде «святителем» был тырновский митрополит Панарет, известный под кличкой «дели Панарет», т. е. Панарет «сорви-голова». Одевшись в красные суконные шаровары с прошитым белым шелком широким поясом, концы которого были расшиты разноцветными шелками и сурьмой, в вышитый золотом короткий плащ (чепкен) и жилет, с войлочной, расшитой золотом шапкой на голове, верхом на буйном, роскошно оседланном жеребце, с двойными пистолетами и булавою в руке, привешенной на золотой цепи, он в сопровождении свиты, как какой-то сорванец (делия), — рассказывает наблюдатель этой картины, — объезжал села, мучил сельских старост, избивал попов и налагал ужасающие налоги. Свита его состояла из 15 городских чербаджиев — грекоманов, 35 попов, его помощника (протосингел), 4 диаконов, 2 писарей, кафедрный, повара, 2 чебукчиев, 6 конюхов, 5—6 янычар и большого количества селян. Налоги, которыми он облагал население, заключались в следующем: за общее водосвятие он брал с села 550 грошей, за водосвятие в доме — 250; пособие от каждого села — 1550—3300 грошей; за развод — 1500—2500; за примирение ссорящихся супругов — 150—500; штраф за браки между родственниками — 550—850; за частную службу — 250; за общую — 550 и т. д.

Особые подарки и плата вносились населением митрополичьим протосингелу, диаконам, прислужникам и пр. При поездках митрополита сопровождали специальные повозки для сбора шелка, сушеных слив, груш, пшеницы и т. д. Митрополит отбирал у церквей старинную золотую и серебряную утварь и переливал ее в посуду, ложки и вилки для своего стола и т. п.<sup>2</sup>

В 1821 г. в первопрестольную столицу Болгарии — Тырново, бывший в старое время, до завоевания Болгарии турками, местопребыванием болгарского патриарха, греческой патриархией был назначен в качестве митрополита фанариот Иларион Критский. О нем рассказывают, что он был довольно просвещенным человеком и вначале не был настроен нетерпимо по отношению к болгарам, писал свои распоряжения, рассылавшиеся по болгарским общинам, на болгарском языке, поддерживал болгарскую книгу и пр., но имел два небольших недостатка, которые, впрочем, не были чужды на его месте и другим патриаршим ставленникам: он любил веселую жизнь и деньги. Отдав в наем какому-то своему приятелю греку один из разоренных и ограбленных в 1800 г. кирджалиями тырновских монастырей, он любил навещать его в этом монастыре и целыми неделями с музыкою и в веселье проводил здесь время. В 1827 г. тырновчане выгнали от себя этого митрополита, но через четыре года ему удалось опять вернуться на свое старое место. Когда однажды несколько подведомственных ему болгарских общин обратились к нему с просьбой назначить им на должность епископа — болгарина из Янины, некоего Онуфрия, Иларион вместо просимого населением кандидата рукоположил на должность епископа своего конюха, грекоалбанца по национальности, который за кражи и разбой был выслан из Австрии и Валахии. В 1838 г.

<sup>1</sup> См. И. Станев, назв. соч., стр. 88 и сл.

<sup>2</sup> Там же, стр. 208.



митрополит Иларион умер. Когда власти вскрыли его кассу, то нашли в ней два миллиона золотых грошей.<sup>1</sup>

Являясь к месту своей службы, митрополит обыкновенно привозил с собою мелкие подарки, которыми одаривал местное начальство — пашей, беев, кадиев и других чиновников, а также некоторых священников, игуменов и общинных старейшин, чтобы заручиться их расположением, и затем начинал свою «работу» по сбору налогов. Непосредственными исполнительными органами в этом деле были епископы в небольших городах, которых митрополиты назначали по своему личному выбору. Личные секретари, церковные певчие и учителя, которых они привозили с собою из Константинополя и затем назначали в общины для обучения болгарских детей, были их шпионами и помощниками.<sup>2</sup>

Для характеристики фанариотской эксплуатации темноты и культурной беспомощности народа приведем несколько интересных строк из того же цитируемого нами труда болгарского историка. Греческая церковь, говорит он, учила, что человек — греховное создание, и что счастье — на небесах. Каждый должен искупить как свои личные грехи, так и грехи своих предков. Христианин должен со слезами на глазах молить бога о прощении. Вернее всего грехи прощаются, если молитва совершается в святых местах, где святители постоянно молятся о грешниках. Такие мысли должны были распространять в народе монастырские таксидиоты, т. е. специальные агенты-монахи, командированные монастырями на места для сбора среди народа пожертвований на монастырь и для вербовки паломников. Это был особый род греческих агентов, специально подготовленных для агитации среди населения. Во время постов они посещали каждое селение и исповедывали народ, а узнавая во время исповеди сокровенные мысли и переживания исповедующегося, побуждали его идти в святые места, нести в монастырь свою «милостыню» и просить о прощении. Агенты эти рассылались палестинскими и афонскими монастырями. Каждый монастырь хранил или создавал у себя что-нибудь особенное, специфическое для него: в одних монастырях были устроены источники, которые назывались «аязма», т. е. святой источник или святая, целебная вода (греч. (h)agiasma), которою за деньги окропляли верующих; в других имелась какая-нибудь могила, старинный крест или чудотворная икона, на которую грешное человечество во имя своего спасения прилепляло множество монет. Из тех же святых мест разносили различные святые предметы, продававшиеся по дорогой цене. Народ верил, что «честный крест» не горит в огне. Шарлатаны брали небольшие кусочки специального тропического дерева абанос (каменное дерево, евр. евн — «камень»), закапывали их на длительное время в морскую тину, чтобы они затвердели как можно крепче, после чего эти кусочки на умеренном огне не загорались. Приготовленные таким образом древесные кусочки монахи по дорогой цене продавали народу как кусочки от креста, на котором был распят Христос. В этом же роде монахи изготовляли и мощи, которые они распространяли среди народа как частицы тела какого-нибудь святого. Чтобы сильнее подействовать на воображение, они обыкновенно говорили, что кости принадлежат тому или другому известному народу местному святому. Тогда темный народ стекался мас-

<sup>1</sup> Там же, стр. 202.

<sup>2</sup> Там же, стр. 89.

сами на поклонение этому святому, и заработок попов был огромен. Нередко при этом случалось, что несколько монахов имели при себе руку одного и того же святого.

Для того чтобы держать народ в страхе, греческие попы часто налагали проклятие на отдельных лиц, на общины и на целые округа, когда находили их виновными в чем-либо или непокорными своим распоряжениям. Проклятие объявлял сам «владыка» или уполномоченные на это доверенные лица. Текст проклятия переводился на болгарский язык и зачитывался во всеуслышание во время церковной службы на каком-либо большом празднике.

Проклятие гласило: «Христиане (такие-то, следовало поименное перечисление этих злополучных христиан) за неисполнение наших приказаний да будут прокляты (анафема); да отойдет от них божие благоволение; да не живет ничто рождающееся у них; да не взрастет посеянная ими пшеница; да не возгорится у них огонь; да запустеет жилище и да плодятся в них звери, а не христиане; да не истлеет непокорный в гробу после своей смерти. Да обратится в смолу его прах, чтобы он не восстал во второе пришествие господне, но по гневу господню с треском да сожжется в огне адове».

Суеверные люди боялись церковного проклятия и всякую беду в своей жизни они затем уже относили за его счет, готовые какими угодно жертвами откупиться от него.

На время своего отсутствия из епархии, что бывало очень часто, митрополиты обыкновенно уполномочивали своих заместителей (протосингел) или кого-либо из чорбаджиев-грекоманов собрать налоги и многочисленные штрафы, налагавшиеся на население за различные церковные преступления вроде браков между родственниками, разводов, несоблюдения постов, уклонения от исповеди и причастия и т. п.

Иногда эти обязанности возлагались на болгарских приходских попов, а если последние от такого поручения отказывались или допускали в своей работе ошибки, то митрополит всенародно в церковном богослужении или на улице собственноручно избивал провинившегося палкою, булавою или кнутом. За церковные ошибки митрополиты обрезавали у попов бороды, позорили их и ссылали на заточение в глухие монастыри. Должности попов во фракийских и македонских городах и селах занимали в большинстве случаев греки; если должности кое-где занимали болгары, то они должны были знать греческий язык и отправлять церковные службы на греческом языке. Попы обыкновенно откупали себе церкви за определенные суммы; эти суммы бывали более значительными, если к одной и той же церкви было прикреплено несколько сел.<sup>1</sup>

Руджиер Бошкович, имя которого мы уже называли выше, возвращавшийся в 1762 г. в Европу из своей поездки в Константинополь через Болгарию, Валахию и Польшу, не один раз рассказывает в своих путевых записках о встречах в Болгарии с провинциальным духовенством, рисует его весьма низкий культурный облик и сообщает немало интересных подробностей, характеризующих его нравы и организационные формы его служебной деятельности. Так, например, в первом после Константинополя болгарском селе Канара путешественник имел встречу с сельским попом, после которой он занес в свой дневник следующие строки: «Крестьяне говорят на наречии славянского языка и вера у них христианская, а попы их за-

<sup>1</sup> См. Н. Станев, назв. соч., стр. 89—91.



висят от константинопольского патриарха. Поп, так сказать, нанимает свой приход у епископа... За 60 грошей он купил у константинопольского епископа еще два соседних села. За погребение он взимал с крестьян по грошу, за крещение по 10 пара, а за венчание по 15 пара. Кроме того, он имел и другие приходы. Литургию он служил по-гречески, но его невежество, как и невежество его пастырей, невероятны... Крестьяне мне говорили, что их поп не дает никаких наставлений ни им, ни их детям...»

15 июня по дороге в Галац тот же путешественник вместе со своими спутниками остановился в с. Буюк-Козльджа, состоявшем из 200 христианских и 300 турецких домов. Здесь Бошкович узнал, между прочим, что в этой местности имелось только два попа и одна тайная церковь, зависевшая от варненского епископа. «Невежество этого попа, — пишет Бошкович, — было исключительно. Я держал в руках Светония,<sup>1</sup> которого читал для того, чтобы убить время, он был украшен портретами римских императоров. Поп меня спросил, что это за портреты, и когда я ему ответил, что это портреты римских царей, он сказал: «ах, портрет Константина!» Меня уверяли, — продолжает Бошкович, — что о другом каком-либо царе он не знает. Этот добряк поп не имел понятия ни о Риме, ни о папе, ни вообще о вероисповедном расколе. Я убедился в его невежестве при содействии переводчика и едва верил своим ушам. Поп казался очень смущенным тем, что ни посланник, ни я не имеем бороды, так как в этой области все мужчины носят бороды, как попы, и считается за грех не иметь бороды. Он меня спрашивал, не наложено ли на меня покаяния за то, что я сбрил бороду, и совсем был поражен, когда услышал, что у нас такой обычай, что ни епископы, ни короли, ни цари не носят бород. От этого попа я узнал еще, что здесь платили за каждое крещение пять пара, за венчание десять, а за погребение, соответственно домашним обстоятельствам покойника, по 20 и больше пара...»

21 июня те же путешественники остановились в с. Ени-Кей, состоявшем из 50—60 домов. Сельский поп и здесь был совершенно невежественным человеком. Все его познания из древней истории состояли в том, что некогда жил царь Константин, который построил Константинополь. Он сказал мне, что платит своему епископу (владыке) ежегодно проценты по 20 грошей.<sup>2</sup>

Так же обстояло дело и на верхах патриаршего управления. Патриарший престол был очень доходною статьею в султанском бюджете. Должность патриарха покупалась обыкновенно за огромные деньги и при этом при поддержке или рекомендации кого-либо из влиятельных греков-фанариотов из среды уцелевших последней греческой византийской аристократии. Таким был, например, известный Михаил Кантакузен, который хвастался тем, что ведет свое происхождение от византийской императорской фамилии. При великом везире Магомете-Соколли (1565—1579), опираясь на личные с ним связи, он нажил себе баснословные богатства, благодаря чему приобрел неограниченное политическое влияние при султанском дворе и правительстве. Это был исключительный интриган, турки дали ему кличку «Шайтаноглу», т. е. «сын дьявола». Ему удалось настолько втереться в доверие везира Соколли и снискать его рас-

<sup>1</sup> Римский писатель, живший в I—II вв. н. э., автор многочисленных произведений историко-биографического характера; самым выдающимся из них считается «Биографии 12 императоров».

<sup>2</sup> См. Сб. НУК, 1891, кн. VI, стр. 147, 155, 156, 162.

положение, что он стал самым доверенным его советчиком и мог добиться у него всего, чего только хотел. Так, например, он захватил в свои руки всю соляную торговлю в империи и множество пошлин, распоряжался бесчисленным количеством мест и должностей, которые можно было получить только через его влияние и за большие деньги, сажал и низлагал патриархов, митрополитов, епископов сообразно с их платежеспособностью и произвольно распоряжался, как неограниченный владетель, судьбами и доходами Молдавии и Валахии. Многие сотни деревень составляли его собственность, и блеск его дворца в Анхиало соревновался с роскошью самого султанского сераля.

В 1576 г., когда тирания и корыстолюбие этого афериста стали переходить уже всякие границы, он по распоряжению султана был арестован вместе со своим сыном и посажен в семибашенный замок. Вмешательство могущественного Магомета Соколли спасло ему, однако, на этот раз жизнь, что стоило ему 160 тыс. галеров. Получив свободу, Кантакузен, пользуясь покровительством своего старого доброжелателя, великого везира Соколли, не только возобновил с новою энергиею насилия и вымогательства в Молдавии и Валахии, но его наглое вмешательство в политику приобрело, по характеристике султана, угрожающий спокойствию страны характер, и, по распоряжению султана, на этот раз он был повешен на воротах собственного дворца в Анхиало.<sup>1</sup> Дворец его был оценен в 20 тыс. дукатов, а распродажа дворцовой обстановки и драгоценностей дала государству 60 тыс. дукатов, т. е. около 800 тыс. франков золотом.

Для того чтобы получить место патриарха, кандидат должен был уплачивать ежегодно Кантакузену 2 тыс. дукатов, или приблизительно 24 тыс. франков золотом, султану 4 тыс. и, кроме того, разным пашам еще около 2 тыс. За назначение на должность митрополита Кантакузен взимал 6 тыс. дукатов. Эти суммы затем собирались попами с народа.<sup>2</sup>

К той же группе богатых и влиятельных греческих аристократов-фанариотов принадлежали кроме Кантакузенов архонты, т. е. князья Палеологи, Маврокордато, Ипсиланти и др. Впоследствии, начиная с XVII в., эти влиятельные константинопольские греки-фанариоты прибрали к своим рукам Молдавию и Валахию, куда турецкое правительство обыкновенно назначало господарями представителей из этой именно фанариотской среды, вроде, например, валашских господарей Георгия Гика в XVII в., Константина Бранковану, Николая Маврокордато в начале XVIII в. и др. Они проводили настолько сильную эллинизацию этих периферийных областей империи, что Валахия стала называться «Новой Грецией». Отметим, кстати, что трое сыновей названного выше фанариота Михаила Кантакузена явились родоначальниками нынешней румынской чоккойской, т. е. помещичьей фамилии Кантакузенов. Успехам эллинизации Румынии содействовало то, что румынские (валашские) города, как и города на дунайском и черноморском побережье, всегда имели в составе своего населения значительное количество греческого торгового элемента, а после падения Византии в XV в. они оказались пе-

<sup>1</sup> См. J. Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reiches, III, 1855, стр. 366 и сл.

<sup>2</sup> В первые годы патриархат вносил ежегодно султану дань в сумме 1000 дукатов; впоследствии эта сумма была увеличена до 6 тыс. дукатов, а затем в период упадка Турции она поднялась до 150 тыс. дукатов, или около 2 млн. франков золотом. — См. Н. Станев, назв. соч., стр. 94.



реполненными греческими эмигрантами-торговцами и прикармливавшейся возле них огромною армией лиц всевозможных свободных профессий. С другой стороны, мощным проводником эллинизации румынских княжеств явилась греческая церковь и духовенство. Официальным языком церкви в Молдавии и Валахии был в это время славянско-болгарский язык. Многочисленное и влиятельное по своей зажиточности греческое население городов со своим духовенством стало постепенно вытеснять из церковного обихода славянский язык и заменять его греческим, а местное валашское руководящее духовенство (митрополитов, епископов, игуменов) заменять повсюду греческим. К началу XVII в. этот процесс эллинизации Румынии успел сделать уже значительные успехи.

Вначале, однако, этот процесс эллинизации угнетенных народов полуострова носил характер примитивной и откровенной хищнической эксплуатации местного населения со стороны патриархии и духовенства в обстановке господствовавшего тогда социально-политического режима и нравов командных верхов правящей феодальной бюрократии. Заплатив большие деньги за свой патриарший сан султану и его своре, патриарх возмещал затем понесенные им расходы путем такой же продажи по баснословным ценам митрополичьих и епископских должностей; последние в свою очередь сторицею возмещали свои расходы путем продажи церковных должностей своим ставленникам, а также путем поборов с населения. Таким образом, церковная иерархия сверху донизу была связана между собою крепко организованной системой круговой поруки за счет эксплуатируемого населения. Взять с населения побольше денег, не стесняясь средствами, и тем самым удержать за собою дорогостоящее место — такова была, прежде всего, а на первых порах и единственная цель пастырского служения патриарших ставленников на местах.

Для того чтобы успешнее достигать своих целей, необходимо было держать народ в состоянии темноты и невежества. На этой почве у фанариотского духовенства прежде всего развивается практика удушения в местном населении каких бы то ни было зародышей национального сознания и национально-освободительных тенденций, и в этом отношении оно берет на себя функции политической разведки султанского правительства. Действуя в том же направлении по другой линии, оно уничтожает в жизни местного населения все, что так или иначе могло бы поддерживать и питать его национальное сознание, т. е. национальную письменность, литературу, книги, школу, родной язык и церковную службу на родном славянском языке, заменяя всюду родной язык непонятным для народа греческим языком и объявляя болгарский язык вульгарным языком, языком «черни», издеваясь над народными преданиями и песнями, подчеркивая свое великодержавно-презрительное отношение ко всему, отмеченному печатью болгарской национальности. Так обстояло дело, однако, преимущественно в городах — деревня же и при этих условиях продолжала хранить свои национальные традиции и национальный облик.

«Искусственная политика греческого духовенства, торговые интересы, политические соображения, греческие издевательства над бытом и языком болгарского народа, — всё это, — говорит историк болгарской литературы проф. Боян Пенев, — имело своим следствием то, что постепенно понятие «грек» стало отождествляться с понятием образованный человек, и кто не говорил по-гречески или не

умел цветисто уснащать свою речь греческими фразами, тот и не считался образованным человеком. Многие стали считать себя обиженными, если их называли болгарскими, горожане обыкновенно презрительно называли поселян греческим словом «хондрокефалос» (что равносильно уничижительному «дубиноголовый». — Н. Д.), а поселяне привыкли считать всякого, одетого в европейское платье, «греком». Торговля и частная переписка обыкновенно велись на греческом языке и только в крайнем случае на болгарском, но и в этом случае пользовались обыкновенно греческим алфавитом. Чистый болгарский язык сохранился только в деревнях; в городах он был представлен очень слабо и то только в домашнем обиходе. Средою, хранившею родной язык, были преимущественно женщины».<sup>1</sup>

«Разоренный материально и угнетенный произволом алчных светских и духовных властей, болгарский народ тонул в невежестве, потому что болгарских училищ уже не было и кроме монастырских кельй наука нигде больше не преподавалась. Единственной литературной деятельностью осталось переписывание церковных книг и притом только в среде монахов и некоторых «ученолюбивых» попов, которые уже назывались даскалами. Рукописные списки евангелия и других церковных книг продавались довольно дорого и стали при этом такою большою редкостью, что подарить такую книгу какой-либо церкви, насколько об этом можно судить по различным припискам в этих книгах, считалось большим благодеянием, которое несло с собою спасение души. Кроме того, часто бывали случаи, что ввиду недостатка книг, их крали в одном месте и доставляли в другое, а потому почти в каждой книге в специальных приписках угрожают проклятием тому, кто осмелится украсть или присвоить книгу себе. Наконец, кое-где стали появляться и греческие церковные книги, которые стали вытеснять славянские, особенно в городах, где греческий язык постепенно вводился греческими владыками».

Так характеризует положение вещей на культурном фронте в Болгарии в XVII в. историк проф. Златарский.<sup>2</sup>

Со второй половины XVIII в., как было сказано выше, верхи греческой буржуазной общечеловечности, под влиянием широкого просветительного движения в Европе, которое уделяло так много внимания древнегреческой литературе, искусству и философии, вступают вместе с успехами своего хозяйственного развития в период культурно-национального возрождения. Оно зарождается вначале за пределами угнетенной родины. В Венеции, Падуе, Риме, затем в Вене, Триесте, Бухаресте, Одессе, Москве открываются эмигрантские греческие училища. Греческая молодежь, получившая образование за границей, возвращаясь на родину, выступает здесь в роли пионера возрожденческих устремлений, и работа ее быстро дает благотворные результаты. Старые школы реформируются в духе идей XVIII в. Организуются новые училища, в том числе и повышенного типа, в Бухаресте, Яссах, Янине, Солуни, на Афоне, в Адрианополе и в других центрах. Со времени патриарха Самуила (1763) в это движение органически включается греческая патриархия. Слово «ромей», как тогда именовались греки, заменяется классическим «эллин». Инициативу школьной реформы берет на себя Александр Маврокордато, крупный чиновник на турецкой дипломатической

<sup>1</sup> См. Б. Пенев, Паиси Хилендарски. Историко-литературная студия. Пер. Сп. София, 1911, т. LXXI, кн. 9—10.

<sup>2</sup> См. его ст. «Български възстания и опити за възстания до средата на XIX век». Сб. «България 1000 години». София, 1930, стр. 712 и сл.



службе, и проводит свой план реформ при содействии ученого богослова Евгения Вулгариса, преподававшего богословие, философию и литературу и привлекавшего в аудиторию обширный круг учеников не только греческой национальности, но также албанцев, болгар и валахов. Наряду с изучением древнегреческого языка Вулгарис и его ученики вводят в круг предметов школьного преподавания также и новогреческий язык, сделав его вместе с тем языком школьного обучения. В конце 1791 г. знаменитый новогреческий поэт-революционер, казненный турками в 1798 г., Константин Ригас (род. в 1757 г., состоявший до 1790 г. на службе у валахского господаря) организует греческое национально-патриотическое общество — «гетерию», поставившее своею задачею национальное освобождение греков.<sup>1</sup>

Большую стимулирующую роль в деле подъема национального движения у греков в это же время сыграл и лозунг восстановления византийской империи, брошенный в 1793 г. великими державами, Австрией и Россией. Но подхваченное греческой патриаршей, которая становится организующим центром движения, это движение в руках фанариотов в славянских областях империи превращается в орудие греческой националистической пропаганды и угнетения славянского населения. С этого времени начинается в славянских областях планомерная систематическая политика денационализации славянского населения в интересах эллинизации всего полуострова — для целей восстановления византийской империи.

В этих видах в 1766 г., по представлению патриарха Самуила, турецким правительством была ликвидирована ипекская Сербская национальная патриархия, а в следующем 1767 г. та же участь постигла и болгарскую охридскую архиепископию, остававшиеся до тех пор независимыми от греческой патриархии национальными церквями; теперь они были подчинены ведению греческого патриарха. С этого времени началось не только усиленное преследование со стороны фанариотов и их приверженцев грекоманов из среды болгарского чорбаджийства болгарского языка, болгарской книги и церковной службы на болгарском языке, но и агитация в зажиточных кругах болгарского городского чорбаджийства за преимущества греческой нации и просвещения, греческой школы и образования. Эти круги начали посылать своих детей в греческие училища, стали пересыпать свой разговорный язык греческими словами и придавать своим именам и фамилиям греческие окончания. Так в болгарских городах появились группы влиятельного болгарского населения, именовавшего себя «новыми эллинами» или «болгаро-гласными эллинами». Кадры этих «новых эллинов» формировались обыкновенно из вновь поселявшихся в городах деревенских кулаков, нуждавшихся здесь в известной общественной поддержке для устройства своих дел по ремесленной и торговой части. Пришлая из деревень болгарская молодежь устраивалась на работу в греческих мастерских на должности учеников и подмастерьев и т. п., проходила с успехом, благодаря своим высоким трудовым качествам, квалификационный стаж, женилась на гречанках из окружающей их греческой

<sup>1</sup> Поэта Ригаса называет А. С. Пушкин в известном стихотворном обращении к Греции: «Восстань, о Греция, восстань!»

Страна героев и богов,  
Расторгни рабские вериги  
При пеньи пламенных стихов  
Тиртея, Байрона и Риги!..

ремесленной среды и постепенно утрачивала свою национальность, на деле превращаясь в «новых эллинов».

В болгарских городах этого времени в широком обиходе были два языка: турецкий и греческий. Болгарский язык был слышен только в местечках, деревнях, в помещичьих имениях, на ярмарках. Фанариоты говорили: «турок — это господин, ага: грек — это образованный человек, гражданин, врач, драгоман; болгарин — это токарь, пастух, необразованный человек, невежа, «варвар», «дубиноголовый». Грек одевался в платье европейского покроя, а болгарин в кожи падали. Грек носил штилеты (чепицы), а болгарин — косматые «царвули» (лапти), часто из свиной кожи и т. п. Под влиянием подобных оскорбительных для национального чувства издевательств ремесленная молодежь и зажиточные болгары, торговцы и промышленники, стремясь завоевать доброе имя и уважение в среде греческих нотаблей, стыдились называть себя болгарскими и предпочитали именоваться «ромеями» или эллинами — греками.

Так протекал процесс эллинизации верхов болгарской буржуазной городской общности. В крестьянской среде всякий одетый в европейское платье, хотя бы он был и болгарин, назывался презрительно словом «грек». Буржуазия отвечала на это не менее презрительным отношением к родному народу, к крестьянству, к деревне. Этот отрыв болгарской городской буржуазной «интеллигенции» от народа создавал в иностранных путешественниках впечатление, что на полуострове живут только турки и греки, потому что в городах они встречали только эти два элемента, болгары же, по их замечаниям, живут в местечках и селах или же разбросаны по помещичьим имениям и живут притом в состоянии крайнего обнищания, угнетения и духовного убожества.<sup>1</sup>

Нет ничего удивительного в том, что при таком угнетенном и приниженом политическом и культурном положении болгарского народа тогдашней европейской науке живой болгарский язык оставался неизвестным. Так, например, славист Иосиф Добровский, основоположник славяноведной науки, не зная этого языка, еще в 1814 г. считал его одним из наречий сербского языка. Его современник, ученый словинец Копитар в 1815 г. знал о болгарском языке только то, что в нем имеется член, который прибавляется в конце слов. Впервые более обстоятельные сведения о болгарском языке были даны в 1821—1822 гг. знаменитым в истории сербской науки и просвещения Вуком Степановичем Караджичем. Знаменитый славист Павел Шафарик еще в 1826 г. не знал ни одной книги на болгарском языке, хотя таковые в это время уже существовали, и полагал, что болгары живут только между Дунаем и главным Балканским хребтом в числе около 600 тыс. человек.

Политически бесправный, материально эксплуатируемый, культурно приниженный, болгарский народ в своей массе влачил жалкое существование. Если же из его среды выдвигались единицы, которым удавалось получить образование, то они переставали называться болгарскими и становились греками. Существовавшие до того времени килийные школы по мере эллинизации были или ликвидированы или превращены в греческие училища, и вместо старославянского языка ученики стали изучать в них древнегреческий язык и зубрить молитвы на греческом языке, не понимая их смысла, как не понимали они и смысла читаемых на греческом языке церковных

<sup>1</sup> См. Н. Станев, назв. соч., стр. 107—110.



текстов. Так готовились кадры церковных пастырей для болгар. Вместо болгарских учителей-попов в этих школах появились греческие учителя и многогречившиеся болгары, дидаскалы (греч. *διδασκαλο* — учитель), оставившие и до сих пор в болгарском языке память по себе в слове «даскал» — учитель. Наряду со старыми примитивными народными килийными школами, по примеру греков, болгарская буржуазия стала организовывать в болгарских городах на свои средства греческие школы более повышенного типа. К 1820 г. подобные школы уже имелись не только в городах Македонии, но также и в болгарских городах — в Свишове, Тырново, Котле, Сливене, Ямболе, Пловдиве. Дети болгарской буржуазии, торговцев и ремесленников, читали здесь отрывки из греческих классических писателей: Гомера, Плутарха, Сократа, Ксенофонта, Эзопа и др., учились не только читать и писать, но и говорить по-гречески. Многие из них выходили потом недурными «эллинистами», приобретали известную начитанность в классической литературе, старались внести некоторое изящество и в свою разговорную речь, приобретая, несомненно, известный налет «культурности» в модном тогда греческом стиле новейшей формации.<sup>1</sup>

Эллинистическое движение было столь сильно, говорит историк Иречек, что кирилловская азбука была изгнана из обихода. В чисто болгарских городах, как Сливен, ученики изучали только греческое письмо, хотя и не знали греческого языка. В 1845 г. В. И. Григорович (русский ученый славист, путешествовавший по славянским странам Турции) не встретил никого, кто бы умел читать по-славянски, но нашел много таких, которые свободно читали средневековое греческое письмо, представляющее, как известно, значительные трудности. Еще и сейчас, говорит Иречек (т. е. в 80-х годах), не только в Македонии, но и в Родопах и на Дунае встречаются старики, которые пишут по-болгарски, но только греческими буквами.<sup>2</sup>

Фанариоты запятнали себя в Болгарии и чисто вандальскими делами. Уцелевшие в течение веков от войны, огня, мышей, моли и гнили болгарские рукописи они повсюду жгли и уничтожали, как после Белогорской битвы в Чехии (1620) иезуиты уничтожали чешские книги. Болгары не должны были знать, что они имели свое национальное историческое прошлое, свою старую литературу, и что их язык имел некогда свою письменность.

Много примеров подобного варварства приводит проф. Григорович в своем «Очерке ученого путешествия по Европейской Турции». Так, например, в Зографском монастыре на Афоне накануне его приезда было сожжено большое количество рукописей. Очевидцы рассказывали путешественнику, как в Ксенофе выбрасывали в море славянские кодексы. В Ватопедском монастыре, там же на Афоне, была истоплена печь старославянскими пергаментными рукописями, на которые смотрели, как на *ἀρρητοτα πράγματα*, т. е. как на бесполезные вещи. Подобные же случаи сожжения или уничтожения старых славянских рукописей Григорович отмечает и в других монастырях не только на Афоне, но и внутри страны. Так, например, в историческом древнем Македонском монастыре Наума на

<sup>1</sup> См. д-р К. Иречек. История на българите. Тырново, 1888, стр. 634—638.

<sup>2</sup> Там же, стр. 638 и сл.

<sup>3</sup> См. «Ученые записки» Казанского университета, 1848, кн. III и отд. изд. Москва, 1877.

Охридском озере игумен-фанариот Дионисий сжег все книги. В Меникейском монастыре у г. Сереса в Македонии путешественнику показали богатую греческую библиотеку, а когда он заинтересовался славянскими рукописями, то ему сказали, что они все сожжены. В 1823 г. по распоряжению митрополита Иоакима в с. Цяровина около г. Берковицы в Болгарии были зарыты в землю и погибли рукописные славянские сборники, взамен чего селяне получили от владыки в подарок греческие книги. Подобные же факты имели место в 1840 г. в Шуменском округе (с. Тича), в 1853 г. в г. Пещера и в других местах. Таким же образом погибла в огне, по распоряжению митрополита Иллариона, и старая тырновская патриаршая библиотека, которая после изъятия из нее греческих церковных книг была сожжена в митрополичьем саду; от бывшей болгарской патриаршей библиотеки осталась сейчас только железная решетка.<sup>1</sup>

Так эксплуататоры народной темноты и политического бесправия болгарского народа вкупе с болгарской буржуазной городской чернью насаждали в болгарском народе через церковь и школу греческую «культуру» и греческий язык, вытравливая из народного обихода родной язык и родную культуру с ее национальной письменностью, национальной народной поэзией и национальными историческими воспоминаниями.

Создалось действительно угрожающее самому физическому существованию болгарской народности положение вещей. Характеризуя его, Георгий Стойков Раковский в своей исторической монографии 1860 г. «Няколко речи о Асеню първому, великому царю българскому и сыну му Асеню второму» цитирует следующие несколько строк из сочинения греческого ученого Афанасия, посвященного обзору населения Эпира:

«На восточно-македонском побережье, где находилась страна, именуемая Халкидики, еще встречаются города, села, горы и пр. с болгарскими названиями: Извор, Стан, и пр.; осталось и несколько выражений и песен на греческом языке, содержащие имена болгар; встречаются и имена некоторых старых болгарских жителей, но души болгарина там сейчас не существует, как среди населения, находящегося около Солуния, так и в других местах; равным образом, не существует ни другого народа, ни языка, кроме нескольких латинских слов: *тапikia* (рукава), *coligas* (товарищ) и некоторых других. Из этого, таким образом, видно, что и там население было болгарским, но все оно эллинизировалось, вынуждаемое к тому больше всего церковью и тамошними нравами, потому что они не имели ни священников, ни церковных книг на своем языке...» Раковский при этом прибавляет: «Таких свидетельств, написанных самими греками, имеются тысячи. Кто желает и кому не противно, пусть познакомится с тем, что писал известный эллинист Неофит Дука в предисловии к своему изданию Демосфена. Иступленный грек говорит там совершенно откровенно, что славянский род надо истребить и вычистить, а распространить эллинизм. Нынешние же ученые греки мечтают о том же! они присваивают себе турецкую Европу до Дуная и до реки Савы! Болгарам и сербам ничего не оставляют! Хвосты у них, со всею обнаженностью торчат вверх, как у коз!...»<sup>2</sup>

Действуя угнетающе на культурно-отсталые, оппортунистически настроенные круги болгарской городской торговой буржуазии, а

<sup>1</sup> См. д-р К. Иречек, назв. соч., стр. 643—646.

<sup>2</sup> См. назв. соч., стр. 48 и сл.



также на широкие массы беззащитного болгарского населения в наиболее культурно отсталых и глухих уголках Болгарии, эллинизация, однако, как известное культурное движение, заключала в себе и здоровое ядро. Плодотворные семена великой древнегреческой культуры и просвещения, насаждавшиеся в сознании болгарской буржуазной общественности фанаротскими попами в насильственных формах и в узко националистических целях, попадали не только в мешанское болото городской чорбаджийской оппортунистической обывательщины, где они давали уродливые ростки искусственно выращиваемой культурной помеси «нового эллинизма». Они, как это было показано выше, попадали и на другую, здоровую почву, которая усваивала их, как элемент собственного культурно-национального возрождения, как великое культурное наследие человечества, одинаково плодотворное для строительства новой национальной культуры независимо от того, чью почву они оплодотворяли своими живительными соками. Уродливые ростки, выросшие на гнилой почве, быстро не успевши расцвести, отцвели пустоцветом, но здоровая болгарская народная почва дала прекрасные всходы: плодотворные семена великой эллинской культуры выросли на этой почве в большое культурное достояние народа, которое в руках лучших представителей его передовой культурной общественности сыграло вскоре не менее крупную роль в деле болгарского ренессанса, какую оно же сыграло и в деле культурно-национального и политического возрождения Италии (Петруччио, Петрарка, Боккаччо) и греческого народа.



## Глава VI

### НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ И ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ С XVI ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Говоря о положении в стране во второй половине XVIII в., болгарский историк пишет:

«Ухудшение положения вызывалось прежде всего произволом законной высшей власти в провинции... Это — паша или областные управители. Они имели военную и административную власть: они были и управителями, и военными комендантами (финансовыми начальниками) провинций; большинство из них были одновременно и главными откупщиками налогов, кроме того, на них была возложена обязанность распределения и собирания налогов, ремонта и поддержки общественных сооружений, дорог, крепостей и пр. При такой широкой власти нетрудно себе представить, какой большой простор открывался для произвола и злоупотребления властью со стороны пашей, особенно если принять во внимание их самоуправство, стремление к сепаратизму, независимости и непокорность по отношению к центральной власти. Понятно, что в том же духе действовали и все подвластные пашам органы власти, которые, с своей стороны, проявляли немало произвола. Из них самыми страшными были так называемые дели и или дели башии — конница, которая находилась в полном распоряжении пашей и беспрекословно исполняла все их распоряжения, постоянно была готовым и страшным оружием в руках любого властолюбивого и бесчестного паша. Особенно тягостными они становились для населения тогда, когда были предоставлены самим себе ввиду смены паша или когда распоряжались «по иным причинам».

Кирджалийские разбои и генерал-губернаторские междоусобицы ударили, в первую очередь, непосредственно по «бедной райе», выражаясь языком султанских фирманов Селима III. Жизнь страны к началу XIX столетия пришла в полное расстройство. Крестьянское хозяйство, городская ремесленная промышленность, торговля — все испытывало на себе в одинаковой мере удары царившей в стране анархии, которая вызывала всеобщее враждебно-оппозиционное настроение среди национальных меньшинств по отношению к чужденациональному правительству, неспособному обеспечить мирному населению элементарные условия физического существования. Тя-



желая действительность толкала мысль угнетенных наций к самообороне. В феврале 1804 г. началось массовое народное движение в Сербии под руководством популярного в народе Кара-Георгия, затянувшееся затем на многие годы, пока, наконец, в 1829 г. Сербия не получила по Адрианопольскому миру прав автономного княжества. Одновременно таких же прав добились Молдавия и Валахия. В 1821 г. началось восстание в Греции, которое привело ее в 1830 г. к полной независимости. Болгария продолжала оставаться в прежнем угнетенном положении. Но и внутри ее происходили большие социальные и идеологические сдвиги, почва для которых была подготовлена всем предшествовавшим ходом событий внутренней хозяйственной и политической жизни страны.

И если эти сдвиги не привели болгарский народ к решительной постановке проблемы национально-государственного отделения, тогда как эта проблема уже была поставлена у их ближайших соседей, греков и сербов, то только потому, что поставленный в более тяжелые условия своего хозяйственного, культурного и политического существования и развития, нежели сербы и греки, болгарский народ к тому времени еще не успел мобилизовать свои силы вокруг того организующего национального центра, каким у всех угнетенных народов полуострова к этому времени явилась национальная буржуазия. Болгарская буржуазия выступила несколько позже своих соседей на путь организованного национально-освободительного движения потому, что вся историческая обстановка, в которой росли и крепились производительные силы болгарского народа, менее благоприятствовала успехам их развития, нежели историческая обстановка периферийных районов, непосредственно связанных своими национальными границами (Сербия) или своим территориальным положением (Греция) с капиталистическими странами Запада.

Тем не менее и при этом положении вещей за века своего угнетения болгарский народ не оставался пассивным наблюдателем совершающегося вокруг него и над ним со стороны его классовых и политических врагов. В различных своих слоях, в различное время, действуя во имя своих национально-классовых интересов, он постоянно боролся против насильников.

Начало этой борьбы восходит к XVI в., т. е. к началу упадка и разложения феодального строя в Турции, и вплоть до начала XIX в. она ведется из двух центров, хотя и параллельных друг другу, но ни организационно, ни идеологически друг с другом не связанных. Первым центром были верхи бывшей национальной феодальной общности и примыкавшие к ним высшее духовенство и зажиточные элементы городских ремесленников и торговцев; вторым центром было крестьянство.

Потомки разгромленного феодального дворянства вместе с верхами городской знати (нотабли, болг. първенци) во имя своих классовых интересов объединенными силами борются путем вооруженных восстаний при содействии западноевропейских держав — Польши, Австрии, Венеции, Рима, и притом во имя восстановления своей национальной государственности со всеми ее старыми атрибутами, т. е. в форме старого болгарского царства. Параллельно с этим фронтом, но не в союзе с ним, ведет вооруженную классовую борьбу со своими насильниками и болгарское крестьянство, но ведет ее, во-первых, направляя ее против помещиков и эксплуататоров крестьянского труда независимо от их национальности и не думая при этом о восстановлении болгарского царства, и, во-вторых, ведет ее

методом партизанской войны в форме так называемого хайдучества или хайдутства. Хотя с начала XIX в. поднимается полоса новых массовых восстаний, охватывающих теперь уже более широкие слои угнетенного крестьянства и мелкого городского ремесленничества, направленных против господствующего феодально-крепостнического строя вообще, но все же параллельно с этими восстаниями не прекращается, однако, и партизанская война крестьянских хайдутских отрядов, которые продолжают действовать и далее с возрастающей энергией и настойчивостью вплоть до первой болгарской буржуазной революции 1876 г., выдвигая из своей среды целую плеяду выдающихся народных героев-борцов с насильниками и эксплуататорами народа, борцов, имена которых и до сих пор продолжают жить в народных песнях и сказаниях.

Известный ученый, гуманист, Филиппо Буонакорси (1439—1496) имел возможность хорошо ознакомиться с внутренним состоянием турецкой державы, так как путешествовал по Фракии, Македонии, Греции и Нижней Мизии, т. е. по различным районам Болгарии, в качестве посланника польского короля Казимира Ягеллончика (1447—1492) к турецкому султану. Оценивая в своем обращении к папе Иннокентию VIII от 1490 г. силу и слабость Турции и призывая европейские державы возобновить свои военные действия против турок, во главе с Польшей, которая могла бы легче всего, как близкая соседка, сокрушить турецкую мощь, он писал, между прочим, следующее: «После перехода турок в Европу многочисленные греки и значительно более многочисленные болгары, босняки, эпироты и другие, как их представила молва, сейчас горят одинаковым желанием и одинаковой нуждой и с готовностью ждут случая сбросить с себя иго рабства... Болгары всегда, да и сейчас, по трудолюбию и способности к горной и пастушьей жизни равняются с эпиротами; но разоренные и отчаявшиеся не от повседневных и постоянных боев, а от грабежей и насилий, терпеливо ждут освобождения и не желают нести тяжелое рабство». Выступление Буонакорси, как известно, не имело успеха.<sup>1</sup>

Аналогичные показания и других авторов свидетельствуют о том, что болгарский народ в своей массе, если и выносил терпеливо, в силу своей неорганизованности и материальной беспомощности, чужденациональное угнетение, то никогда не мирился с создавшимся положением вещей, которое мешало его мирному труду, делало его жертвою насильнического произвола властей и эксплуатации помещиков и не обеспечивало ему элементарных условий человеческого существования. Для трудовых масс болгарского народа дело шло не о восстановлении национальной государственности, при которой им жилось не лучше и о которой могли мечтать и мечтали только потомки владетельных феодальных родов, оставшиеся после завоевания Болгарии турками у разбитого корыта. Народ терпел тяжелые материальные лишения в обстановке административного произвола и бесправия и нуждался прежде всего в насущном куске хлеба, который мог дать ему только его мирный труд. Но существующий порядок вещей не обеспечивал народу необходимых условий для такого труда. Нет ничего удивительного в том,

<sup>1</sup> Проф. В. Н. Златарски, назв. соч., стр. 708.



что в своей наивной простоте и он при всяком удобном случае обращался к знатым европейцам-путешественникам с жалобами на свою судьбу и с надеждами на помощь со стороны более мощных западноевропейских держав.

Иначе, как было сказано, держали себя в этой обстановке премники былых аристократических родов болгарских феодалов, высшее духовенство и городское купечество. Располагая материальными возможностями и своим социальным положением «нотаблей», они, начиная с XVI в., уже ведут как внутри страны, так и за ее пределами довольно широкую организационную работу, рассчитанную в конечном счете на восстановление болгарской национальной государственности при содействии западноевропейского оружия, выступая в данном случае обыкновенно в роли местных агентов великих западных держав. Оперу для своей деятельности они находят в оживившихся на феодальном Западе с конца XVI в. и особенно после Ситваторокского мира (1609) надеждах на ликвидацию захватчика европейской территории, опасного и беспокойного соседа, сожительство с которым обходилось им слишком дорого. На эту тему шли тогда в Европе оживленные разговоры, причем предполагалось, что в случае объявления большой войны Турции на помощь европейскому оружию придет местное христианское население своим массовым восстанием. В Болгарии Европа имела тогда своих агентов по этому делу в лице двух дубровницких купцов — Павла Джорджича и Ивана Марничча. Первый, как мы уже знаем, долгое время жил в Болгарии и хорошо знал всю внутреннюю политическую обстановку страны.

В 1595 г., когда в войне с Австрией военное счастье стало изменять Турции и когда, воспользовавшись этим обстоятельством, Сигизмунд Баторий (Трансильванский) князь Сигизмунд Баторий, султанский вассал, поднял против своего сюзерена восстание, Павел Джорджич отправил к нему с секретным курьером докладную записку, т. е. агентурное донесение, в котором сообщал Баторию о тяжелом положении болгар и обращал его внимание на возможность легкого овладения страной, если Баторий вместе со своими единомышленниками, восставшими вместе с ним против Турции, валашским воеводой князем Михаилом Храбрым (Михаил Витяз) и молдавским господарем Аароном, вышлют за Дунай свои войска. При этом Джорджич сообщал, что как только Баторий пришлет болгарам свою помощь, они единодушно восстанут против турок, займут проходы на Старой Планине и «до последнего человека будут пытаться свое счастье».<sup>1</sup>

Год спустя после этого аналогичное приглашение Баторий получил и от одного никопольского болгарина (это, несомненно, был Тодор Балина), который, сообщая ему о движении султанских войск, писал: «Все мы, как духовные, так и светские, видные и простые люди этих стран, просим вашу светлость, как нашего милостивого господаря, соблаговолите ради бога и вышлите нам хорошего начальника с известным числом людей, чтобы восстала и Болгария».<sup>2</sup>

Между тем Павлу Джорджичу удалось организовать в Болгарии обширный политический заговор, в котором главную роль

<sup>1</sup> См. Makouschev. *Monuments historiques des slaves méridianaux...*, «Гласник», 14. 1882.

<sup>2</sup> Проф. Н. И. Милев. *Католическая пропаганда в Болгария през XVII век.* София, 1914, стр. 169 и сл.

играло высшее духовенство. Вождями движения были тырновский митрополит Дионисий Рали, выходец из видной греческой константинопольской семьи, потомок византийского императора, и никопольский болгарин Тодор Балина, крупнейший представитель местных нотаблей, «первый благородник в никопольском санджаке». Сам Павел Джорджич подготовил восстание в городах Варна, Шумен и Филиппополь, а его соотечественники, дубровницкие купцы братья Скоркочевичи, действовали в этом же духе в Тырнове и Рушуке. В 1597 г. Тодор Балина и Павел Джорджич прибыли в Прагу, где подробно докладывали о положении дела в Болгарии и подготовке восстания и получили от австрийского императора Рудольфа II обещание прислать в Болгарию на помощь восстанию 6 тыс. человек и необходимую денежную помощь; с своей стороны, они взяли на себя обязательство содержать австрийскую армию, как только она переправится за Дунай.<sup>1</sup>

В 1598 г., наконец, в Тырнове вспыхнуло восстание. В качестве болгарского царя был провозглашен какой-то мнимый или подлинный потомок старой царской фамилии Шишманов под именем Шишмана III. Восстание не удалось. Переправившийся через Дунай со своим войском и хорошо пограбивший и опустошивший придунайскую область между Никополем и Видином валашский воевода Михаил Храбрый не устоял, однако, против турецких войск и скрылся за Дунай. Шишман III вместе со своими сторонниками бежал в Россию, а митрополит Дионисий скрылся сначала в Валахию, что обошлось ему в 2700 грошей серебром, уплаченных тырновскому кадию и местным туркам, а оттуда в 1599 г. в Семиградю к Сигизмунду Баторию. Вслед за отступившими войсками валашского воеводы ушли в Валахию увлеченные им 50—60 тыс. человек болгарского населения. Впоследствии они были расселены по валашским селам. Так печально закончилась первая попытка болгарских нотаблей сбросить с себя под руководством дубровницких капиталистов и европейских феодалов турецкое владычество и восстановить национальную государственность.<sup>2</sup>

Вторая попытка такого же восстания имела место в XVII в. и была организована на этот раз представителями высшего католического духовенства в Болгарии, выступавшего в данном случае, подобно дубровницким купцам, в роли агентов западноевропейских католических держав — Рима и Вены. Во главе этой «католической пропаганды» стоял софийский католический архиепископ Петр Богданов (1641—1674). Центром движения был г. Чипровец. В 1646 г. организаторы восстания — городские нотабли, католики и православные, обратились за помощью к валашскому воеводе Матвею Басараба (1633—1654). Они предложили ему возглавить восстание и обещали избрать его болгарским царем, если предприятие удастся, с условием при этом, что войска его не будут разрушать болгарские села и что он лично будет относиться с известным уважением к инициаторам и вождям народного движения. Матвей Басараба принял предложение и обещал послать в Болгарию 20-тысячную армию, но заявил при этом, что было бы лучше, если бы обо всем этом было доведено до сведения польского короля и венециан-

<sup>1</sup> Проф. Н. И. Милев, назв. соч., стр. 170.

<sup>2</sup> Проф. В. Н. Златарски, назв. соч., стр. 710 и сл.; Н. И. Милев, назв. соч., стр. 169—171.



ского сената, чтобы и они приняли участие в этом деле. Решено было командировать в Варшаву и Венецию делегатов со специальными полномочиями. Выбор пал на католического епископа, впоследствии маркианопольского архиепископа — Петра Парчевича (ум. в 1674 г.), болгарина по национальности, уроженца Чипровца. С этого момента Парчевич становится душой всего движения. Однако и эти переговоры 1647 г. не дали благоприятных результатов: польский король Владислав IV отнесся сочувственно к болгарскому делу и подарил заговорщикам свой портрет, перстень, платье и шелковое знамя, но Венеция сочла предложение болгар не отвечающим ее интересам на Востоке. Тогда в 1649 г. архиепископ Петр Богданов лично, в сопровождении чипровецкого князя Франка Марканича и местных нотаблей отправился в Тарговище в Валахии, чтобы вступить в непосредственные связи с Матвеем Басараба, и здесь было принято решение отправить новое посольство в Варшаву, Вену и Венецию во главе с тем же Петром Парчевичем с полномочиями от князя Марканича, архиепископа Петра Богданова и «болгарского народа». Польский король Ян Казимир и на этот раз выразил готовность поддержать болгар, но при условии, если Австрия и Венеция примут участие в войне. Но Австрия и Венеция отказались от каких-либо активных действий (1650), а Польша одна не решилась действовать.

Третья попытка объединенного православно-католического епископского блока, предпринятая в том же направлении в 1658 г., тоже потерпела неудачу. Между тем султанское правительство узнало о существовании в Чипровце с 1656 г. заговорщической организации и о ее сношениях с западными державами, и хотя Чипровцу и удалось, пользуясь покровительством матери султана, значительными суммами откупиться от угрожавшей ему опасности, тем не менее вся его область в 1668 г. была наводнена турецкими войсками. Заговорщическая организация в Чипровце прекратила свое существование, но наступившие вскоре политические события вновь внесли оживление в деятельность чипровецких епископов.

В 1672 г. вспыхнула война между Турцией и Польшей. Турецкие войска стали проходить через Молдавию и Валахию. Это обстоятельство вызвало у владетельных князей этих областей тревогу за свою судьбу, которая усилилась вместе с первыми успехами турок, и они решили восстать против Турции, если им помогут объединенными силами Австрия, Венеция и Польша. Этим моментом воспользовались чипровецкие заговорщики и вновь отправили Парчевича в Варшаву, Вену и Венецию для соответственных переговоров. В своем письме от 5 марта 1673 г. к названным державам архиепископ Петр Богданов писал, между прочим, что «сейчас больше чем когда-либо» народ на Востоке твердо стоит на своем старом желании освободиться от турок, ввиду чего он решил побудить христианских владетелей прийти ему на помощь, тем более в то время, когда и оба приданайские князя согласны в этом смысле с ним и между собою.

Действительно, политическая обстановка, повидимому, складывалась весьма благоприятно. Как раз в это время поляки во главе с Яном III Собесским (1674—1696) одержали блестящую победу над турками при Хотине, и Парчевич ревностно старался склонить Австрию и Венецию помочь полякам деньгами и войском с тем, чтобы они перешли Дунай и освободили христиан. Однако все уси-

лия Парчевича в Вене, Венеции и в Риме у папы не дали никаких результатов, а в 1674 г. он умер. В том же году умер и его сотрудник Петр Богданов.<sup>1</sup>

В 1684 г., после поражения турок у Вены, между Австрией, Польшей и Венецией был заключен, под покровительством папы, священный союз против Турции в целях изгнания турок из Европы. К этой коалиции присоединилась и Россия. Воспользовавшись начавшейся войною, в которой австрийцы занимали венгерский фронт, венецианцы действовали со стороны Далмации и Морей, поляки на Днестре, а русские — против Крыма, некий князь Ростислав Стратимирович, выдававший себя за потомка болгарского царя Ивана Срацимира Видинского (ум. в 1398 г.), в 1686 г. встал во главе подготовки нового восстания болгарских нотаблей против Турции. Центром организации восстания был г. Тырново. Пока Ростислав ездил в Москву, чтобы заручиться здесь поддержкой своего предприятия, тырновская организация была раскрыта турецким правительством, Тырново подвергся погрому, приверженцы Ростислава были казнены и две трети населения столицы было уничтожено. Тяжело раненному Ростиславу удалось, наконец, скрыться в Россию, и в 1689 г. он прибыл в Москву.

Однако и после этой, третьей по счету, неудачной попытки болгарской родовой и имущей знати путем вооруженного восстания воскресить болгарскую национальную государственность, она не теряла надежды добиться своей цели и старалась использовать всякий удобный момент в международной политической ситуации для выступления. Таким моментом явились военные неудачи турок в 1687 г., когда они потерпели тяжелое поражение при Мохаче, и взятие Белграда австрийцами в 1688 г. Организатором болгарского восстания на этот раз явился валахский князь Щербан II. Центром восстания был тот же город Чипровец. Во главе восстания стояли два чипровчанина, Георгий Пеявчевич и Богдан Маринович. Валахский князь Щербан, обращаясь к правительнице Софье и царям Ивану и Петру с просьбою послать как можно скорее войска на Дунай, уверял русское правительство в том, что как только его войска явятся сюда, все тамошнее население восстанет «и соберется сербов и болгар с 300 тысяч, а немцам те народы вовсе не рады». Россия в это время была занята крымскими татарами и послать свои войска на Дунай не могла.<sup>2</sup>

На первых порах военные действия чипровчан при поддержке успешно наступавших в Сербии и Боснии австрийцев имели некоторый успех, но в сражении при с. Кутловице (Фердинанд) они были разбиты турками наголову. Чипровец был разграблен и разорен; население его наполовину было уничтожено, частью было взято в плен, а кто остался в живых, бежал в Валахию.

В то время как верхи старой городской болгарской общественности в лице своих нотаблей, мнимых или подлинных потомков болгарских царей и крупных феодалов, вместе с представителями высшего православного и католического духовенства и купечества организовывали неудачные восстания против турецкого владычества в целях восстановления национальной государственности и втяги-

<sup>1</sup> В. Н. Златарски, назв. соч., стр. 713—715; проф. Н. И. Милев, назв. соч., стр. 174—179.

<sup>2</sup> Там же, стр. 715—717.



вали в свои авантюры в качестве «пушечного мяса» и местное трудовое население, которое затем жестоко расплачивалось своею жизнью и материальным разорением за выступления национальных феодалов, трудовые массы болгарского народа, начиная с XVI в., также перешли к самообороне в форме партизанских выступлений вооруженных отрядов хайдуков, самоотверженной повстанческой деятельностью которых заполнена вся история угнетенных народов полуострова в течение XVII, XVIII и XIX вв. У греков эти повстанцы были известны под именем клефты, у далматинских сербов — ускоки. Аналогичное массовое народное социальное движение на угнетенной Украине было известно с XVIII в. под именем гайдамачины.<sup>1</sup>

Хайдутские отряды (четы) в составе 10—20 человек каждый пополнялись обыкновенно из рядов угнетенной райи наиболее энергичными, отважными и самоотверженными элементами, отчаявшимися в возможности при существующем порядке вещей создать какие-либо более или менее сносные условия добрососедского сожительства с завоевателем. Покидая свою землю и родной кров, они уходили обыкновенно раннею весною в недоступные для неприятеля горные ущелья, откуда по ночам производили набеги на своих насильников и жестоко мстили им за их злодеяния убийствами и грабежами, не трогая однако никогда мирного населения. На зиму они обыкновенно возвращались в деревни к своим семьям, к мирным сельским занятиям и тщательно укрывались здесь населением от полицейского глаза. Это были народные герои, о подвигах которых слагались народом легенды и пелись песни. Эти песни и до сих пор живут в устах болгар и сербов, напоминая народу героические страницы его недавнего исторического прошлого и составляя в народной эпике довольно обширный и разнообразный по персонажам и сюжетной тематике отдел так называемых хайдутских песен.

Особенно обильна этими песнями восточная Болгария, где сложились песни о хайдутах Страхиле, Стояне, Татунчо, Ненчо, о Маноле-воеводе, Индже-воеводе, Мануше-воеводе и т. д. Хайдутские песни, в которых народом воспето хайдучество в целом как социальное движение, как выражение протестующей против насильника народной гордости и гнева, вместе с тем дают и большое разнообразие индивидуальных характеров и типов из среды хайдучества. Так, например, Страхил представляет собою воплощение юнацкой отваги, Татунчо — живой образ героя-хайдута, не способного мириться с унижительными условиями рабского существования; Чавдар воплощает обманутую доверчивость хайдута, жестоко отомщенную; Радул рисуется то чертами бесстрашного Страхила, то мстителя разбойникам за их злодеяния; таков же и Дамян-воевода. Индже-воевода окружен ярким поэтическим ореолом любимца гор и лесов и хранителя их красот; Кузман-воевода, который величается иногда в песнях «капетаном» и является реальной личностью, рисуется как отважный преследователь разбойников и т. д. Наряду с мужчинами в народных хайдутских песнях выступают в роли таких же народных героев и женщины-хайдутки. Таковы, например,

<sup>1</sup> Укр. гайдамак, сербск. гайдук или айдук, болг. хайдук, хайдутин — слева одного и того же корня hada (арабск.) — беспокоить, смущать; арабск.-тур. hajdetak — «гнать», откуда гайдук и пр. — человек преследующий; по-турецки они назывались харамии, а вождь хайдутской четы — харамбашия.

Бояна-войвода, которая разгоняет преследующую погоню и освобождает своего жениха; в этом же роде и хайдутка Драганка; Пена-хайдутка разбивает целую чету хайдуттов, которые преграждают дорогу свадьбе, и т. п.<sup>1</sup>

В конце XVIII в. в Дебарских и Кичевских горах в Македонии известна была своими хайдутскими подвигами Сирма-войвода. Дружина долгое время не знала, что ее воевода — девушка. Она могла выстоять на ногах по 18 часов. Впоследствии она вышла замуж. Известный собиратель болгарских народных песен, Димитрий Миладинов, видел ее в г. Прилепе, когда она была уже старушкою 80 лет; она умерла в 1861 г. Он лично от нее слушал рассказ о ее молодости. В своей комнате под подушкою она держала спрятанными пистолеты, а на стене были развешаны сабли. Об этой хайдутке Сирме-воеводе и доныне поются в народе песни.<sup>2</sup>

В походах хайдутам нередко приходилось терпеть и голод и лишение всевозможных лишений, связанные с партизанскою боевою жизнью. Между собою члены хайдутской дружины были связаны крепкою боевою товарищескою верностью друг другу и своему воеводе («дружина верна-сговорна»). В походах они никогда не покидали своих больных и раненых товарищей и иногда, — как говорят народные песни, — по три года носили их с собою, лишь бы только они не попали в руки неприятеля. Если хайдут попадал в руки преследовавшего его врага, враг беспощадно расправлялся с ним, предавая его смертной казни (насаживание на кол); если он падал убитым в бою, турки отрубали ему голову, насаживали ее на шест и носили ее по родным павшему в бою городам и селам для внушения страха населению. Затем голова на шесте оставлялась дней на 10—15 под открытым небом среди населения, подвергалась разложению, исклевывалась птицами и потом выбрасывалась в какое-либо болото или отдавалась населению для погребения.

Как неорганизованное, расплывенное и не объединенное единством плана действий болгарское хайдутство вплоть до середины XIX в., до выступления на сцену первого организатора-революционера Георгия Стойкова Раковского преследовало только цели мести народным насильникам и не ставило себе каких-либо более широких национально-политических задач. Раковский, сам бывший хайдутин, первый в истории классовой борьбы в Болгарии организовал хайдутское движение в широком масштабе, объединил его известною планомерностью и дал ему определенные национально-политические установки. Со времени Раковского хайдутин вырос в революционера, и старая хайдутская вольница стала мощною силой в деле борьбы народных масс за свое политическое раскрепощение.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> См. Б. Ангелов. Българска литература, ч. II. София, 1924, стр. 124 и сл. Академик Н. С. Державин. Основные идеи и факты болгарской героической народной поэзии. Вступительная статья к книге «Болгарская народная поэзия», М., 1944, стр. 19—25.

<sup>2</sup> См. д-р К. Иречек. История на българите. Търново, 1888, стр. 603.

<sup>3</sup> Панайот Хитов. Моего пътуване по Стара планина и животописанието на някои стари и нови воеводи. Изд. под ред. Л. Каравелова. Бухарест, 1872 г.; русск. перевод см. «Славянский сборник», II, Спб., 1877; А. Н. Пыпин. Герцеговинские гайдуки сто лет тому назад. «Вести. Европы», 1877, № 6; Р. А. Агатович и П. М. Спасич. Српски устаници противу турска (1459—1814), 2 части. «Славянский сборник», т. II, 1877 г.; д-р К. Иречек. История на българите. Търново, 1888, стр. 600—603; Н. Станев. България под яго. София, 1928, стр. 81—84.



Крупнейшие политические события в жизни народов Балканского полуострова в начале XIX в., как-то: сербское восстание под водительством Кара-Георгия; русско-турецкая война 1806—1812 гг. и греческое восстание 1821 г., стимулировали рост повстанческих настроений и в болгарском обществе. В русско-турецкой войне принимает активное участие болгарское земское войско, организованное из добровольцев, болгарских эмигрантов в Молдавии и Валахии. Хотя Бухарестский мир 1812 г., заключенный между Россией и Турцией, не принес болгарскому народу никаких улучшений в его политическом положении, тем не менее он несколько не ослабил его энергии и не внес упадочных настроений в его борьбу с чужденациональным политическим гнетом.

Напротив, все более и более с каждым годом обострявшееся в стране политическое положение толкало национальную буржуазию на активные политические выступления против своего угнетателя. Чувствуя себя еще недостаточно окрепшей для самостоятельной вооруженной борьбы со своим противником, она использовала все подходящие случаи для нанесения ему удара и ослабления его сил. Поэтому болгары охотно и в большом количестве принимали участие в греческом восстании 1821 г., борясь в рядах греческих повстанцев. В русско-турецкой войне 1828 г. в состав русских войск входил специальный болгарский добровольческий отряд под командою капитанов Георгия Мамарчева и Васильева, и целый ряд болгарских чет во главе со своими воеводами, среди которых был и знаменитый в истории хайдутского движения у болгар воевода Филипп Тотю. Однако неудачи преследовали болгар и на этот раз. Когда военные действия были перенесены на юг от главного Балканского хребта, русское командование в лице генерала Дибича-Забалканского запретило болгарским вооруженным отрядам дальнейшее участие в военных операциях и, в частности, в наступлении на Адрианополь.

Тогда болгары решили действовать самостоятельно, воспользовавшись успешно развивавшимся наступлением русских на Адрианополь. Инициатором дела явился тот же капитан Георгий Мамарчев. Он встал во главе вооруженного болгарского отряда добровольцев в числе 500 человек и занял Котел, откуда отправился в Сливен, чтобы подготовить местное население к вооруженному восстанию. Центром восстания намечалась древняя болгарская столица, Тырново, где, по плану Мамарчева, должна была быть провозглашена свобода болгарского народа. Болгарская буржуазия охотно пошла навстречу начинанию Мамарчева, уверенная в том, что болгарское восстание с провозглашением независимости Болгарии явится совершившимся фактом, который заставит русское командование при заключении мира с Турцией учесть вопрос об освобождении Болгарии и включить его в условия мирного договора. Но в самый разгар широкой подготовки населения восточной Болгарии к восстанию ген. Дибич отправил в Сливен казачий отряд в 200 человек с поручением арестовать капитана Мамарчева и доставить его под конвоем в главную квартиру, что и было в точности исполнено. До сведения же болгарского населения главнокомандующим было доведено, что мир уже заключен и что, согласно договору России с европейскими державами, никто из подвластных Турции народов не должен поднимать вооруженного восстания, что болгары поэтому должны сохранять спокойствие. Пораженные этой неудачей сливенцы и котленцы отправили к ген. Дибичу делегацию. Рассказав

о страданиях болгарского народа, делегация просила освободить капитана Мамарчева и разрешения болгарам бороться против своих угнетателей собственными силами. Просьбы эти не были удовлетворены Дибичем. Болгарам было лишь обещано, что к ним будет назначен русский консул для защиты перед турецким правительством скомпрометировавших себя их соотечественников.

После заключения Адрианопольского мира (2/14 сентября 1829 г.) и исполнения Турцией своих обязательств русские войска очистили территорию Болгарии, оставив в Силистре отряд под командованием графа Киселева впредь до уплаты Турцией предусмотренной мирным договором контрибуции. Не усматривая в поведении Мамарчева никакого преступления, Киселев назначил его градоначальником Силистры.

С этого момента начинается новый этап в деятельности Мамарчева. Он вступает в конспиративную связь с тырновскими нотаблями, по приглашению которых возглавляет организованный ими заговор и подготавливает вооруженное восстание, намечавшееся на весну 1836 г. Этот заговор известен в болгарской истории под именем «Велчева завера». При содействии предателей заговор был раскрыт турецким правительством, его инициаторы были казнены, а капитан Мамарчев, как русский подданный, был отправлен в Константинополь и передан в распоряжение русского посольства. Впоследствии он был выслан на о. Самос, где и умер в 1846 г.

Аналогичные заговоры в это же время организовывались, независимо от Мамарчева, и в других местах Болгарии; преимущественно в западных ее районах — в городах Пироте и Берковиче в 1836, 1837 и 1838 гг. Все попытки восстаний жесточайшим образом подавлялись турецким правительством.

3 ноября 1839 г. султаном Меджидом (1839—1861) был обнаружен так называемый Гюльханский хат-и-шериф, «акт справедливости и благодетельности», как он именовался турецким правительством. Этим актом декларировалось полное равноправие, без различия вероисповедания, всех подданных султанской империи перед законом и правительственной властью. Гюльханский хат-и-шериф впервые в истории угнетенных народов Турции открывал перед ними некоторые перспективы в смысле улучшения общего политического положения в стране и обещал некоторые гарантии защиты народа от бесправия и административного произвола местных агентов правительства и помещиков. Но либеральный по своему духу Гюльханский хат-и-шериф был встречен враждебно со стороны консервативной турецкой полуфеодалной бюрократии и духовенства и вместо ожидаемого улучшения положения угнетенной и бесправной райи вызвал обратное действие — вспышку националистического фанатизма в влиятельных кругах господствующей нации и привел к значительному ухудшению политического положения болгарского народа, особенно в периферийных районах империи на ее северо-западной болгарской окраине, в Видинском, Кулском, Белоградчицком, Ломском и других округах. Поборы, грабежи и истязания населения со стороны турецкой администрации приняли здесь такие ужасающие размеры, что у населения не оставалось никакого другого средства самозащиты, как только вооруженное восстание.

Руководители восстания, местные воеводы Милое и Гавра добились поддержки со стороны сербского правительства боевыми припасами, подготовили к восстанию все население района, сделав центром восстания г. Ниш. Восстание вспыхнуло в 1841 г. и на



первых порах имело успех, что подняло боевое настроение повстанцев и значительно увеличило их ряды. Однако на помощь осажденному Нишу подоспели турецкие войска из ближайших укрепленных центров. Повстанцы были оттеснены от Ниша к г. Лесковец, где в ожесточенном бою потерпели поражение, были рассеяны и бежали, кто в Сербию, кто в Валахию.

Нишское восстание 1841 г., охватившее широкие народные массы обширного района, вынудило турецкое правительство на издание в 1844 г. нового акта, так называемого танзимата, которым подтверждались права, предоставленные христианской райе Гюльханским хат-и-шерифом. Но и танзимат постигла та же участь, что и предшествующий документ, т. е. никем из турецкой администрации на местах он не исполнялся, положение для болгарского народа оставалось прежним, и 1 июня 1850 г. в том же северо-западном районе Болгарии, в Видинском пашалыке вспыхнуло новое массовое народное вооруженное восстание, собравшее под свои знамена до 7 тыс. человек. Особенность этого восстания заключалась в том, что местная власть, чувствуя серьезность положения, попыталась вступить с повстанцами в переговоры, но повстанцы не пошли ни на какие переговоры, а потребовали присылки из Константинополя для этой цели специального комиссара. Согласно требованию болгарского населения, такой комиссар и прибыл к месту восстания. Это был Риза-паша, который сумел расположить к себе болгарское население, и оно обратилось к центральному правительству с просьбой назначить Риза-пашу видинским пашой, что и было исполнено центральным правительством. Но пока Риза-паша ехал для переговоров с повстанцами, местные власти натравили на повстанцев, не успевших еще собраться в намеченном пункте для начала повстанческих действий, отряды башибузуков, которые неожиданно напали на них. Произошло ужасающее кровопролитие, в несколько дней одна часть повстанцев была перебита, другая бежала на территорию Сербии, большинство же успело скрыться в горы для того, чтобы, собравшись с силами, продолжать свою повстанческую деятельность. Таким образом, когда Риза-паша прибыл для переговоров с повстанцами и получения от них информации о злоупотреблениях и насилиях местных властей над мирным и беззащитным населением, он нашел картину погрома, и его усилия были направлены теперь к тому, чтобы вернуть бежавших в горы в свои деревни, чего ему вместе с влиятельными видинскими болгарскими турками удалось добиться путем широковещательных обещаний и клятв. Но пребывание Риза-паши на посту видинского паши было весьма кратковременным. Сменивший его в 1851 г. Мустафа Зариф с усиленной энергией возобновил старую политику притеснения, эксплуатации и истязаний болгарского народа. На этот раз дело, однако, не дошло до восстания лишь потому, что начавшаяся в 1853 г. Крымская война вновь возродила у болгарского народа надежды на содействие делу его освобождения со стороны России.<sup>1</sup>

Таковы вкратце факты, характеризующие внутреннюю политическую жизнь болгарского народа под гнетом чуженациональной власти, начиная с XVI в. и вплоть до первой половины XIX в., к моменту выступления на арену национально-освободительной борьбы первого у болгар организатора-революционера Георгия (Саввы) Стойкова Раковского.

<sup>1</sup> В. Н. Златарски, назв. статья, стр. 728—733.

67

Все болгарские народные восстания, которыми отмечена первая половина XIX в., как видели мы выше, носили неорганизованный, распыленный, стихийный характер, почему болгары и терпели систематически поражения, не будучи в состоянии противостать хорошо вооруженной и организованной армии своего насильника. Такого же характера были в это время и выступления хайдутов, четников, действовавших вразброд, неорганизованно, распыленно, без объединяющего их единого руководства, без какого-либо единого плана и единой высшей целеустремленности. С выступлением на сцену национально-освободительного движения Георгия Раковского начинается новый период в истории болгарского национально-освободительного движения, характеризующийся переходом от хайдучества к системе централизованной революционной борьбы, на первых порах при помощи тех же хайдутских чет, которые со времени Георгия Раковского впервые получают характер вооруженных отрядов болгарского революционного народа и ведут борьбу, руководствуясь уже не только чувством мести, но общей для всех организованных хайдутских отрядов задачей вооруженной борьбы за национально-политическое раскрепощение народа и соответственной подготовки его к массовому всенародному вооруженному восстанию.

С этого момента болгарский народ вступает в новый период своей исторической жизни, в период национально-освободительной борьбы за национально-государственное отделение. Первые страницы этого периода открываются публицистической, литературной, научной и революционной деятельностью Георгия (Саввы) Стойкова Раковского (1818—1867).





ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Глава I. Болгарское общество в эпоху чужденационального гнета</i> . . . . .	5
<i>Глава II. Аграрно-правовые отношения</i> . . . . .	15
<i>Глава III. Политическая обстановка</i>	
§ 1. Разложение военной силы феодальной Турции . . . . .	34
§ 2. Кирджалийское движение и кирджалии . . . . .	49
§ 3. Дезорганизация внутреннего административного аппарата . . . . .	54
<i>Глава IV. Идеологические влияния</i>	
§ 1. Мировое значение „Века просвещения“ и Французской буржуазной революции 1789 г. . . . .	58
§ 2. Греческий просветитель Адамантиос Коранс (1748—1833) . . . . .	63
§ 3. Сербский просветитель Досифей (Димитрий) Обрадович (1743—1811) . . . . .	68
§ 4. Софроний Врачанский (1739—1813) . . . . .	79
<i>Глава V. Положение на внутреннем идеологическом фронте в Болгарии под чужденациональным угнетением</i>	
§ 1. Болгарская народная школа в турецкое время . . . . .	93
§ 2. Фанариоты и эллинизация Болгарии . . . . .	100
<i>Глава VI. Народные восстания и повстанческое движение в Болгарии с XVI до середины XIX века</i> . . . . .	115

79

12

Редактор Ц. М. Подгорнская

РИСО № 2777. Подписано к печати 27/VIII 1947 г. А-04607. Тираж 8000. Заказ № 708.  
Объем 8 печ. л. Уч.-изд. л. 12.

Набрано во 2-й типографии «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграф-книга» ОГИЗа при Совете Министров СССР, Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатано с матриц в типографии «Московский большевик» Зак. 3384.